ПИСЬМА

ФИЛАРЕТА

ВПОСЛѢДСТВІИ

АРХІЕПИСКОПА ЧЕРНИГОВСКАГО И НѢЖИНСКАГО

КЪ

Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ

1835—1849 гг.

(Изъ архива села Покровскаго)

ИЗДАНЫ

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ И ПРИМѢЧАНІЯМИ

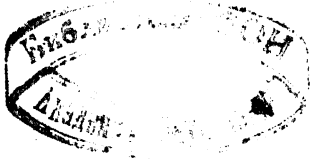
НИКОЛАЯ БАРСУКОВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28
1900

ВХ
597

Печатано по распоряженію Совѣта Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III.

Предсѣдатель **Графъ С. Шереметевъ.**

443
37

ПИСЬМА

ФИЛАРЕТА

впослѣдствіи

АРХІЕПИСКОПА ЧЕРНИГОВСКАГО И НѢЖИНСКАГО

къ

НАДЕЖДѢ НИКОЛАЕВНѢ ШЕРЕМЕТЕВОЙ

1835—1849.

Родная внука Надежды Николаевны Шереметевой Анна Алексѣевна Шереметева доставила въ Общество ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III-го собраніе писемъ Филарета, впослѣдствіи архіепископа Черниговскаго и Нѣжинскаго, къ Надеждѣ Николаевнѣ Шереметевой (рожденной Тютчевой), хранящееся въ семейномъ архивѣ села Покровскаго, Рузскаго уѣзда, Московской губерніи.

Филаретъ, слѣдуя завѣтамъ своего учителя митрополита Московскаго Филарета, не избѣгалъ общенія съ людьми, о чемъ нижеслѣдующія письма ясно свидѣтельствуютъ. „Служить Богу“, писалъ Московскій святитель,—„можемъ, убѣгая людей: служить управленію людьми нельзя иначе какъ общеніемъ. Только надобно, чтобы оно не противорѣчило характеру служенія“.

Письма Филарета къ Н. Н. Шереметевой, исполненныя смиренія, представляютъ собою какъ бы покаянный канонъ. Но это

направленіе, наблюдаемое во многихъ письмахъ Филарета, не совсѣмъ одобрялось святителемъ первопрестольнаго града, и онъ, предостерегая своего питомца отъ крайностей въ семъ родѣ, писалъ ему: „Сомнѣваюсь, въ правѣ ли мы съ вами быть щедрыми на смиреннословіе: для сего надобно быть довольно богату смиреніемъ; иначе тщеславіе, вошедъ дверью смиреннословія, выкрадетъ маленькое внутреннее смиреніе“.

Но мы ввели бы въ заблужденіе читателя, еслибы только этими словами охарактеризовали печатаемыя письма. Смиреніемъ и плачемъ о грѣхахъ отличаются письма Филарета только къ Н. Н. Шереметевой. Пылкая натура его проявлялась иначе въ сношеніяхъ съ другими людьми и даже съ самимъ святѣйшимъ синодомъ. „Мнѣ кажется“, предостерегалъ его тотъ же митрополитъ Филаретъ, — „что по братолюбію долженъ я нанести вамъ *язвы друга*, которыя, по слову Писанія, *достовѣрнѣе, нежели вольныя лобзанія врага*, именно — обратить ваше вниманіе на вашъ обычай выражаться очень рѣзко и предложить вамъ, чтобы вы въ семъ ограничили себя, потому что сіе можетъ причинить вредъ въ дѣлахъ и службѣ. Могу сіе доказать вашимъ отвѣтомъ. Когда вы рѣзкимъ и непокойнымъ тономъ написали письмо графу Протасову, вамъ въ отвѣтъ послали наставленіе, написанное свѣтскимъ человѣкомъ и подписанное митрополитомъ Антоніемъ“.

Познакомимся ближе съ лицомъ, которому принадлежатъ нижеслѣдующія письма, а также съ тѣмъ лицомъ — къ кому они писаны.

Свѣдѣнія объ архіепископѣ Филаретѣ главнымъ образомъ мы почерпнули изъ біографіи святителя, написанной И. С. Листовскимъ и напечатанной въ *Русскомъ Архивѣ* 1887 года.

I.

Приснопамятный историкъ Русской церкви Филаретъ (Гумилевскій), скончавшійся въ санѣ архіепископа Черниговскаго и Нѣжинскаго, родился 23-го октября 1805 года въ древнемъ селѣ Коновѣевѣ, находящемся на берегу Цны, Шацкаго уѣзда, Тамбовской губерніи. Село это принадлежитъ Нарышкинымъ. Отецъ Филарета

Григорій Аѳанасьевичъ священствовалъ въ этомъ селѣ. При рожденіи Филаретъ былъ нареченъ Димитріемъ въ честь св. великомученика Димитрія Солунскаго, котораго память совершается 25-го октября. По свидѣтельству И. С. Листовскаго, первымъ вѣстникомъ явленія въ свѣтъ свѣтильника нашей церкви и молитвенника за нашу родину былъ юродивый Алексѣй, колокольнымъ звономъ возвѣстившій селу Конобѣеву объ этомъ событіи. Отецъ Филарета отличался, при глубокомъ благочестіи, какъ замѣчательный проповѣдникъ и примѣрный священникъ, а мать Филарета Настасья Васильевна была „образцомъ русской благочестивой женщины“.

Красота мѣстности, въ которой находилось село Конобѣево, заставила Дмитрія съ дѣтства полюбить природу. Сдѣлавшись ректоромъ Московской духовной академіи, онъ ухаживалъ за цвѣтами; изъ Риги онъ писалъ, что подъ окнами „кое-какъ, съ усиліями, развелъ садикъ въ церковной оградѣ“; въ Черниговѣ превратилъ онъ монастырскіе дворы въ сады съ куртинами розъ и другихъ цвѣтовъ.

Семи лѣтъ Дмитрій былъ помѣщенъ въ Вышинскую пустынь къ ученому іеродіакону Никону, бывшему префекту Рязанской семинаріи, гдѣ пробылъ два года. Изъ Выши Дмитрій поступилъ въ Шацкое духовное училище. Во время каникулъ Дмитрій со своею теткою посѣтилъ Саровскую пустынь. Посѣщеніе это было замѣчательно предсказаніемъ о Дмитріѣ старца Серафима: „*Сей отрокъ будетъ великимъ священникомъ церкви и прославится по всей Руси, какъ ученый мужъ*“.

Въ 1819 году на экзаменѣ въ Шацкомъ училищѣ Дмитрій обратилъ на себя вниманіе Іоны, епископа Тамбовскаго и Шацкаго (впослѣдствіи экзарха Грузіи). Въ Тамбовской семинаріи Дмитрій отличался необыкновеннымъ трудолюбіемъ.

Въ 1826 году, выдержавъ пріемные экзамены, Дмитрій Гумилевскій поступилъ въ составъ VII-го академическаго курса Московской духовной академіи. Въ концѣ 1829 года онъ заявилъ митрополиту о своемъ намѣреніи принять иноческій чинъ. Митрополитъ Филаретъ отнесся весьма сочувственно къ этой рѣшимости

и при постриженіи далъ Дмитрію свое имя Филарета. Сохранилось преданіе, что Московскій святитель готовилъ его себѣ въ преемники. Въ отношеніяхъ его къ юному иноку замѣчалась отеческая заботливость и вмѣстѣ съ тѣмъ исключительная строгость.

Преосвященный Филаретъ, по свидѣтельству біографа, отъ первой минуты, когда предсталъ онъ предъ престоломъ Божіимъ, и до самой смерти въ санѣ архіепископа Черниговскаго и Нѣжинскаго, совершалъ божественную литургію со слезами умиленія. Многіе изъ присутствовавшихъ при этомъ радовались „этимъ слезамъ, этимъ вздохамъ и въ глубинѣ души благодарили Господа, что Онъ даруетъ такой обильный источникъ слезъ архипастырю, *приносящему Святыя дары о своихъ грѣхахъ и о людскихъ невѣжествіяхъ* (Евр. VII, IX, 7).

По принятіи иноческаго чина (19-го января 1830 г.) Филаретъ былъ возведенъ во іеродіаконы и въ этомъ санѣ оставался до окончанія курса въ академіи. 26-го августа того же 1830 года былъ посвященъ во іеромонахи, а въ сентябрѣ занялъ каѳедру церковной исторіи въ воспитавшей его академіи. Какъ ученый іеромонахъ, Филаретъ былъ причисленъ къ собору іеромонаховъ Московскаго Донского монастыря.

Академическая библіотека сдѣлалась жилищемъ молодого профессора. Здѣсь занимался Филаретъ составленіемъ своихъ лекцій, которыя были полны интереса, новы по содержанію и увлекательны по изложенію. Филаретъ былъ историкомъ по призванію. До него церковная исторія преподавалась по учебникамъ; но онъ сталъ самостоятельно разработывать предметъ свой и тѣмъ возжегъ божественный огонь въ своихъ слушателяхъ. Онъ вдохновилъ одного изъ нихъ, впослѣдствіи своего неизмѣннаго друга Александра Васильевича Горскаго.

Свое отношеніе къ наукѣ Филаретъ, уже въ санѣ епископа, выразилъ въ письмѣ къ А. В. Горскому по поводу *покойнаго тона*, примѣчаемаго въ сочиненіяхъ послѣдняго. „Правда“, писалъ онъ ему,—„въ ученыхъ разсужденіяхъ всего болѣе нужно спокойствіе души .. Но, какъ мнѣ кажется, и въ ученыхъ разсужденіяхъ, если разсуждать надобно о предметѣ дорогомъ не для одного разсудка, но и для всей души, неестественно оставлять въ бездѣйствіи чув-

ство; неестественно тому быть, чтобы любовь къ предмету не высказалась въ разсужденіи свойственнымъ ей образомъ въ словахъ, въ томъ выраженіи, въ образахъ, дышащихъ жизнію и движеніемъ. Мнѣ кажется, что въ противномъ случаѣ читателю нельзя не оскорбиться холодностію, какую видитъ онъ въ сочинителѣ, такъ какъ холодность эта относится къ предмету достойному любви, уваженія, дѣятельности цѣлой души. Правда, въ такомъ сужденіи моемъ участвуетъ и моя настроенность духа, организація грѣшной души моей, такъ часто тревожной и пылкой и тамъ, гдѣ не нужно горячиться чувству и воображенію, а нужно одно разсужденіе. Но вотъ я смотрю на нѣмцевъ: народъ размышляющій, народъ ученый. Но какъ хотите, только преобладаніе въ немъ мысли изсушило душу его. Скажите искренно, послѣ спокойнаго размышленія о предметѣ, хорошо ли это, что нѣмцы теперь съ такимъ хладнокровіемъ пишутъ хулы на Господа Іисуса, а другіе нѣмцы съ такимъ хладнокровіемъ слушаютъ и читаютъ хулы? Послѣдніе, прочтя хулы языческой души, говорятъ: мы можемъ не отдать уваженія богатству свѣдѣній сочинителя, глубокому его изслѣдованію предмета и пр. и пр. Какъ? Уважать то, что̀ даръ Божій употребляетъ христіанина такъ, какъ употребилъ его сатана? О, помилуй насъ Богъ отъ такого состоянія!.. Дорожа любимою думою, душевно прошу васъ—остерегайтесь нѣмецкой холодности къ предметамъ высокимъ... Не убивайте чувствъ вашихъ святыхъ грѣшными сомнѣніями, предостереженіями, уступленіями, условіями холоднаго разсудка“.

Съ 1-го мая 1833 года іеромонахъ Филаретъ сталъ инспекторомъ академіи, а когда нелюбимый митрополитомъ Филаретомъ ректоръ Московской духовной академіи архимандритъ Поликарпъ, 14-го декабря 1834 года, былъ уволенъ, то Филаретъ былъ назначенъ на его мѣсто и притомъ возведенъ въ санъ архимандрита. Въ 1837 году А. Н. Муравьевъ писалъ князю А. Н. Голицыну, что „постническою своею жизнію, скромностію и познаніями Филаретъ отличался передъ всѣми, и эти качества молодаго архимандрита внушаютъ къ нему общее уваженіе“. Архимандриту Филарету была не по душѣ ректорская служба. Онъ вовлекся въ ученыя занятія, отъ которыхъ, конечно, отвращала его ректорская обя-

занность. Къ тому же онъ не легко уживался съ холодною формальностью, которая требовалась его службой, и отчасти и „съ своеобразными понятіями митрополита“.

Въ концѣ 1841 года Филаретъ былъ вызванъ въ Петербургъ для посвященія во епископа Рижскаго.

II.

Свѣдѣнія, почерпнутыя изъ достовѣрныхъ источниковъ, свидѣтельствуютъ, что Надежда Николаевна Шереметева была далеко не тою добродушною и слабою старушкою, какою изображаетъ ее позднѣйшій біографъ Гоголя. Это была женщина порывистая и пылкая; она нерѣдко поддавалась припадкамъ гнѣва, выражавшагося судорогою сильныхъ движеній; сердце у нея было пламенное и правдивое. Пылкостью чувствъ, вѣрностію въ дружбѣ, возвышеннымъ умомъ она привлекала къ себѣ людей самыхъ разнообразныхъ и выдающихся, находившихъ отраду и утѣшеніе въ многолѣтнихъ съ нею сношеніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она являла образъ тайной евангельской благотворительности. „Какъ письма ваши ни пріятны мнѣ всегда“, писалъ ей Гоголь,—„но когда я соображался, что̀ вамъ стоила почта, то я желалъ, чтобъ они были рѣже... Я очень хорошо знаю, что вы помогаете многимъ бѣднымъ, и что у васъ всякая копейка пристроена. Зачѣмъ же вы не хотите быть экономны и не поступаете такъ, какъ я васъ просилъ? То-есть, отдавайте половину писемъ Аксакову и Языкову. Они мнѣ пишутъ очень мало, иногда и просто получаю одинъ пустой пакетъ“.

Надеждѣ Николаевнѣ ни почемъ было мчаться на перекладныхъ, ни почемъ было вываливаться изъ экипажа или кочевать на паромѣ подъ проливнымъ дождемъ. Самый наружный видъ ея и образъ жизни были очень своеобразны. „Она носила неизмѣнно темное платье, полумонашеское; сѣдые волосы были распущены, на головѣ шапочка, вродѣ скуфьи, а въ рукахъ была всегдашняя трость. Не смотря на свои преклонные годы, она разъѣзжала такъ по Москвѣ въ пролеткѣ парою на отлетъ и не разъ разбивалась о мостовую—и почти безъ особыхъ послѣдствій... Она была очень

картава и нѣкоторыя буквы совсѣмъ не могла произнести. Выражалась она своеобразно. Такъ, чтобы сказать, что она была у трехъ обѣденъ, она говорила: „*А я сегодня тьи обьдни схватія!*“ Почтенный попечитель сначала Кіевскаго учебнаго округа, а потомъ Дерптскаго, Егоръ Ѳедоровичъ фонъ-Брадке писалъ, что въ Москвѣ „мужчина еще могъ ѣздить въ открытомъ экипажѣ въ двѣ лошади, но даму непремѣнно должна была везти четверня. Одна богатая и знатная дама, госпожа Шереметева, утратила всякое къ себѣ уваженіе за то, что ѣздила въ дрожкахъ, обрѣзала себѣ волосы и одѣвалась просто“.

Надежда Николаевна Шереметева была дочь Николая Андреевича младшаго Тютчева и Пелагеи Денисовны Панютиной. Родилась она 26-го сентября 1775 года; за мужемъ была за Василіемъ Петровичемъ Шереметевымъ и прожила съ нимъ очень счастливо, но не долго. Жили они въ своей подмосковной Рузскаго уѣзда, въ селѣ Покровскомъ. Ей суждено было выдержать роковой ударъ, когда внезапно на прогулкѣ мужа ея подхватили лошади, при спускѣ съ горы,—и его привезли домой уже мертваго.

Положеніе Надежды Николаевны было отчаянное. У нея на рукахъ остались дѣти: двѣ дочери—Анастасія (впослѣдствіи Якушкина), Пелагія (впослѣдствіи Муравьева) и единственный сынъ Алексѣй. Въ жизни ея произошелъ тяжкій переломъ; но она во время нашла горячую, сочувственную поддержку въ лицѣ Екатерины Васильевны Шереметевой, двоюродной сестры ея мужа. Тѣсная дружба съ тѣхъ поръ соединила ихъ на всю жизнь. Обширная ихъ переписка свидѣтельствуетъ объ этой многолѣтней, испытанной связи. Кроткимъ любвеобильнымъ вліяніемъ своимъ Екатерина Васильевна смягчала страстные, иногда необузданные порывы Надежды Николаевны и дала мыслямъ ея глубокій, христіанскій строй.

Мало по малу Надежда Николаевна, какъ хозяйка Покровскаго, сдѣлалась объединительнымъ центромъ, привлекавшимъ, кромѣ семьи, многочисленныхъ друзей.

III.

Неподалеку отъ Покровскаго находится село Осташово, гдѣ процвѣтала извѣстная школа колонновожатыхъ, руководимая Николаемъ Николаевичемъ Муравьевымъ. Въ ней молодой сынъ его, Михаилъ Николаевичъ, преподавалъ математику. Въ числѣ питомцевъ этой школы былъ и Алексѣй Васильевичъ Шереметевъ, сынъ Надежды Николаевны. Понятно сближеніе Муравьевыхъ съ Шереметевымъ. Сама Надежда Николаевна до того привязалась къ Михаилу Николаевичу Муравьеву, что намѣтила его своимъ зятемъ.

„Въ сентябрѣ 1815 года, при возвращеніи М. Н. Муравьева съ Кавказской линіи въ С.-Петербургъ", повѣствуетъ его біографъ почтенный Д. А. Кропотовъ, — „онъ провелъ около двухъ мѣсяцевъ въ Осташовѣ у своего отца. Къ этому времени слѣдуетъ отнести начало знакомства его съ почтеннымъ семействомъ Шереметевыхъ, жившимъ по сосѣдству, въ своемъ наслѣдственномъ селѣ Покровскомъ, въ 30-ти верстахъ отъ Осташова. Это знакомство имѣло важныя послѣдствія для М. Н. Муравьева. Около трехъ лѣтъ спустя онъ вступилъ въ бракъ съ дочерью Надежды Николаевны Шереметевой, семнадцатилѣтнею тогда дѣвицею, Пелагеею Васильевною. Обрядъ вѣнчанія былъ совершенъ 26-го августа 1818 года съ обычною торжественностію въ только что отстроенной и за недѣлю освященной церкви Покровскаго села".

Другую свою дочь Анастасію Васильевну Надежда Николаевна выдала за Ивана Дмитріевича Якушкина. Біографическія о немъ свѣдѣнія мы почерпнули изъ замѣчаній товарища его по ссылкѣ П. Н. Свистунова, напечатанныхъ въ *Русскомъ Архивѣ* 1870 года.

И. Д. Якушкинъ родился въ ноябрѣ 1793 года; учился въ Московскомъ университетѣ и жилъ у профессора Мерзлякова, о которомъ отзывался всегда съ уваженіемъ и любовію. Въ 1811 году вступилъ на службу подпрапорщикомъ въ Семеновскій полкъ, съ которымъ дѣлалъ походы 1812, 1813 и 1814 годовъ. Участвовалъ и въ Бородинскомъ сраженіи. По возвращеніи гвардіи изъ похода, составился въ Семеновскомъ полку тотъ кружокъ офицеровъ, въ которомъ возникла мысль объ учрежденіи тайнаго союза.

Якушкинъ поступилъ въ него съ самаго начала его образованія. Одаренный пламенною душою, Якушкинъ весь предался дѣлу; но впослѣдствіи, не сочувствуя направленію, принятому тайнымъ обществомъ, онъ вышелъ въ отставку и удалился въ деревню, село Жуково Смоленской губерніи Вяземскаго уѣзда, гдѣ приложилъ свой трудъ къ облегченію участи своихъ крестьянъ.

Къ этому времени относится и женитьба его на А. В. Шереметевой. По свидѣтельству лицъ ея знавшихъ, Анастасія Васильевна была чрезвычайно хороша собою. Ея выразительныя голубыя глаза увлекали многихъ, но какъ любимая дочь Надежды Николаевны, она была избалована и своенравна; кромѣ того, она имѣла способность подмѣчать смѣшную сторону каждаго и надъ нею язвительно подтрунивать. Филаретъ уже по смерти ея писалъ къ ея матери Н. Н. Шереметевой: „Настасія наша часто шутила съ людьми на словахъ, но не всегда шутила въ душѣ. Какъ хотите, не могу не похвалить ума ея“.

Единственный сынъ Н. Н. Шереметевой Алексѣй Васильевичъ женился на троюродной сестрѣ своей Екатеринѣ Сергѣевнѣ Шереметевой. На балѣ у Московскаго генералъ-губернатора князя Д. В. Голицына императоръ Николай неожиданно выбралъ Е. С. Шереметеву въ полонезъ, участливо распрашивалъ ее, свободенъ ли былъ ея выборъ, и не было ли давленія? Всегда сочувствуя семьѣ ея, государь не забывалъ, что къ семьѣ ея жениха были соприкосновенны многіе декабристы, и онъ съ свойственнымъ ему участіемъ желалъ провѣрить совершившееся сближеніе; но когда изъ словъ невѣсты увидалъ, что это былъ бракъ по любви, то горячо ее привѣтствовалъ и пожелалъ счастія.

Послѣ свадьбы сына своего Н. Н. Шереметева оставалась полновластною хозяйкою Покровскаго; но будучи по характеру своему ревнива, она, хотя и очень привязалась къ невѣсткѣ своей Екатеринѣ Сергѣевнѣ, однако не могла побороть въ себѣ нѣкотораго чувства ревности по отношенію къ единственному и горячо любимому сыну. „Ночная кукушка всегда перекукуетъ“, говаривала она по поводу естественнаго вліянія на него молодой жены.

IV.

Явившаяся въ ноябрѣ 1825 года комета была небеснымъ знаменіемъ не на добро. „Всѣ москвитяне“, свидѣтельствуетъ М. П. Погодинъ,—смотрѣли на нее и думали, не перемѣнится ли чего-нибудь въ царѣ“. „*19-е ноября*“, повѣствуетъ князь П. А. Вяземскій,—„отозвалось грозно въ смутахъ *14-го декабря*. Сей день, бѣдственный для Россіи, и эпоха, кроваво имъ ознаменованная, была страшнымъ судомъ для дѣлъ, мнѣній и помышленій настоящихъ и давно прошедшихъ“.

Сей день скорбно отозвался и въ Покровскомъ. Оба зятя Н. Н. Шереметевой были причастны „сему дѣлу“. Тотчасъ послѣ 14-го декабря Надежда Николаевна посылаетъ въ Покровское своего вѣрнаго служителя Якова Игнатьева Соловьева, для поднятія въ одной изъ комнатъ деревенскаго дома половицы, подъ которой скрывались бумаги, обреченныя на уничтоженіе.

Но это не спасло ни И. Д. Якушкина, ни М. Н. Муравьева. Оба они были арестованы и заключены въ Петропавловскую крѣпость. Отсюда Якушкина перевели въ Финляндію, гдѣ снова заключили въ крѣпость форта Славы. Недѣли за двѣ до новаго 1827 года узника посѣтилъ самъ Финляндскій генералъ-губернаторъ А. А. Закревскій и вручилъ ему на дорогу въ Сибирь медвѣжьи сапоги отъ тещи его Н. Н. Шереметевой.

Въ началѣ ноября 1827 года Якушкина повезли въ Сибирь. 11-го ноября состоялось въ Ярославлѣ прощальное свиданіе его съ семействомъ. Увидавъ на немъ цѣпи, жена его и теща залились слезами...

24-го іюня 1837 года Жуковскій писалъ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ: „Мы проѣзжали чрезъ Ялуторовскъ. Здѣсь находятся поселенцы: Муравьевъ-Апостолъ, Черкасовъ и Якушкинъ. Къ несчастію, отставъ на дорогѣ, я пріѣхалъ въ этотъ городъ въ ту минуту, когда великій князь выѣзжалъ изъ него... Я пропустилъ случай утѣшить своимъ посѣщеніемъ бѣдныхъ изгнанниковъ. Якушкинъ особенно достоинъ замѣчанія по своему характеру. Его прежнее невѣріе обратилось въ глубокую вѣру; онъ сноситъ съ

удивительною твердостію свое заслуженное бѣдствіе; онъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ людей, коимъ несчастіе обращается въ спасительный урокъ, и кои возвышаются нравственно признаніемъ вины своей и покорностію Провидѣнію: такіе люди достойны того, чтобы милосердіе подало имъ руку и подняло ихъ изъ той пропасти, въ которую впали они въ минуту заблужденія".

Живя заточникомъ въ Ялуторовскѣ, И. Д. Якушкинъ знакомился съ географіей и ботаникою.

М. Н. Муравьевъ былъ освобожденъ изъ-подъ ареста, какъ только слѣдственная коммиссія окончила свои занятія.

Въ Покровскомъ архивѣ хранятся письма духовника декабристовъ протоіерея Петра Николаевича Мысловскаго къ Н. Н. Шереметевой. Въ письмѣ, отъ 24-го іюля 1828 года, отецъ протоіерей между прочимъ писалъ: „Какъ бы я хотѣлъ обнять чадъ моихъ (то-есть, декабристовъ)! Кости ихъ затрещали бы въ объятіяхъ моихъ! Письмо мадамъ Якушкиной къ мадамъ Розановой при первомъ возможномъ случаѣ отошлю чрезъ вѣрнѣйшаго коммиссіонера и друга человѣчества Миллера. Неоцѣненный старичекъ! Только и живетъ для утѣшенія страждущихъ..." Въ письмѣ отъ 6-го августа: „Спасибо г. Лепарскому, что онъ самъ извѣстилъ васъ о здоровьѣ И. Д. Якушкина. Это довольно обязательно. Я еще не слыхалъ, чтобы онъ къ кому-нибудь писалъ... Что жъ надлежитъ до чувствъ ихъ (декабристовъ) лично ко мнѣ, я не въ силахъ выразить всей моей признательности за оныя. Объ одномъ только плачусь иногда предъ Богомъ, чтобъ далъ мнѣ эту милость, узрѣть въ жизни и прижать къ сердцу моему кого-нибудь изъ нихъ..."

V.

Обширная переписка Н. Н. Шереметевой, хранящаяся въ семейныхъ архивахъ села Покровскаго и Евгенія Ивановича Якушкина, свидѣтельствуетъ о дружескихъ сношеніяхъ Надежды Николаевны съ Жуковскимъ, Н. М. Языковымъ, Гоголемъ, А. П. Елагиной, графомъ П. Х. Граббе, А. С. Хомяковымъ, Д. А. Валуевымъ, семействомъ Аксаковыхъ, Погодинымъ и Шевыревымъ; почтенный

писатель С. Е. Раичъ былъ наставникомъ ея сына А. В. Шереметева и живалъ въ Покровскомъ.

Въ особенности Надежда Николаевна близка была съ Гоголемъ. Въ своихъ „Запискахъ о жизни Гоголя“ Кулишъ пишетъ: „Такъ какъ Н. Н. Шереметева перешла уже въ иную жизнь, то мы можемъ, не оскорбляя ея добродѣтельной скромности, обнаружить передъ свѣтомъ ея духовное общеніе съ авторомъ „Мертвыхъ Душъ“. Письма его къ Н. Н. Шереметевой не нуждаются въ объясненіяхъ; содержаніе ихъ составляютъ чувство и помыслы, обнявшіе душу Гоголя послѣ происшедшаго съ нимъ таинственнаго пересозданія, о которомъ онъ ни одному изъ друзей своихъ не могъ разсказать вполнѣ удовлетворительно. Предварю только читателя, что въ письмахъ этихъ онъ долженъ видѣть не только Гоголя, но и его корреспондентку Н. Н. Шереметеву. Да не сольетъ читатель этихъ двухъ личностей въ одну и не приметъ Гоголя въ частности за Гоголя вообще. Онъ и самъ иногда, кажется, этого опасался и просилъ нѣкоторыхъ изъ искреннѣйшихъ друзей своихъ не показывать его писемъ никому. „Они будутъ чужды для всякаго“, говорилъ онъ, — „ибо *писано на языкѣ того, къ кому относятся.* Замѣчу еще, что, независимо отъ влеченія доброй и благочестивой души къ другой подобной душѣ, Гоголю нужны были короткія отношенія со всякаго рода людьми, имѣющими нравственное вліяніе на общество, какъ это онъ и самъ обнаруживаетъ въ просьбахъ своихъ къ Н. Н. Шереметевой извѣщать его о всѣхъ христіанскихъ подвигахъ, кѣмъ бы они ни были совершены. Кромѣ того,—и это, можетъ быть, было главною причиной сближенія Гоголя съ благочестивой старушкой,—извѣстно, что Гоголь участвовалъ денежными пожертвованіями въ христіанскихъ попеченіяхъ Н. Н. Шереметевой о бѣдныхъ и нуждающихся. Въ письмахъ его къ ней объ этомъ не упоминается, но я слыхалъ отъ людей, достойной вѣры, что онъ не разъ ввѣрялъ въ ея распоряженіе деньги, откладываемыя имъ для помощи бѣднымъ“.

Самъ Гоголь о письмахъ къ нему Н. Н. Шереметевой писалъ ей: „Въ мои болѣзненныя минуты, въ минуты, когда падаетъ духъ мой, я всегда (въ письмахъ вашихъ) нахожу утѣшеніе и благодарю всякую минуту руку Промысла за встрѣчу мою съ

вами...“ „(Письма ваши) почти всегда приходятся кстати, всегда болѣе или менѣе говорятъ моему состоянію душевному, сердце слышитъ освѣженіе, и я только благодарю Бога за то, что Онъ внушилъ вамъ мысль полюбить меня и обо мнѣ молиться. Только сила любви и сила молитвы помогли вамъ сказать такія нужныя душѣ слова и наставленія...“ По поводу обѣщанія Н. Н. Шереметевой прислать ему молитвы святителя Димитрія Ростовскаго Гоголь писалъ: „Душѣ моей нужнѣй теперь то, что̀ писано святителями нашей церкви, чѣмъ то, что̀ можно читать на французскомъ языкѣ. Это я уже испыталъ“.

Въ извѣстной своей книгѣ „Переписка съ друзьями“ Гоголь оскорбилъ словомъ Погодина. Въ оскорбленномъ приняла сердечное участіе Н. Н. Шереметева и написала Гоголю обличительное письмо, и Гоголь, оправдываясь, смиренно отвѣчалъ ей: „Надобно вамъ знать получше Погодина. Это—добрѣйшая душа и добрѣйшее сердце. Великодушіе составляетъ главную черту его характера. Но съ тѣмъ вмѣстѣ нѣкоторая грубость, незнаніе приличій, безпамятство и разсѣянность, по причинѣ множества дѣлъ, которыми онъ всегда былъ опутанъ, поставляли его безпрестанно въ непріятное отношеніе съ людьми, въ возможность огорчать ихъ, безъ желанія огорчать. Я долго думалъ о томъ, какъ объяснить ему все это и заставить его оглянуться на себя, какъ вдругъ моя книга почти безъ моего вѣдома нанесла ему пораженіе... Скажу вамъ, что я этому даже обрадовался, имѣя случай черезъ это съ нимъ прямо объясниться... Скажу вамъ еще для полнаго успокоенія вашего, что я еще никогда такъ не любилъ Погодина, какъ люблю его теперь. Человѣкъ этотъ, кромѣ того, что всегда былъ достоинъ всякаго уваженія, въ послѣднее время значительно измѣнился. Несчастія и разныя душевныя потрясенія умягчили его душу до того, что она теперь способна понимать многое изъ того, къ чему прежде была менѣе чувствительна. И я чувствую, что отнынѣ у насъ съ нимъ будетъ дружба большая и здѣсь, и тамъ. Вотъ вамъ, мой другъ, непритворный отчетъ по этому дѣлу“.

VI.

Къ числу людей близкихъ къ Н. Н. Шереметевой принадлежалъ и ректоръ Московской духовной академіи архимандритъ Филаретъ. Нынѣ печатаемыя его письма о семъ свидѣтельствуютъ.

Молодого еще тогда человѣка привязывала въ домѣ Н. Н. Шереметевой простота ея семейнаго деревенскаго быта и сердечная обстановка стараго дворянскаго гнѣзда...

Въ началѣ 1846 года И. Д. Якушкинъ получилъ скорбное извѣстіе о кончинѣ жены своей и въ ноябрѣ того же года открылъ въ память ея въ городѣ Ялуторовскѣ, Тобольской губерніи, женскую школу.

Убитой горемъ матери Гоголь писалъ: „Христосъ воскресе! Мнѣ скорбно было услышать объ утратѣ вашей, но скоро и утѣшился мыслію, что для христіанина нѣтъ утраты, что въ вашей душѣ живутъ вѣчно образы тѣхъ, къ которымъ вы были привязаны; стало быть, ихъ отторгнуть отъ васъ никто не можетъ; стало быть, вы не лишились ничего, стало быть, вы не сдѣлали утраты. Молитвы ваши возсылаются за нихъ по прежнему, доходятъ также къ Богу, можетъ быть, еще лучше прежняго: стало быть, смерть не разорвала вашей связи. И такъ, Христосъ воскресъ, а съ Нимъ и всѣ близкіе душамъ нашимъ!“

Н. Н. Шереметева пережила свою дочь А. В. Якушкину только четырьмя годами: она скончалась въ Москвѣ, на Вздвиженкѣ, 11-го мая 1850 года, и похоронена рядомъ съ мужемъ своимъ въ Саввиномъ монастырѣ.

Кончина Надежды Николаевны весьма опечалила Гоголя. Въ это время онъ съ другомъ своимъ М. А. Максимовичемъ собирался совершить на долгихъ путешествіе изъ Москвы въ родную имъ Малороссію и предъ отъѣздомъ писалъ отцу Матѳею: „Къ вамъ моя сильная просьба, безцѣннѣйшій Матѳей Александровичъ; добрая старушка Надежда Николаевна Шереметева, которую вы встрѣтили у меня, и которая съ такою готовностью бросилась исполнить просьбу вашу о помѣщеніи дѣвочки въ Шереметевское заведеніе, послѣ семидесяти четырехъ лѣтъ жизни, исполненныхъ добрыхъ

дѣлъ, скончалась. Она меня любила, какъ сына, хотя я не сдѣлалъ ничего достойнаго любви ея и не былъ къ ней даже въ половину такъ внимателенъ, какъ она ко мнѣ. Помолитесь о ней, добрѣйшая душа, и за себя, и за меня. Отслужите по ней панихиду и не позабывайте упомянуть ея имя въ то время, когда поминаете усопшихъ рабовъ Божіихъ, вами чаще поминаемыхъ".

9-го августа 1866 года въ городѣ Конотопѣ скончался и Филаретъ, въ санѣ архіепископа Черниговскаго и Нѣжинскаго. Погребенъ онъ въ Черниговѣ въ Троицкомъ Ильинскомъ монастырѣ, подъ престоломъ храма Святыя Троицы. Въ головахъ надгробнаго памятника утверждена икона Спасителя съ надписью: *Идѣ же есть Азъ, ту и слуга мой будетъ.*

Николай Барсуковъ.

22-го марта 1899. С.-Петербургъ.

1.

(1835).

Христосъ воскресе! Вы давно писали мнѣ, и я доселѣ ни слова къ вамъ. Добрые люди, скажете вы, такъ не дѣлаютъ. Это правда, но правда и то, что я принадлежу къ грѣшнымъ. Добрые люди во всемъ не такъ живутъ, какъ живетъ Филаретъ. Что жъ дѣлать? Молиться и плакать. Грѣшникамъ что больше дѣлать какъ не молиться и плакать: и святые плакали. А грѣшникамъ, что дѣлать остается? Плакать, горько плакать. Для преподобнаго Ефрема, говоритъ св. Григорій Нисскій, плакать было то же, что для другихъ дышать воздухомъ; онъ день и ночь плакалъ. Такъ жилъ преподобный, а *высокопреподобнымъ* [1]) далеко болѣе надобно лить слезы. Но будемъ жить съ упованіемъ на Господа. Будемъ недостатокъ сокрушенія восполнять надеждою, молитвою упованія, будемъ неотступно просить Его о помилованіи, будемъ просить милости у Него также неотступно, какъ голодное дитя просить пищи у матери. Онъ самъ сказалъ, что любитъ насъ болѣе, нежели мать дѣтей. Какая же мать не сжалится надъ крикомъ голоднаго ребенка? Мы несмысленны, какъ дѣти. Будемъ же дѣтьми и въ чувствахъ нашихъ; будемъ въ скорбяхъ и нуждахъ нашихъ обращаться къ Нему; отъ Него ожидать, Его просить о всемъ будемъ. И Онъ—Отецъ нашъ—пошлетъ нужное душамъ нашимъ. Такъ жили тѣ, которые изъ худыхъ дѣлались постепенно добрыми и—спаслись. Спасемся и мы.

Алексѣю Васильевичу *) желаю благословенія Господня—для него и для супруги его и для чадцевъ его [2]). А. Филаретъ.

Отъ души, отъ искренней души желаю, да укрѣпляетъ васъ Господь для вѣчности.

---

*) Шереметевъ, сынъ Надежды Николаевны.

Библиотека

2.

25-го іюля (1835).

Вотъ я и въ академіи, въ тихой, покойной, уединенной моей жизни. Нынѣ утромъ, то-есть, 25-го іюля пріѣхали мы по грязи довольно немелкой. Но какъ ни грязна была дорога, я съ радостію смотрѣлъ на грязь, съ радостію отъ того, что спѣшилъ въ любезное уединеніе. Теперь я обращаюсь съ воспоминаніями къ прошлымъ днямъ. Мнѣ пріятно вспомнить о томъ времени, которое проведено въ Покровскомъ; оно проведено тамъ не для земли: а какъ покойна душа, когда она живетъ не для земли.

Перебирая все, что̀ видѣлъ я у васъ, прежде всего встрѣчаюсь съ предметомъ, который часто попадался мнѣ на глаза въ вашей комнатѣ. Я хотѣлъ нѣсколько разъ сказать о немъ вамъ — и забывалъ. Вы, конечно, не отгадаете, о чемъ я хочу сказать. Я хочу сказать вамъ мою мысль о „Христіанской Философіи“ [3]), которую видѣлъ я у васъ на столѣ. „Христіанская Философія“ по названію прекрасная книга; но не всегда имя вещи соотвѣтствуетъ свойству вещи. Въ помянутой книгѣ, конечно, есть хорошія мѣста. Но — признаюсь вамъ — не желалъ бы я, чтобы вы читали эту книгу. Въ ней много дурного. И тѣмъ опаснѣе это дурное, что оно прикрыто красивыми словами. Тутъ христіанство встрѣчается только по названію, но дѣло идетъ не о Христѣ, а о природѣ. Приводятся мѣста Писанія, но имъ смыслъ данъ особый, несогласный съ Писаніемъ. Говорится о внутреннемъ дѣйствіи въ насъ благодати, но подъ симъ разумѣютъ не силу благодатную, испрошенную для насъ заслугами Господа Іисуса, а силу ту же, которая дѣйствуетъ и въ червячкѣ, то-есть, промыслительную силу Божію. Говорится объ Іисусѣ, о Христѣ, съ восторгомъ проповѣдуется благость, милующая насъ чрезъ Іисуса; но Іисусъ тутъ не тотъ разумѣется, который приходилъ на землю, страдалъ и умеръ для нашего спасенія и который показалъ намъ въ Своемъ и Апостольскомъ словѣ путь ко спасенію. Здѣсь разумѣютъ Христа, который живетъ вездѣ и у язычника, и у турка, и у нынѣшняго еврея и приходитъ на помощь къ каждому, кто только знаетъ Божіе имя, хотя вовсе не хочетъ знать распятаго Іисуса и Его путь спасенія. Согласитесь,

что намъ никто не далъ права вымышлять свои пути; или вѣрнѣе— когда мы пойдемъ по пути вымышленному нами, гибель наша неизбѣжна. Вы знаете, какъ опасно, какъ страшно касаться дерзкою мыслію тайны искупленія. Ничего нѣтъ гибельнѣе для души, какъ оставить Искупителя. Но гдѣ въ „Христіанской Философіи“ искупленіе и Искупитель? Я думаю однако, что вамъ это уже извѣстно, и много говоритъ нѣтъ нужды.

Скажите отъ меня о моемъ душевномъ уваженіи Алексѣю Васильевичу; я помню и помнить буду ихъ доброту предъ Господомъ, а равно и кроткую ихъ супругу. Васинькѣ готова у меня книжка: „Васинька“, такая же маленькая, какъ Васинька, съ случаемъ пришлю, а равно и Варинькѣ [4]).

Простите. А. Филаретъ.

3.

Не браните меня, Надежда Николаевна, что я невскорѣ отвѣчаю на ваше письмо, лучше покройте мой недостатокъ любовію. Любовь лучшее дѣло между дѣлами христіанскими. Почему же намъ не заниматься дѣлами любви? Запасаться надобно многимъ. Путь намъ предлежитъ такой далекой, и онъ же неизвѣстенъ намъ. Не извѣстно, какія нужды могутъ встрѣтиться намъ на этомъ далекомъ пути. Можетъ быть, потребуется и такое дѣло, о которомъ мы и не думали. Для такого случая не худо быть предосторожнымъ и осмотрительнымъ. Не худо имѣть въ запасѣ другія дѣла. Одного недостанетъ, можно замѣнить другимъ. Въ томъ не можемъ мы сомнѣваться, что тамъ согласны будутъ принимать отъ насъ одну вещь вмѣсто другой, лишь бы то были вещи равной цѣны. Бѣда съ плохимъ товаромъ: его не сбудешь съ рукъ. А хорошему товару вездѣ будутъ рады. И добротную вещь какъ не принять вмѣсто другой? Несчастенъ только тотъ будетъ, который ничего не принесетъ туда. Несчастенъ только тотъ, кто взойдетъ въ чертогъ, не имѣя одежды приличной торжеству. Иначе—милостивъ Господь. Иначе – тотъ, кто здѣсь собираетъ себѣ милость Божію съ слезами и нуждою, тотъ имѣетъ дерзновеніе предъ Господомъ. Тотъ, кто творитъ здѣсь дѣла любви Божіей, хотя и не разно-

образныя, можетъ тамъ замѣнить ими недостающую вещь, если только это потребуется. Да, великое дѣло—жизнь. Она такъ коротка, но такъ на долго рѣшаетъ нашу участь. Она такъ не замѣтно уноситъ у насъ случаи къ добру и такъ неожиданно можетъ приблизить насъ къ необозримому далекому пути. Надобно много имѣть осторожности, чтобы не быть обмануту своею жизнію. Надобно имѣть и усердія, и вниманія къ себѣ, чтобы не подвергнуть себя обману жизни. А на бѣду нашу мы такъ мало имѣемъ усердія къ своей душѣ и къ вѣчному ея благу. Мы такъ много хлопочемъ объ окружающихъ насъ вещахъ и такъ легко забываемъ о самой дорогой вещи — о душѣ своей. Это общее наше свойство, это высокое качество принадлежитъ всѣмъ намъ; но боюсь за себя и страшусь, не принадлежитъ ли оно мнѣ болѣе, нежели кому-либо другому.

Надежда Николаевна! Какъ живу, такъ говорю и пишу я, по просту, безъ плановъ и цѣлей — для одной цѣли. И теперь я черкнулъ вамъ то, что̀ попалось въ душѣ при встрѣчѣ съ душею, ищущею добра.

Простите. Христосъ съ вами да будетъ! Отъ души желаю вамъ благодати.

Алексѣю Васильевичу и съ ихъ супругой и съ дѣтками желаю милости отъ Господа. Грѣшный Филаретъ.

По любви вашей вы, конечно, хотите знать, здоровъ ли я. Въ такомъ случаѣ благодарю предъ вами Господа, что я здоровъ.

1836, 22-го ноября.

4.

Д. академія. Ноября 30 дня. Вечеръ (1836).

Спасетъ васъ Господь за ваши чувства ко мнѣ, возлюбленная Господомъ старица! Уважаю сіи чувства и дорожу ими. Но не имѣя ничего у себя для расплаты съ тѣми, кому долженъ, пріучаюсь я поручать дѣла и долги мои Небесному Отцу, молю Его, чтобы Онъ не оставилъ безъ любви Своей сердца любящія ближнихъ. Я получилъ оба ваши письма. Оба они одно мнѣ говорятъ, и я въ отвѣтъ одно скажу,—это одно—молитва за васъ. Господь

нашъ послѣднее завѣщаніе далъ такое: Любите другъ друга. Послѣдняя молитва Его къ Отцу Небесному была: Да будутъ вси едино. Мы бѣдные часто раздѣляемся мыслями и даже чувствами; но будемъ о всемъ молить Того, Кто желалъ, чтобы было единеніе между нами. Старица Божія! Твои жертвы, которыя ты приносишь съ пожертвованіемъ покоя своего для любви, останутся за тобою. Тамъ ты увидишь ихъ. Тамъ они обрадуютъ душу твою радостію, послѣ которой не вспомнятся никакія скорби. Еслибы говорили люди, что напрасно я иждиваю жизнь мою, истощаю силы, подвизаясь и противъ себя, и противъ людей для любви Божіей, я не послушалъ бы ихъ. Но и люди чувствуютъ, что дѣла любви вашей — стоютъ того, чтобы ихъ дѣлать; они награждаютъ сладкими слезами, миромъ душевнымъ, надеждою чего-то лучшаго; сего довольно. Будемъ дѣлать, кому что̀ придется и пришлось на долю; если дѣлаемъ съ мыслію о Господѣ, дѣло не пропадетъ.

Васъ можно поздравить съ радостію. Вы увидали, кого ждали. Но знаете ли, Божія старица, что̀ у меня на умѣ? Мнѣ думается, что вы прежде, нежели отправитесь въ *дальнюю* дорогу, побываете у Преподобнаго. Не правда ли, что дорогой *губернаторшѣ* вашей очень-очень къ стати повергнуть надежды и опасенія къ стопамъ небеснаго покровителя и друга? Право, это было бы также дѣло, за которое совѣсть сказала бы словечка два-три добрыхъ. У небесныхъ друзей если ищутъ помощи, потери не бываютъ... Небо! долго намъ *жить* съ тобою придется. Хорошо дѣлаемъ мы, если часто вспоминаемъ о тебѣ, и тогда навѣрно не съ прибылью бываемъ, когда забываемъ о тебѣ. Побывайте, право, хорошо будетъ; если не здѣсь, то тамъ скажутъ вамъ то же, что̀ теперь говоритъ вамъ Филаретъ. Онъ остается съ уваженіемъ къ вамъ и съ желаніями одного нужнаго. Простите. Господь да будетъ съ вами.

5.

(1836—1841).

Я радъ и благодарю недостойный Господа, что Онъ утвердилъ въ вашей душѣ святое желаніе—искать и требовать освященія у Всеосвящающаго и Единаго Святаго. Всѣ мы и всегда, всегда— при

всѣхъ положеніяхъ грѣшники. Пойдемъ къ Нему съ надеждою только на милость Его, только на любовь Его, ищущую спасенія грѣшниковъ. Съ одною надеждою на Него приступимъ къ Нему. Пусть нѣтъ ничего у насъ.

6.

(1836—1841).

Если вы въ совѣсти вашей не имѣете теперь смѣлости приступить завтра къ страшной тайнѣ, то и я боюсь брать на себя смѣлость поступать свободно тамъ, гдѣ все заставляетъ трепетать. Мнѣ очень хотѣлось, чтобы вы здѣсь пріобщились той тайны великой, которая столько тайно для насъ и врачуетъ язвы души, и освобождаетъ отъ вины, и подаетъ силы новыя, и для вѣчности остается защищеніемъ бѣдной, окаянной души моей. И теперь это желаніе остается въ душѣ моей: но пусть ваша совѣсть избираетъ должное. Бѣднякъ, брошенный въ море, бросается къ первой доскѣ, попадающейся въ глаза, и спѣшитъ бороться съ волнами на сей доскѣ. Господи! грѣшны мы предъ Тобою, растеряли мы все Твое,— и нищи стали въ жизни сей; въ жизни, какъ въ морѣ, среди бѣдъ души, какъ въ волнахъ морскихъ—безъ надежды на спасеніе, если не Ты пошлешь спасеніе, если и Ты отгонишь насъ отъ послѣднихъ надеждъ защиты. Но Ты, Господи, Самъ сказалъ: Не хощу смерти грѣшника, Ты Самъ сказалъ: Пріидите, ядите вси. Всѣхъ желаешь спасти. Всѣмъ предлагаешь хлѣбъ жизни. Оживи же насъ хлѣбомъ Твоимъ. Да будетъ же намъ хлѣбъ сей въ хлѣбъ вѣчной жизни, которой Ты желаешь для всѣхъ насъ. Ты желаешь, Господи: пусть же да исполнится желаніе Твое въ насъ грѣшныхъ, немощныхъ и нагихъ.

Если вы расположитесь пріобщаться, всего лучше совершить сіе у поздней литургіи; и я буду готовиться къ поздней. Къ чему вамъ спѣшить отъ службы Божіей? Помолимся, и во всемъ Господь благоноспѣшитъ намъ. Молитва нужнѣе всѣхъ дѣлъ; служеніе Господу важнѣе всѣхъ другихъ служеній. *Суббота—Господу.* Во всякомъ случаѣ, *суббота—Господу.*

7.

(1836—1841).

Я такъ много озаботилъ старость вашу моимъ порученіемъ, что мнѣ жаль было васъ видѣть въ такихъ хлопотахъ. Повозка очень хороша; она именно такова, какая нужна намъ: и просторна, и легка. Благодарю васъ и за усердіе ваше, и за хлопоты.

Отъ души желаю вамъ встрѣтить и проводить праздники Христовы въ Христовой радости. Для васъ это желаніе исполнить не должно быть трудно, и я надѣюсь, что желаніе мое исполнится. Жизнь тяжела тогда, какъ не привыкаютъ жить, а пожившіи не короткое время начинаютъ узнавать и средства проводить ее съ удобствомъ и укрѣпляются въ нихъ жить жизнію не мертвою. Что жъ такое жизнь съ радостію Христовою? Она точно не такъ мудрена, какъ представляетъ намъ ее наша лѣность привычная къ смерти — къ недѣятельности. Въ жизни Божіей такъ много разнообразія и разнообразія великихъ предметовъ, съ которыми душа рада жить не годы, а вѣчность. Въ жизни Христовой есть время для скорби и есть время для утѣшенія. Смотрите, какъ Церковь Христова, которая ведетъ насъ къ жизни Христовой, то возбуждаетъ безпечную душу къ скорби и плачу о грѣхахъ, то восторгаетъ душу пѣснями, славящими славу Христа Господа и любовь Его къ намъ грѣшнымъ. Надобно только внимать прилежно наставленіямъ и внушеніямъ ея, и никогда не останемся въ грѣховной мертвенности. Каждый день наполненъ будетъ своимъ особымъ занятіемъ; даже для каждаго часа она назначаетъ намъ свои дѣла; слѣдовать ея указаніямъ и безопасно, и спасительно: безопасно потому, что наставленія Церкви, какъ наставленія опытныхъ угодниковъ Божіихъ, какъ наставленія Христовой Невѣсты мудрой, избавляютъ насъ отъ недоумѣній на счетъ нашей безопасности въ дѣлѣ служенія Господу. Слѣдуя своимъ мыслямъ, какъ не усумниться, вѣрны ли мысли мои, вѣрно ли дѣло мое. И вмѣсто того, чтобы время употребить на выполненіе добраго правила, своеобычные христіане угнетены бываютъ недоумѣніями разными и время убиваютъ безъ всякаго для себя плода. О! когда бы Господь Іисусъ далъ намъ огня той ревности, которую хочетъ возбудить въ насъ

своими внушеніями! Какъ нетяжело бы было намъ итти по пути спасительному! Будемъ вѣрны правиламъ Церкви, и насъ не оставитъ за сію вѣрность Тотъ, Кто обѣщался пребыть навсегда съ своею Церковію. Простите. Христосъ Господь да будетъ съ вами. А. Ф.

Головинская писала мнѣ о В. А., благодарю васъ и за заботливость о немъ. Тамъ впрочемъ лучше отдадутъ вамъ ваше.

8.

(1836—1841).

Возлюбленная Господомъ Надежда Николаевна! Господа прошу, чтобы Онъ исполнилъ за меня для васъ то, что̀ долженъ бы я исполнить. Онъ милостивъ и къ грѣшникамъ. А потому прошу и молю Его, чтобы Онъ платилъ долги неуплатимаго должника. На другой же день по полученіи письма вашего хотѣлъ я писать къ вамъ, но помѣшали дѣла, отдернули бумагу и перья отъ рукъ. Что̀ дѣлать съ тѣмъ, что̀ не зависитъ отъ насъ? Да объ этомъ ни слова! Довольно дѣлъ и тѣхъ, которыя въ нашей власти, въ нашихъ рукахъ. Какъ худо дѣлаю и эти дѣла. На что̀ ни посмотришь, вездѣ рвеніе или ломается, или расточается. О, Боже мой! Что̀ жъ дѣлать, когда столько слабы мы! *Рѣхъ во обилiи моемъ: не подвижуся во вѣкъ.* Но вотъ *отвратилъ еси руку Твою и быхъ смущенъ.* Тогда какъ нѣтъ искушенія, душа кажется для себя крѣпкою, готовою терпѣть и непріятное, и горькое, и скорбное. Наступило самое искушеніе, и гдѣ крѣпость? Изчезла! Душу тяготитъ самая легкая, самая ничтожная вещь. Недостаетъ силъ бороться съ пустою привычкою. Недостаетъ терпѣнія помириться съ самою обыкновенною по видимому мыслію—съ мыслію, что я слабый, грѣшный, пустой человѣкъ, ни на что негодный ни себѣ, ни другимъ! О! какъ лукава душа моя! Зачѣмъ она увѣряетъ меня такъ сильно, что я довольно имѣю силъ для добра? За тѣмъ, чтобы во время напасти тѣмъ сильнѣе посмѣяться надъ моимъ слѣпымъ довѣріемъ къ своей силѣ. И сколько разъ уже случалось терпѣть эту злобную насмѣшку, и однако я подвергаюсь ей добровольно.

Господь Іисусъ да даетъ вамъ сокрушеніе и умиленіе для

достойнаго принятія Его посѣщенія. Вы, конечно, готовитесь къ исповѣди и причастію. Простите. Я написалъ вамъ, что̀ на этотъ разъ было на душѣ грѣшной. Еще разъ желаю вамъ благословенія отъ Господа. Уповаю недостойный, что Господь не оставитъ уповающихъ на Него и даже безъ ихъ вѣдома устроитъ нужное для спасенія.

9.

(1836—1841).

Спасетъ васъ Господь Богъ за любовь вашу. Да воздастъ Онъ вамъ любовію своею въ вѣчности. У Него—плата. Что̀ можетъ сдѣлать человѣкъ человѣку въ уплату за любовь о Господѣ? Все, что̀ дѣлается для Господа, очень дорого. Если Господь самъ платитъ вѣчными наградами тѣмъ, кто любитъ Его и Его волю, то, конечно, человѣку не уплатить за дѣла Божіи. Будемъ же любить волю Господа. Будемъ любить другъ друга—и Господь возлюбитъ насъ. Онъ Самъ хочетъ, чтобы мы любили другъ друга, и возвѣстилъ, что кто любитъ ближняго—любитъ Его самого. Будемъ молиться другъ за друга. Худа наша молитва, то-есть, моя молитва, но милосердъ Онъ—и худое упованіе грѣшника не отвергаетъ. Будемъ уповать на Него и упованіемъ за упованіе воздавать будемъ, и Онъ воздастъ.

Хотя худо, но, право, молюсь я за васъ. Это видитъ Онъ. Простите.

10.

(1836—1841).

При наступленіи праздниковъ радостныхъ для всѣхъ Христовыхъ о чемъ прежде всего сказать, какъ не о желаніи провесть праздники достойно праздника? Ахъ! когда намъ не надобно жить достойно Христовыхъ рабовъ? Что̀ значитъ жизнь наша, когда ее не проводимъ для Христа и со Христомъ? Что̀ мы? И что̀ Христосъ для насъ? Рыбка живетъ только въ водѣ. Птица порхаетъ въ воздухѣ. Для насъ безъ Христа нѣтъ жизни. Тогда только живетъ душа, когда живетъ по волѣ Христовой. Міръ пройдетъ; обычаи людскіе пройдутъ; заботы жизни минуютъ насъ; много

скорбей въ жизни, но все пройдетъ и останется съ нами душа наша. Какъ же не заботиться, какъ же не молиться намъ о душѣ нашей? Какъ не сокрушаться, какъ не биться изъ всѣхъ силъ для того, чтобы жить по волѣ Божіей? О! Боже мой! Не легко итти путемъ Твоимъ. Путь Твой, по слову Твоему, — путь тѣсный и жесткій. Но что̀ будетъ съ нами, если не станемъ идти путемъ Твоимъ? Страшно не идти путемъ Твоимъ. Куда придемъ мы, когда не будемъ идти къ Тебѣ? Но — путь тѣсенъ; идти по нему — трудно; и иногда такъ бываетъ тѣсно, такъ бываетъ темно, что не знаемъ, какъ и куда ступить ногою. Какъ же намъ быть съ такою жизнію нашею? Гдѣ свѣтъ очамъ нашимъ? Гдѣ облегченіе въ тяжкихъ скорбяхъ нашихъ? Исповѣдуемъ, Господи, исповѣдуемъ, что темно бываетъ въ жизни нашей отъ грѣховъ нашихъ. Но куда же дѣваться намъ отъ грѣховъ нашихъ? Все, все у Тебя. Пусть много у насъ грѣховъ нашихъ, но Ты прости, Ты разсѣй мракъ грѣховъ нашихъ, Ты укрѣпи насъ, чтобы мы ходили путемъ Твоимъ неуклонно... Все, все у Тебя. Бей, поражай насъ скорбями, чтобы только исцѣлилась душа наша. Такъ безъ Господа, а потому и безъ молитвы нельзя и желать спасенія. Будемъ же жить съ Господомъ. Будемъ молить Господа, чтобы Онъ не оставлялъ насъ. Вотъ какъ много наговорилъ, какъ мало толку. Простите за многословіе. Повторяю желаніе: радуйтесь о Господѣ и для Господа; живите съ Господомъ и для Господа.

Алексѣю Васильевичу желаю Божія благословенія и любви, съ которой все и вездѣ хорошо. А. Филаретъ.

11.

(1836—1841).

Я забылъ сказать вамъ, что проповѣдь можете вы и не списывать, потому что есть готовая. Когда придете ко мнѣ, принесите списокъ, который у васъ, и я, сдѣлавши справку, отдамъ вамъ другой или тотъ же.

Христосъ съ вами да будетъ. Не оставлять однако надобно и намъ Христа.

12.

Воскресенье Ѳомы (1837).

Христосъ воскресе. Надежда Николаевна!

Да исполнитъ Господь Воскресшій радостію духовною душу вашу. Древніе христіане все время отъ Пасхи до Пятидесятницы считали временемъ праздничнымъ и проводили въ веселіи духовномъ; и постъ, и колѣнопреклоненіе считали неприличнымъ для всѣхъ этихъ дней. Славили Воскресшаго и въ общественныхъ собраніяхъ, и въ домашнемъ быту. Не согрѣшимъ и мы, если въ духѣ древнихъ христіанъ будемъ проводить въ радости дни сіи. Мы далеки отъ духа древнихъ христіанъ въ своей жизни, въ своихъ подвигахъ для Господа. Мы не страдаемъ за имя Божіе столько болѣзненно, сколько страдали они. Станемъ признавать свои недостатки; станемъ смотрѣть на себя какъ на слабыхъ христіанъ, и тѣмъ не менѣе будемъ по возможности входить въ общеніе съ духомъ древнимъ, съ духомъ апостольскимъ, чтобы сей живоносный духъ самъ по себѣ оживлялъ сердца наши для истинной вѣры, чтобы тѣ, которые жили симъ духомъ, видя желаніе наше быть съ нами, пролили молитву за насъ слабыхъ христіанъ. Когда въ себѣ мы не стяжали духа ревности пламенной къ Христу Іисусу, что̀ можетъ возбуждать нашу лѣность къ сей ревности, если не духъ древнихъ, если не наше общеніе съ ихъ жизнію? Станемъ читать исторію ихъ дѣяній, станемъ дѣлать то же, что̀ они дѣлали, дѣлать по силѣ; это будетъ, по крайней мѣрѣ, тѣмъ хорошо, что избавитъ насъ отъ правилъ своемысленныхъ, отъ произволовъ грѣхолюбиваго, лукаво-грѣхолюбиваго духа нашего. Всему время: это изреченіе справедливо для всѣхъ случаевъ нашей жизни. Во время, назначенное для веселія духовнаго, станемъ оживлять душу размышленіями о любви Господа Іисуса къ намъ, о Его славѣ и величіи, станемъ читать наставленія, какъ намъ благодарить благодѣющаго намъ Господа, какъ благословлять Его любовь къ намъ; станемъ съ Псалмопѣвцемъ хвалить Господа; тогда какъ въ другое время вмѣстѣ съ Нимъ мы исповѣдывались и каялись; будемъ пѣть съ Церковію веселыя, торжественныя пѣсни ея, въ которыхъ всю тварь приглашаетъ она веселиться и радо-

ваться. Не забывайте меня и въ веселіи о Господѣ, также какъ въ скорби о Господѣ. Грѣшный Филаретъ.

Письмо ваше получилъ я по пріѣздѣ изъ Москвы, гдѣ пробылъ двое сутокъ для непріятной новости монастырской [6]).

Настасья Васильевна *) бываетъ у службы; здоровье ея укрѣпляется, но какъ обыкновенно бываетъ, укрѣпляется не такъ скоро; а потому иногда усталость чувствуетъ послѣ и не великихъ трудовъ. Пишу точную правду. Думаю, что знаете, какъ провели мы съ Настасьею Васильевной первый день Пасхи: она также пріобщалась.

Думаю, что Алексѣя Васильевича уже нѣтъ съ вами, потому желаю ему только пути благополучнаго вмѣстѣ съ вами—заочно. Дѣла жизни требуютъ также своей точности и исправности и могутъ не мѣшать дѣлу Божіему, дѣлу спасенія, а напротивъ, могутъ пособлять ему. Наше дѣло молиться, чтобы они шли въ созиданіе души. И Онъ былъ въ Канѣ на бракѣ, и даже самое первое чудо сотворилъ на бракѣ, однако творилъ—чудо въ славу Божію, а не дѣло только житейское.

13.

Перестали ли вы бранить меня, что такъ давно ничего не пишу къ вамъ. Браните больше: гдѣ брань, тутъ и любовь. Бѣда, когда недовольные мною молчатъ о своемъ недовольствѣ на меня. Тутъ, пожалуй и они наживутъ себѣ бѣду, да и мнѣ готова не одна. Когда же говорятъ черствую правду вслухъ, авось эта правда сдѣлается современемъ для меня мягкою и пріятною, — на это есть. Да и тѣ, которые говорятъ эту правду, ужели только что будутъ говорить правду, а сами до нея не захотятъ и дотронуться пальцемъ? Нѣтъ, зачѣмъ предполагать такое дурное состояніе души? Это правда, что мы охотники раздавать совѣты другимъ, предлагать правила сосѣдамъ нашимъ, и не всегда съ охотою выполняемъ эти совѣты—сами. Случается, что коль успѣлъ сказать доброе слово другому, и думаешь, что сдѣлалъ очень много, между

*) Якушкина.

тѣмъ надобно бы напередъ спросить свою душу, посмотрѣть на свою прошлую жизнь, какъ часто самъ я въ томъ же положеніи равнодушно пренебрегалъ этимъ хорошимъ правиломъ. Да—несчастенъ я, когда кладу со всею охотою и даже радостію тяжелыя ноши на плечи другого, а самъ бѣгу отъ нихъ въ сторону! Какъ бы то ни было, но я скажу отъ души благодарность, когда меня бранятъ за что бы то ни было, или по крайней мѣрѣ желаю говорить благодарность.

Однакожь смотрите, какой я мстительный! Говорю вамъ благодарность за то, что вы побраниваете меня, и вмѣстѣ хочу самъ бранить васъ. И за что̀ бы вы думали эта милость моя къ вамъ? Мнѣ кажется, что вы, побранивая меня за мою скрытность, а не скрывая мыслей чужихъ и своихъ предъ другими, — хотите для меня подражать мнѣ. Вы согласитесь, что довольно давно вы не писали ко мнѣ. Исправиться совѣтую.

Христосъ Господь да будетъ съ вами, да управляетъ душею вашею на пути къ вѣчности. Желаю вамъ проводить дни святые свято. Вотъ это правда Христова, что просторный путь ведетъ къ концу ужасному. Возлюбимъ же тѣсный путь, горькую правду Христову.

Благословеніе Господа Іисуса да пребываетъ съ вами и съ сущими съ вами. Грѣшный Филаретъ.

Марта 21 1837 года.

14.

24-го апрѣля (1837).

Во истину Христосъ воскресъ, возлюбленная Господомъ! Господь да воздастъ вамъ за вашу любовь ко мнѣ. Вы такъ много обезпокоились о мнѣ: я буду помнить это безпокойство ваше и буду цѣнить его. Я ждалъ отъ васъ письма, но не ожидалъ, чтобы вы прислали письмо съ такими тревогами души вашей. Васъ встревожили вѣстію несправедливою. Вы будете еще видѣть меня въ Академіи, тамъ, гдѣ мы познакомились съ вами. Господь терпитъ еще грѣхамъ моимъ, и я остаюсь въ покоѣ Божьяго слуги и великаго защитника нашего Сергія. Продолжаю прежнее житье-бытье.

Что до Москвы, то мнѣ точно данъ въ управленіе Богоявленскій монастырь; даже меня вызывали двумя указами въ Москву на Пасху; но все это для временнаго пребыванія въ Москвѣ, а не на жительство. Я собирался было ознакомиться лично съ своею обителію, но неудалось. Если вы будете въ Москвѣ, то прошу васъ зайти въ нее къ службѣ. Я почти не знаю эту обитель. Былъ только однажды и почти ничего не видалъ, а что̀ видѣлъ, то забылъ. Теперь я только считаюсь настоятелемъ этой обители, но не принималъ ее на свои руки. Вотъ вамъ подробное объясненіе дѣла [7]).

Еще и еще благодарю васъ за вашу любовь ко мнѣ, за вашу молитву о мнѣ. Жду васъ въ прежнія келліи и съ прежнею любовію.

Алексѣю Васильевичу съ его супругою и съ дѣтьми милыми желаю благословенія Божія, а для свѣтлыхъ дней — свѣтлаго веселія.

У насъ вотъ скоро опять начнутся дѣла наши. Впрочемъ надобно ли думать, что дѣла начаться должны? Они начались съ началомъ жизни. Теперь идетъ непрерывно продолженіе. А тамъ? И тамъ только перемѣнится то, что̀ внѣ насъ.

Въ четвертокъ Великій точно пріобщался я со всѣми моими. Благодареніе Господу!

Простите. А. Филаретъ.

P. S. Письмо написано, но вотъ его не приняли на почту за моимъ промедленіемъ. Отправляю съ случаемъ письмо въ Москву, чтобы тамъ отдали на почту въ четвертокъ.

15.

Вотъ я и въ монастырѣ Богоявленскомъ. Смотрю на его положеніе. Положеніе его вовсе не таково, чтобы можно было оставаться покойнымъ, но надобно искать покоя въ Господѣ. Что̀ дѣлать? На землѣ вездѣ земля—тлѣніе и смерть. Жизнь и крѣпость для всего у Господа. Онъ кормитъ и держитъ все. Достаетъ у Него и для насъ насущнаго хлѣба; наша бѣда въ томъ, что мало

ожидаемъ отъ Него помощи, а чаще обращаемся къ себѣ самимъ, ищемъ пособій для жизни въ своихъ средствахъ. Да, это не хорошо: это не значитъ жить съ Нимъ жизнію всецѣлою, съ полнымъ упованіемъ на Него.

Иноки мои стары, но я пока покоенъ среди нихъ; я даже гораздо больше покоенъ среди нихъ, нежели какъ надѣялся. Они молятся у меня порядочно, живутъ не совсѣмъ сытно, а это—дѣла необходимыя для монаха. Станемъ молиться вкупѣ.

Желаю вамъ утѣшиться утѣшеніемъ Божіимъ при свиданіи со своими. Съ кѣмъ же и дозволено и должно утѣшаться, какъ не съ тѣми, съ которыми жизнь наша связана самимъ Подателемъ жизни? Тотъ, Кто соединилъ васъ узами, Онъ заставляетъ васъ дѣлить съ своими радость душевную, искреннюю, Онъ обязываетъ васъ даже къ тому. Тамъ, гдѣ любовь Божія, тамъ Божіе благословеніе, тамъ Духъ Божій, тамъ Самъ Онъ и ошибки наши исправляетъ и прощаетъ для любви любовію своею прегрѣшенія и ведетъ души къ Царствію Своему. Да, мать для дѣтей живетъ, дѣти для матери. Эта простая истина и истина святая.

Господь мира и любви да будетъ съ вами. Я стану платить вамъ за вашу любовь ко мнѣ грѣшному. Простите. А. Филаретъ.

Всѣмъ вашимъ сердечную память о нихъ засвидѣтельствуйте.

Іюля 15-го дня 1837 года.

16.

(Іюль—августъ 1837).

Простите меня, что вскорѣ не отвѣчалъ вамъ на письмо. Такъ много, такъ много было дѣлъ и заботъ, что въ иныя сутки былъ вовсе безъ себя, а только съ однѣми заботами.

Теперь я въ монастырѣ въ Москвѣ. Здѣсь больше свободы, но и здѣсь стужаютъ духъ попеченіями. Такова земля! На ней—труды, а не покой. Трудись, трудись день и ночь, и однако остаются къ каждому дню новому новые труды. О! когда бы труды земли не были безполезны для жизни за предѣлами земли. О томъ и остается помышлять, о томъ и остается плакать и сокрушаться чтобы не все, что̀ дѣлаемъ на землѣ, было безполезно для вѣч-

ности, или даже опасно. И какъ много надобно трудовъ для того, чтобы трудиться съ пользою для вѣчности. Тяжки труды на землѣ для земли, но далеко тяжелѣе подвиги для неба, далеко больше требуютъ они осмотрительности, мудраго вниманія, кровавыхъ потовъ и трудовъ. Но — сіи труды тѣмъ легки, что съ ними душа не утомляется, не слабѣетъ, а растетъ и укрѣпляется. Они не убиваютъ духа, а оживляютъ духъ.

Простите! Христосъ да будетъ съ вами! Грѣшный Филаретъ.

Любезному Алексѣю Васильевичу желаю благословенія Божія.

Постникова опять была больна и даже тяжелѣе прежняго, но теперь выздоравливаетъ понемногу.

17.

(Іюль—августъ 1837).

Мнѣ совѣстно, что вы такъ много безпокоитесь для меня, а еще болѣе совѣстно не исполнить вашего желанія; такъ какъ мнѣ приходится по обстоятельствамъ здѣсь долго еще жить (и это не къ радости моей), то позвольте попросить у васъ позволенія найти болѣе свободный день, чѣмъ нынѣшній, когда мнѣ надобно быть у Владыки съ дѣлами нѣкоторыми. Съ своей стороны за долгъ совѣсти сочту быть у васъ, какъ только позволятъ обстоятельства. Грѣшный Филаретъ.

18.

Воскресенье.

Посылаю вамъ проповѣди; я не сдержалъ своего слова, извините. Сдѣлалъ, что̀ могъ. Надѣюсь, что пользу получите и изъ чтеній тѣхъ, которыя посылаю. По крайней мѣрѣ я желаю того. Христосъ да будетъ съ вами. Когда отправитесь въ путь свой? Желанія мои будутъ сопровождать васъ, желанія тѣ, чтобы Святитель принялъ васъ съ любовію, а дочь съ радостію. Помяните и меня у Святителя. Пелагеѣ Васильевнѣ [8]) скажите о моемъ желаніи для нихъ всего угоднаго Господу.

Алексѣю Васильевичу и съ супругою мое уваженіе и память.

предъ Господомъ свидѣтельствую. Дѣтей благословляю. Спѣшу къ почтѣ.

Я желалъ бы, чтобы Н. В. избрала домъ Морозова, домъ— помѣстителенъ и чистъ, и недалекъ отъ монастыря. Всѣ выгоды въ сравненіи съ другими домами, извѣстными мнѣ, за этимъ домомъ, если исключить сумму, которую хозяинъ не понижаетъ.

Простите. Молю Господа, чтобы Онъ и тамъ, и здѣсь былъ съ вами своею любовію. А. Ф.

Августа 2-го дня (1837).

19.

18-го августа (1837).

Какъ вы доѣхали? Каковы силы ваши? Вопросы эти необходимы при мысли объ васъ. Не въ ваши лѣта путешествовать, но сила Христова является въ немощахъ, такъ она обычно дѣйствуетъ надъ всѣми и вездѣ, и съ нею можемъ быть и здоровы, и покойны; ею-то и успокоивается духъ, когда по слабости начинаетъ недоумѣвать, исполнятъ ли слабые силы трудное для нихъ дѣло. Молю Господа грѣшный, да укрѣпитъ Онъ васъ. Помолитесь же за меня грѣшнаго угодникамъ Христовымъ, чтобы они воспомянули о мнѣ предъ Господомъ. Особенно поклонитесь за меня пониже и усерднѣе великомученицѣ Варварѣ [9]). Да благословитъ васъ Христосъ Господь! Я здѣсь живу въ глубокомъ покоѣ. Благодареніе Господу.

О. Савватій не могъ ѣхать въ Покровское, не отпустили, но надѣется побывать послѣ Успенія.

Простите. Съ душевною любовію къ вамъ Филаретъ.

Собираемся приниматься за обыкновенныя дѣла свои. Возвращайтесь къ намъ скорѣе. Да будетъ милость Христова съ вами, старица Христова.

20.

(1841).

Добрая старица моя! Почему же не предлагать добраго желанія другому? Ужели же лучше выполнимъ долгъ любви, когда

будемъ молчать о добрѣ? Правда, Спаситель сказалъ, что есть случаи, когда не надобно предлагать и добра. Но — да сохранитъ Онъ Самъ каждаго и знаемаго, и незнаемаго нами отъ подобныхъ случаевъ. Съ своей стороны радъ и видѣть доброе желаніе ваше, и по силамъ исполнять. Съ нынѣшнею же почтою посылается представленіе о Поспѣловѣ [10]) къ митрополиту. Будетъ ли успѣхъ представленія, — не ручаюсь. Все въ волѣ Господа! Касательно Виѳанскаго мѣста затрудненіе въ томъ, что въ Виѳаніи остается лишній наставникъ вслѣдствіе новыхъ нашихъ порядковъ, и хотя давно послано представленіе о назначеніи для него особаго мѣста, но наше *давно,* вѣрно, не каждому кажется давнимъ: отвѣта еще не получено. Тѣмъ не менѣе Поспѣловъ предназначается для Виѳаніи. Вотъ вамъ душевный мой отвѣтъ и отчетъ.

Помолитесь за меня грѣшнаго, имѣющаго нужду въ молитвахъ.

А вы, вѣрно, и забыли, что я все еще жду васъ въ Лавру. Кажется, еще не исключено изъ списка добрыхъ дѣлъ — дѣло исполнять данное слово! Не правда ли? Если же такъ, то я буду оставаться въ надеждѣ видѣть васъ въ Лаврѣ и съ вами поговорить хотя бы то о пустомъ: отъ пустого не извольте ждать ничего, кромѣ пустяковъ, въ этомъ увѣряю васъ.

Съ искреннею и постоянною памятію о васъ предъ Господомъ. А. Ф.

21.

Христосъ воскресе, любезная Надежда Николаевна! Отъ души говорю вамъ слова сіи и желаю, чтобы сила ихъ была ощутительна для души вашей. И Страдавшій, и Воскресшій для насъ! Да послетъ и намъ грѣшнымъ милость свою—быть участниками Его въ славѣ и радостяхъ.

Пишу къ вамъ въ самый день великаго праздника. Не совсѣмъ послушался васъ, то-есть, вмѣсто того, чтобы писать въ субботу, пишу въ воскресенье. У насъ литургія, какъ и прежде бывало, была въ слѣдъ за утреннею. И вотъ я уже успѣлъ нѣсколько успокоить свои дряхлыя кости.

Хотѣлъ писать вамъ по полученіи перваго вашего письма, чтобы отвѣчать на духовную любовь любовію такою же, но не

зналъ, гдѣ васъ найти съ своимъ письмомъ. Вы писали, что намѣрены скоро выѣхать изъ Москвы. Будемъ молиться, будемъ молиться.

Очень радъ извѣстію вашему о Евгеніи и Вячеславѣ *). Дай Богъ, чтобы они были утѣшеніемъ и для васъ, и для себя. Да и для себя нельзя быть утѣшеніемъ, если не живемъ по волѣ Господа нашего. Какъ бы я радъ былъ увидать Евгенія, если онъ будетъ въ маѣ въ Москвѣ! Если будетъ, пришлите ко мнѣ его; мнѣ очень хочется видѣть его,—давно не видалъ.

Ну, по минутамъ отрываютъ отъ письма, то тотъ, то другой приходитъ, между тѣмъ и у Преподобнаго служеніе кончилось. Хотѣлось бы поговорить, но до другого времени. Простите. Христосъ да будетъ съ вами.

Любезнаго Алексѣя Васильевича цѣлую цѣлованіемъ искреннимъ и желаю прежде всего добраго здоровья. Грѣшный Филаретъ.

1841 года, марта 30-го дня.

22.

(5-го іюня 1841).

Возлюбленная Господомъ старица! Не знаю, почему-то обрадовался я вашему письму, лишь только взялъ его въ руки. Дай Богъ, чтобы и вашу душу обрадовалъ Онъ, Милосердый Отецъ насъ грѣшныхъ. Дай Богъ, чтобы надежды относительно милаго Евгенія сбылись такъ, какъ бы имъ, кажется, нужно сбыться. Не все же скорби, кажется, позволено желать и отдохновенія среди скорбей. Впрочемъ безъ сомнѣнія, всего лучше будетъ то, что̀ Господь устроитъ. Мы близоруки: Онъ—Всевидящій видитъ и то, что̀ очень далеко впереди; Онъ — любвеобильный устрояетъ такъ, какъ нужно для вѣчности нашей. Вѣчность, вѣчность! Какъ много надобно, чтобы провесть тебя безъ скорбей и стенаній,—или лучше тебя не препроводимъ мы мимо себя, какъ препроводимъ мимо себя время, не будемъ жить и жить такъ, какъ здѣсь приготовимся жить. Господи! По милости Твоей великой сотвори съ нами по волѣ Твоей во спасеніе наше вѣчное. Отъ молитвъ моихъ вамъ

*) Якушкины.

прибыли нечего ждать, и себѣ отъ нихъ я не вижу, — отъ того, что худо молюсь, или точнѣе не молюсь. Бѣда—куда ни посмотришь: бѣдность и нищета. Того нѣтъ, другого не бывало, о третьемъ и не думалъ. Съ чѣмъ же являться туда, гдѣ отъ меня такъ много и такъ грозно будутъ требовать? О! Господи, имиже вѣси судьбами, спаси меня грѣшнаго, нищаго, ограбленнаго со всѣхъ сторонъ!

Вы спрашиваете меня о здоровьѣ: благодареніе Господу, теперь здоровъ я, если только исключить (а исключить надобно), что лѣчу глаза, которые болятъ—не знаю отъ чего.

Если угодно вамъ узнать еще что-нибудь о мнѣ грѣшномъ: то думаю, что скоро отправлюсь въ далекое путешествіе — въ Пензу, въ Тамбовъ, на ревизію, а въ Воронежъ—хотѣлось бы на поклоненіе угоднику Божію [11]), кажется, что это и исполнится.

О Поспѣловѣ доселѣ ничего намъ не отвѣчаютъ. Что жъ дѣлать? Подождемъ вакаціи; вѣроятно, тогда вмѣстѣ съ другими распоряженіями распорядятся какъ-нибудь и симъ прошеніемъ. Простите. Помяните меня грѣшнаго въ молитвахъ любви вашей. Грѣшный Филаретъ.

23.

Христосъ да спасетъ васъ, почтеннѣйшая Надежда Николаевна! Спасетъ васъ, Милостивый, что вы вспомнили о мнѣ и написали въ ту глушь, въ какой витаю я теперь по грѣхамъ моимъ. Въ Симбирскѣ я теперь вотъ уже двѣ недѣли, а скоро ли оставлю его, Богъ вѣдаетъ. Дѣло въ такомъ положеніи, что не знаю, чѣмъ приведется заниматься завтра, и что̀ готовитъ за тѣмъ третій день. Грѣшнику пришлось разбирать грѣхи другихъ. Съ одной стороны, и не совсѣмъ это къ лицу, а съ другой, дивно ли, что занявшись чужими грѣхами забуду о своихъ, и что̀ еще хуже: разсматривая только грѣхи другихъ, пожалуй, стану думать о себѣ не какъ о грѣшникѣ, а какъ о человѣкѣ довольно сносномъ [12]). Въ томъ и бѣда, что грѣшникъ за что ни возмется вездѣ портитъ себя, прежде нежели успѣетъ сдѣлать что-нибудь для другихъ, если только успѣетъ. Для того, кто утвержденъ въ Господѣ, кто силенъ силою Господа своего, вездѣ свобода, вездѣ удобства умножать

спасеніе души. А такому немощному, такому грѣшному, каковъ Филаретъ, и святое дѣло не въ помощь, и чистое не служитъ въ очищеніе. Буди воля Божія со мною грѣшнымъ. Остается твердить молитву Макарія: Господи! какъ хочешь и какъ можешь, спаси меня.

Въ Симбирскѣ я получилъ вѣсть, что родительница моя оставила сей свѣтъ 1-го сентября. Я виноватъ передъ нею: ей очень хотѣлось, какъ узналъ я, чтобъ побывалъ я у нея въ вакацію, и она очень скорбѣла, что не былъ. Теперь жалѣю, но уже поздо. Даже съ тѣмъ поѣхалъ изъ лавры, чтобы на возвратномъ пути повидаться съ нею; но—вотъ уже поздо. Такъ бываетъ съ нами, что вездѣ мы опаздываемъ. Поспѣемъ ли во время въ чертогъ, пока не затворятъ его для насъ? Помолитесь о мнѣ грѣшномъ. Здѣсь мнѣ не совсѣмъ весело: и дѣлъ много, да и умѣнья надобно много, чтобы дѣлать, какъ должно.

Отъ души желаю благословенія отъ Господа любезному Алексѣю Васильевичу съ супругою его и съ дѣтками. Пожелайте отъ меня спасенія душевнаго Настасьѣ Васильевнѣ. Господь да будетъ со всѣми вами. Грѣшный Филаретъ.

7-го октября (1841).

24.

28-го ноября (1841).

Нынѣ получилъ пріятное письмо ваше и нынѣ же посылаю. Господь спасетъ васъ за ваши добрыя желанія о мнѣ грѣшномъ. Когда бы Господь устроилъ такъ душу мою, какъ вы желаете! Жизнь земная такъ тяжка; спасеніе души устроить не легко: хотя благодать Господа содѣйствуетъ душѣ вовсе незаслуженно, вовсе даромъ, не по усиліямъ и мольбамъ души, тѣмъ не менѣе устроить душу не легко, не легко отъ того, что много лѣности для добра, много склонностей къ грѣху. Грѣхъ, какъ червь, точитъ душу и точитъ незамѣтно. Ты думаешь съ собою, что все какъ будто идетъ въ порядкѣ, изъ ряда порядочныхъ не выступалъ, а заглянешь въ глубину души, — тамъ и холодно, и сыро, и бѣдно, тамъ тайкомъ ползаютъ черви то гордости, то самонадѣянія, то тще-

славія, то привязанности къ своему, къ своимъ мнѣніямъ, къ нажитымъ привычкою страстямъ. Что̀ дѣлать? Надобно идти впередъ, а ноги нейдутъ, душа ослаблена лѣностію и холодностію къ добру. Надобно бороться съ собою, а въ душѣ ни твердости нѣтъ, ни даже охоты. Да и какъ возставать на себя? Возставать на худое надобно... Да, надобно. Но это худое—мое, собственность души. Какъ же разстаться съ своимъ? О, Господи, Господи! Помоги душѣ грѣшной, душѣ недостойной никакихъ Твоихъ милостей, но для любви Твоей къ грѣшнымъ помоги, да не погибнетъ она. На Тебя надежда, Спасителю мой!

Вы пишете, что вамъ совѣстно, какъ вы, такъ часто прежде бывавшія у преподобнаго, цѣлый годъ уже не были у него. Да и я грѣшный также думаю, и даже дивлюсь, а если позволите, то готовъ и побранить. До очевидности худо, что вы такъ равнодушны къ угоднику. Не браните меня, что такъ говорю вамъ, но кажется, я не говорю неправды.

Христосъ спасетъ васъ. Съ любовію къ вамъ Ф.

Любезному Алексѣю Васильевичу отъ души желаніе полнаго и скораго *выздоровленія* и отъ души жалѣлъ и жалѣю о болѣзни.

Прошу доставить письмо Настасьѣ Васильевнѣ. Новой квартиры ея не знаю еще доселѣ.

25.

Декабря 6-го дня (1841).

Вы, конечно, охотно простите меня, Надежда Николаевна, что не писалъ вамъ отвѣта на первое письмо и ничего доселѣ не сказалъ о себѣ. Я думаю, что Андрей Николаевичъ [7]) писалъ вамъ о моемъ положеніи. Не писалъ потому, что время занято было разными заботами. Ѣздилъ то туда, то сюда, и вамъ не сказывать о томъ за новость, что въ Петербургѣ не такъ просто и свободно, какъ въ Москвѣ. Здѣсь все дѣлается по такту, по правиламъ: правильны ли правила, это другое дѣло...

Путь мой въ Петербургъ былъ не совсѣмъ скоръ. Вотъ приключенія его. Вы видѣли, что поѣхалъ я въ саняхъ. Но послѣ разныхъ приключеній на пяти верстахъ, въ Всесвятскомъ провели

ночь въ томъ, чтобы экипажъ снять съ зимняго хода и поставить на колеса. Далѣе три раза останавливались, чтобы чинить экипажъ. Въ Петербургъ пріѣхали утромъ 3-го числа. Благодареніе Господу за все [13]).

Владыка нашъ [14]) принялъ меня съ любовію отца, а я теперь въ его тѣсныхъ покояхъ, еще не престаю тѣсниться въ углу пр. Сергія, еще преподобный держитъ подъ своимъ кровомъ. И знаете ли, что еще цѣлый мѣсяцъ я буду жить въ томъ же уголкѣ, покоящемъ душу и тѣло? Такъ располагаютъ временемъ моимъ обстоятельства. Не умѣю вамъ объяснить (потому что самъ хорошо не знаю), въ чемъ состоятъ обстоятельства, которыя держатъ меня здѣсь сверхъ ожиданія. Но хорошо для души, когда дѣла дѣлаются независимо отъ ея распоряженій.

О посвященіи въ точности не извѣстно. Но весьма вѣроятно, что оно будетъ 21 декабря, такъ говорилъ митрополитъ. День нареченія и совсѣмъ еще не опредѣленъ. Это — все дѣла высшихъ.

Вотъ каковы-то дѣла низшихъ, отъ нихъ же первый я грѣшный? Какъ съ собою вести дѣла? Это такая задача, которой мудренѣе ничего нѣтъ. Да, человѣкъ грѣшникъ такая мудреная, запутанная вещь, что тутъ ничего иногда не поймешь. Все перековеркано и перевернуто! Верхнее въ низу, нижнее, земное, самое пустѣйшее въ верху. Какъ поставить вещи въ порядокъ? Казалось бы, пустоту не трудно согнать въ низъ, но примись за дѣло, видишь, что это не такъ легко. Отчего мы такъ любимъ грѣхъ? Отчего мы такъ пристрастны къ гнилому и даже зловредному? Что̀ за слѣпота наша? Что̀ за упорство—любить смерть и гибель свою? Бѣда — бѣда наша! Господи милостивый! Прости слѣпоту и безуміе души моей. Умилосердися, Господи, надъ несчастною, гибельно несчастною душею. Посли свѣтъ и истину Твою, да она наставитъ мя и введетъ мя въ гору святую Твою, въ селе́ніе, гдѣ царствуетъ воля Твоя святая.

Простите. Господь Іисусъ щедрый и милостивый да посѣтитъ душу вашу-своими милостями.

Здѣсь теперь три священника изъ Риги: съ двумя изъ нихъ нынѣ видѣлся и кое-что узналъ о Ригѣ. Пріятнаго не много, но за все благодареніе Господу. Христосъ Господь со всѣми вами да будетъ.

Евгенія доселѣ еще не видалъ, а гдѣ найти его—не знаю.

Нынѣ окаянный я служилъ, и завтра думаю служить. О, когда бы милость Божія не пресѣклась грѣхами моими!

Доброму любезному Алексѣю Васильевичу и съ супругою и съ милыми дѣтками желаю благословенія отъ Господа Бога. Добрѣйшей Катеринѣ Васильевнѣ [15]) благословеніе отъ Отца Милостиваго.

26.

(1841).

Спѣшу вамъ, возлюбленная о Господѣ Надежда Николаевна, послать долгъ: вчера дали мнѣ (боголюбивые Мальцевы) [16]), а нынѣ посылаю; спѣшу же потому, что и вамъ тяжко держать на себѣ долгъ, хотя и сдѣланный по любви Христовой, и мнѣ не хотѣлось бы, чтобы смерть (а кто знаетъ, когда она придетъ?) застала меня съ долгами. Благодарю за любовь вашу столь обильную.

О себѣ новаго доселѣ ничего не могу сказать. Живу, благодареніе Господу, покойно. Правда, вчера не легкое получилъ извѣстіе: дѣтей несчастнаго брата (о которомъ говорилъ вамъ) хотятъ отдать (помѣщикъ его) въ солдаты, требуя за свободу 12,000 р. Но что жъ дѣлать? Когда нѣтъ человѣческихъ средствъ, остается предать все распоряженію воли Господней. Якоже Господу изволися, тако да будетъ [17]).

Рѣшеніе о мнѣ доселѣ не сдѣлано. Кіевскій митрополитъ за Невою [18]), да и въ Ригѣ еще не спокойно. Господь устроитъ.

Проживу здѣсь праздники. Простите. Любезному Алексѣю Васильевичу и съ супругою, и съ дѣтками искренно желаю благословенія Божія. Христосъ Господь да будетъ со всѣми вами. Грѣшный Ф.

P. S. Вы поймете, что есть ли свобода въ духѣ моемъ грѣшномъ?

27.

20-го декабря (1841).

Отъ души, отъ искренней души благодарю васъ, боголюбезная Надежда Николаевна. Вы такъ много любите меня грѣшнаго, такъ

много заботитесь, такъ много молитесь о мнѣ, что не знаю, чѣмъ воздать вамъ. Господь Богъ щедрый и милостивый да воздастъ вамъ своими щедротами.

Не понимаю, почему вы такъ долго не получаете моихъ писемъ: я послалъ вамъ два письма одно въ слѣдъ за другимъ. Въ первые четыре дня по пріѣздѣ я не успѣлъ писать къ вамъ; время занято было разъѣздами къ членамъ синода, къ графу [19]): одинъ живетъ на одномъ концѣ Петербурга, другой на другомъ; одного не застанешь въ то время, другого въ другое, и потому надобно было думать и о томъ, когда куда ѣхать. Къ тому же съ самаго пріѣзда мнѣ уже сказано было, что праздники здѣсь я пробыть долженъ. А потому далъ себѣ нѣсколько и свободы, когда провесть за заботами, когда и въ отдыхѣ.

Вотъ уже довольно, очень довольно прошло времени, какъ я здѣсь живу. Но, признаюсь, не замѣчаю, какъ идетъ время. Сижу не безъ дѣлъ, и время не проходитъ праздно. Владыка нашъ далъ мнѣ кое-какія занятія и пріятныя, и весьма полезныя. Да и свои есть дѣла. Благодареніе Господу!

Вчера совершено нареченіе [20]). Дѣло съ моей стороны совершилось въ порядкѣ. Кажется, не остались недовольными.

Завтра совершаться будетъ посвященіе. Благодарю васъ, что вы приготовили меня своими молитвами. Надѣюсь о Господѣ, что молитва любви всегда благовременна и дѣйственна, когда бы ни совершена она была. Да будетъ жертва любви ходатайственною жертвою для самой любви, во благо и спасеніе и вашей души.

Вѣроятно, и даже уже извѣстно, что многимъ не нравится, что грѣшный Филаретъ, не имѣя на что, не будетъ завтра угощать публики синодальной, но Господь устроитъ все во благо. Любвеобильный владыка нашъ взялъ на себя угостить вмѣсто ста — десять человѣкъ. Все суета и самое то, что я объ этомъ вспоминаю.

Засвидѣтельствуйте отъ меня почтеніе и привѣтствуйте съ праздниками Алексѣя Васильевича, Катерину Сергѣевну, Екатерину Васильевну, а прежде Настасью Васильевну, поцѣлуйте дѣтокъ Алексѣя Васильевича и Вячеслава. Христосъ да будетъ со всѣми вами.

Живу въ малой комнаткѣ, но весьма покойно.

Простите. Христосъ съ вами, паки и паки желаю того.

Если увидите, скажите о моей душевной памяти Марьѣ Петровнѣ, Авдотьѣ Николаевнѣ, Катеринѣ Ивановнѣ. Катерину Ѳедоровну [21]), прошу васъ, поздравьте съ праздникомъ отъ меня.

28.

26-го декабря (1841).

Для спасенія насъ грѣшныхъ родившійся Спаситель да спасетъ вашу душу, Надежда Николаевна. Вы истинно утѣшаете меня вашею любовію. Не скажу, чтобы мнѣ постоянно было скучно: любовь архипастыря такъ много ущедряетъ меня, такъ заботливо входитъ въ мои положенія, даже и неявныя, что я не умѣю и не имѣю силъ возблагодарить должнымъ образомъ. Но вы правду сказали, что я пріѣхалъ сюда какъ въ лѣсъ, точно это—лѣсъ и лѣсъ глухой для меня грѣшнаго; все для меня дико здѣсь, дико и потому, что неизвѣстно, дико и потому, что становясь извѣстнымъ не перестаетъ быть страннымъ и недоступнымъ для духа. Потому можете судить, каково положеніе мое. Къ тому же живу довольно долго здѣсь, но не знаю, когда выѣду. Сказали, что 1-го числа надобно будетъ являться государю, а послѣ того еще на домашнюю аудіенцію надобно явиться для принятія наставленій. Когда будетъ сія послѣдняя, не извѣстно. Да и послѣ того по обстоятельствамъ Риги, вѣроятно, не скоро придется выѣхать. Потому-то, еслибы не любовь владыки утѣшала меня какъ дитю, было бы слишкомъ скучно. Еслибы не былъ я въ кельѣ владыки (которая хотя тѣсна, но для духа покойна), мнѣ надлежало бы жить въ какомъ-нибудь пустомъ погребѣ лаврскомъ. Господь Іисусъ да воздастъ милостію своею щедрой любви владыки-отца.

Я послалъ къ вамъ письмо въ Москву: такъ поступилъ я и потому, что вы сами писали о намѣреніи пробыть праздники въ Москвѣ, да и потому, что прежнія письма, посланныя въ Покровское, такъ долго не были получены вами. Теперь вижу изъ письма вашего (отъ 21-го декабря), что вы изъ Москвы ѣдете въ Покровское. Я писалъ вамъ о своемъ братѣ и дѣтяхъ его. Нынѣ Господь

утѣшилъ меня грѣшнаго вѣстію, что сыновей приказано освободить отъ солдатчины: этимъ опять обязанъ я владыкѣ. Хотя и послѣ того участь брата остается еще тяжелою, но благодареніе Господу, что одна бѣда, и бѣда слишкомъ тяжелая, снята съ несчастныхъ. Дѣло въ томъ, что за свободу брата съ двумя дѣтьми требуютъ 12,000 р. (а прежде требовали 20,000), но онъ не имѣетъ и 2000, даже и послѣ того какъ продалъ бы все, кромѣ рубашки. Что̀ дѣлать? Надобно терпѣть. Такъ Господу угодно!

О посвященіи моемъ знаете: оно совершено 21-го декабря, и молитвенниками были три митрополита и три архіепископа. Да утвердитъ Господь благость свою въ грѣшникѣ самомъ непотребномъ [22]).

Любезному Алексѣю Васильевичу желаю благословенія Божія, да ущедритъ Господь добрую душу его и его супруги, дѣтокъ цѣлуя благословляю.

Простите. Христосъ съ вами. Грѣшный Филаретъ, епископъ Рижскій.

Вчера видѣлъ я у митрополита добрую графиню Шереметеву. Дай Богъ, чтобы она до гроба была добра среди суетъ мятежнаго и забывчиваго вѣка.

Адресъ: На Троицкое подворье, на Фонтанкѣ.

29.

Февраля 1-го дня (1842).

Боголюбезная Надежда Николаевна! Давно не писалъ я къ вамъ, между тѣмъ какъ вы давно ждете строкъ моихъ. Простите. На каждомъ шагу грѣшникъ. Таковы всѣ дѣла мои! Такова душа моя, что вездѣ виновата. Куда дѣваться мнѣ съ душею своею окаянною? Вы по любви своей, конечно, простите меня. Но вотъ бѣда моя — сколько другихъ грѣховъ! Сколько такихъ грѣховъ, о которыхъ и не знаю! Сколько такихъ нечестій, о которыхъ иногда вспоминаю, но не плачу горькимъ плачемъ, какъ бы надлежало! Боже мой! Не вниди въ судъ съ рабомъ твоимъ окаяннымъ.

Весьма жалѣю о болѣзни добраго Алексѣя Васильевича. Да сохранитъ его Господь для многихъ, имѣющихъ въ немъ нужду.

Другое дѣло вотъ еслибы я захворалъ, еслибы ко мнѣ пришла смерть: не правда ли, что лишній соръ спихнули бы съ глазъ людей? Да возставитъ его Господь цѣлымъ и здравымъ.

Вамъ, по желанію вашему, посылаютъ мою *образину* [23]). Взглянувъ вспомните предъ Господомъ Богомъ о несчастномъ грѣшникѣ, да проститъ ему Богъ хотя одинъ грѣхъ.

Разъ я выѣхалъ съ подворья вечеромъ съ тѣмъ, чтобы быть у Пелагеи Васильевны *). Но какъ адресы были записаны на одной бумажкѣ два—одинъ Пелагеи Васильевны, другой Вѣры Алексѣевны, а память у меня слишкомъ вѣрная, то я и попалъ не туда, куда думалъ быть съ начала. Такъ и быть! Вѣра Алексѣевна также очень желала, чтобы былъ я у ней; нѣсколько разъ присылала, такъ что было совѣстно. И вотъ одинъ долгъ выполненъ. Тамъ я увидѣлъ милое дитя ваше и очень радъ ему былъ.

Евгеній Ивановичъ **) былъ у меня два раза въ праздникъ. Пелагея Васильевна такъ была добра, что нарочно отпрашивала его для меня, хотя безъ сего случая не намѣрена была вызывать его. Съ нимъ мы немного поговорили. Онъ, какъ кажется, теперь успокоился и оказываетъ ревность къ ученымъ трудамъ. Да благословитъ его Господь Богъ въ его намѣреніяхъ и расположеніяхъ добрыхъ. Обѣщался я быть у него въ лицеѣ, когда буду въ пути. Исполню ли обѣщаніе, не знаю, Господня воля да будетъ. Вы думаете, что я давно оставилъ Петербургъ, но вотъ видите — не устрояются дѣла, какъ бы хотѣлось. Не умѣю сказать вамъ о семъ ничего болѣе, какъ повторить вмѣстѣ съ вами: Да будетъ воля Твоя яко на небеси и на земли.

Здѣсь другія сутки какъ идетъ дождь. Немного было снѣгу и прежде, а теперь и совсѣмъ нѣтъ. Грѣхи наши испортили порядокъ природы. Безпутно живемъ мы; потеряла пути свои и окружающая природа.

Простите Господа ради.

Любезнаго Алексѣя Васильевича благословляю Грѣшникъ самый послѣдній Филаретъ.

---

*) Муравьевой.

**) Якушкинъ, сынъ сосланнаго.

Вы правы, упрекнувъ меня за поспѣшность въ уплатѣ долга; сдѣланъ другой, но Онъ милостивъ, не смотря на мои беззаконія. Простите.

О времени отъѣзда ничего не знаю.

30.

(18-го февраля 1842).

Вотъ вамъ, Надежда Николаевна, то, чего желали вы изъ любви ко мнѣ. Не могъ итти на перекоръ любви, чтобы отказать желаніямъ любви, но, какъ увидите, можно было и не желать того такъ сильно, какъ желали вы.

Если не писалъ я къ вамъ долго, это не означало, чтобы я что-нибудь имѣлъ въ душѣ противъ васъ, нѣтъ, и похожаго на то, по милости Божіей, не было въ грѣшной душѣ. Но не писалъ потому, что не совсѣмъ свободно бываетъ въ душѣ, когда есть обстоятельства, стѣсняющія душу немощную. А вы знаете, что грѣшный Филаретъ не силенъ духомъ. Я все продолжаю ждать, когда мнѣ придется выѣхать изъ Петербурга; когда дождусь того, не знаю.

Бенкендорфъ отправился въ Ригу давать совѣты. Чѣмъ это кончится? Многаго не ожидаютъ, и понятно почему.

У Пелагеи Васильевны два раза былъ и два раза не видалъ. Сказали, что нѣтъ дома. Въ третій разъ, конечно, уже и не хорошо ѣхать, да и есть препятствія. Христосъ съ ними да будетъ! Желаю имъ всего угоднаго Господу.

Образины самъ я не посылалъ къ вамъ, а вашъ коммиссіонеръ взялъ, чтобы отослать къ вамъ. Успѣлъ ли отослать, не знаю.

Дай Богъ, чтобъ Алексѣй Васильевичъ скорѣе исправился въ своемъ здоровьѣ.

Доказательствомъ тому, что я не имѣлъ худого въ душѣ моей противъ васъ, служитъ нетерпѣніе, съ какимъ ждалъ я послѣдняго вашего письма, и радъ былъ, когда получилъ его. Мнѣ хотѣлось узнать объ васъ и о болящемъ, и сталъ было думать о васъ подобно вамъ.

Мнѣ здѣсь сказали, что Настасья Васильевна также больна,

или была больна. Скажите, правду ли сказали мнѣ? И пожелайте ей отъ меня и здравія, и спасенія о Господѣ Іисусѣ.

Желаю отъ души, чтобы встрѣтили и провели съ душевною пользою душеспасительный постъ наступающій.

Помолитесь и о мнѣ грѣшномъ. Какъ много надобно такой душѣ скверной и погрязшей въ страстяхъ, какова душа нерадиваго Филарета! Помолимся другъ о другѣ, дабы сколько-нибудь укрѣпиться взаимною любовію. Жизнь идетъ и приближается къ гробу, а слѣдовательно, и къ отчету въ жизни. Горе и бѣда страшная, если перейдемъ туда съ душею нечистою, исполненною терній грѣха и страстей. Между тѣмъ что̀ въ нашей жизни, что̀ кромѣ грѣховъ, лѣности и страстей явныхъ или тайныхъ? Гдѣ подвиги сокрушенія? Гдѣ смиреніе, глубоко чувствующее свои и только свои грѣхи? Что̀ угоднаго узритъ Судія въ душѣ моей нерадивой, не внимательной ни къ чему, кромѣ толпы предметовъ жизни временной? Древо я не плодное, Господи! Посѣченія боюся и суда страшнаго, говоритъ подвижникъ покаянія, а говоритъ ли то душа моя, ожестѣвшая отъ навыковъ въ грѣхѣ? Господи, Господи, даждь ми сокрушеніе и слезы покаянія, расточенныя и изсохшія отъ обуявшихъ меня суетъ житейскихъ!

Простите меня грѣшника, въ чемъ согрѣшилъ словомъ или дѣломъ, или помыслами предъ вами.

31.

Апрѣля 13-го дня (1842).

Вотъ приближается и праздникъ свѣтлый; желаю вамъ, Надежда Николаевна, встрѣтить и проводить его въ радости души чистой.

Вы много утѣшили меня письмомъ вашимъ, въ которомъ описывали пребываніе въ лаврѣ. И я вмѣстѣ съ вами посѣщалъ мѣста незабвенныя. Да, теперь уже приходится и мнѣ говорить о себѣ—посѣщалъ. Мѣста святыя, мѣста мира и тихаго возрастанія: надолго разстаюся я съ вами, такъ надолго, что, быть можетъ, и никогда не удостоюсь видѣть васъ. Остается жить только воспоминаніемъ и только̀ мыслію бывать въ мѣстѣ покоя.

Какъ много испыталъ бѣдный Филаретъ въ годы жизни лаврской! Господи, укрѣпи меня грѣшнаго!

Недѣли двѣ тому назадъ, какъ былъ я у Михаила Николаевича и Пелагеи Васильевны. Поговорили кое о чемъ старомъ и новомъ. Я услышалъ, что добрая Настасья Матвѣевна [24]) очень больна была. Господь Іисусъ да спасетъ ее для вѣчности. Пелагея Васильевна сказала мнѣ нѣсколько словъ о Евгеніи. По обыкновенной моей нетерпѣливости я подалъ совѣтъ, но опасаюсь теперь, не стали бы жаловаться на меня, что вступаюсь въ дѣла чужія; поспѣшаю, съ какою могу помощью туда, гдѣ, быть можетъ, не имѣютъ нужды въ моей помощи. Дѣло въ томъ, что мною поданъ совѣтъ — не давать вдругъ всѣхъ денегъ, какія присланы Н. В. А причина та, что, къ сожалѣнію, надобно сказать о новыхъ жалобахъ на Евгенія. Жаль, очень жаль. Видно, плохо молимся мы. Хотѣлось было послать къ Евгенію Михайлу съ запискою; но, право, боюсь людей, они такъ нынѣ пугаютъ меня собою, что за лучшее считаю жить только для грѣшной души своей. Правда, совершенная правда: такъ много у меня грѣховъ своихъ, что недостанетъ и жизни моей на то, чтобы разсматривать и оплакивать ихъ. До чужихъ ли?

Раза четыре видѣлъ Вѣру Алексѣевну, которая стала очень больна: едва бродитъ отъ скорбей жизни. Благодареніе Господу, что чувствуетъ она себя и свое званіе.

О себѣ что̀ сказать вамъ? Бываю по временамъ нездоровъ, какъ и прежде, хотя, признаюсь, на удивленіе себѣ—не столько часто, какъ бы думалъ по хилому своему сосуду, который толкаютъ туда и сюда, не справляясь ни съ чѣмъ. О всемъ благодареніе Господу! Вотъ и весна застаетъ меня въ Петербургѣ,— тамъ, гдѣ никогда не желалъ и не думалъ я быть. Видно, жизнь скитальца самая приличная для грѣшника!

Постъ провелъ я въ кельѣ, да иначе здѣсь нельзя жить. Но о здѣшней жизни лучше не говорить. Да, здѣсь надобно молиться чаще. Господи! Даждь ми зрѣти моя согрѣшенія. Господи, жизнь не спокойна: приведи грѣшника въ покой Твой! Очисти и исцѣли язвы души моей. Подаждь мнѣ источники слезъ, да омываю нечистоты души моей Господи! Много надобно мнѣ плакать, о мно-

гомъ просить Твое милосердіе. Но Ты зришь бѣдность мою; Ты зришь, что нѣтъ у меня и молитвы, чтобы молить Тебя о милости. Безотвѣтенъ я, Господи, предъ Тобою, нищъ и бѣденъ отовсюду. Къ Твоимъ щедротамъ повергаю израненную душу мою. Твори еже хощеши.

Простите, Надежда Николаевна. Алексѣю Васильевичу и съ супругою, Настасьѣ Васильевнѣ желаю отъ души благословенія Христова. Поклонитесь Катеринѣ Васильевнѣ доброй, а если будетъ случай, прошу передать отъ меня утѣшеніе Христово Катеринѣ Ѳедоровнѣ съ ея птенцами.

Съ памятію о васъ предъ Господомъ. Ф.

32.

10-го мая (1842).

Надежда Николаевна! Теперь я свободенъ отъ дѣлъ, потому что довольно нездоровъ. И вотъ принялся писать къ вамъ, чтобы нѣсколько побесѣдовать съ знакомою душою. Вы спросите, что̀ за болѣзнь у меня? Петербургъ пожаловалъ меня лихорадкою. Не правда ли, что несовсѣмъ пріятное жалованье? Но другого пока не нашлось. Остается довольствоваться тѣмъ, что̀ даютъ. Другое жалованье обѣщаютъ назначить въ концѣ сего мѣсяца, то-есть, позволеніе отправиться въ Ригу. Буду ждать.

Да успокоитъ Господь душу доброй Настасьи Матвѣевны. Она была на землѣ доброю и любила Господа. Господь милосердый да не оставитъ упокоить ее тамъ послѣ болѣзненной жизни ея здѣсь.

Я радъ бы былъ, безъ сомнѣнія, очень радъ бы былъ, когда бы увидилъ васъ въ Ригѣ, но желать того не могу, при желаніяхъ моихъ покоя, необходимаго для лѣтъ вашихъ. Вамъ время дать отдыхъ костямъ вашимъ, перенесшимъ столько бурь и непогодъ. А мое дѣло—терпѣть, терпѣть, что̀ Богъ посылаетъ. Монаху надобно терпѣть, а если чего желать надобно, то покоя и спасенія другимъ. Скучно, но монаху такъ и слѣдуетъ; его дѣло плакать и плакать; онъ давалъ обѣтъ Господу быть тамъ, гдѣ велятъ. Онъ давалъ обѣтъ самоотреченія, надобно же по силѣ и исполнять обѣтъ. О! да пошлетъ Господь Іисусъ по благости своей

сколько-нибудь подкрѣпленія, дабы нести иго Его благое и бремя Его легкое.

На дняхъ слышалъ я одинъ замѣчательный случай. Одна старушка, воспитательница одной изъ придворныхъ дамъ, по исповѣданію лютеранка, умирая терпѣла большія страданія, такъ что больно было смотрѣть на нее. Питомица ея придумывала средства духовныя, извѣстныя въ нашей Церкви, для облегченія страданій доброй воспитательницы своей; но какъ предложить лютеранкѣ при смерти то, чего не принимала она во всю жизнь? Наконецъ она рѣшилась вотъ на что: тайно, когда та въ безпамятствѣ отъ мукъ металась, положила на нее образъ святителя Митрофана. Не прошло часа, какъ больная стала совершенно покойна и покойно скончалась. Это было не болѣе какъ недѣли три назадъ тому. Случай сей столько былъ поразителенъ, что другая лютеранка, бывшая свидѣтельницею и страданій, и причины успокоенія умиравшей, рѣшилась присоединиться къ православной церкви. Дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ!

Я угадалъ, что на меня будутъ сердиться за совѣтъ. Евгеній, котораго я столько любилъ, на Пасхѣ былъ въ Петербургѣ, не только не зашелъ ко мнѣ безъ случая, но и тогда, какъ надобно ему было доставить письмо ваше, отдалъ его дворнику, не зашедши ко мнѣ. Христосъ съ нимъ! Господь проститъ юность. Всѣ мы съ грѣхами, и всѣ бываемъ съ тѣмъ же грѣхомъ. Господь посылаетъ намъ непріятности какъ врачевство, а мы принимаемъ это съ оскорбленіемъ. Бѣдные слѣпцы!

Пожелайте отъ меня благословенія Христова доброму Алексѣю Васильевичу съ супругою и съ дѣтками его.

Простите. Грѣшный Филаретъ.

33.

Іюня 9-го дня (1842).

Давно я не писалъ къ вамъ, Надежда Николаевна. Время было довольно смутное; я бывалъ боленъ, иногда тяжко, а иногда легко,—и надлежало еще озабочиваться своимъ положеніемъ. Теперь я собираюсь въ Ригу и надѣюсь, что 15-го числа іюня меня

уже не будетъ въ Петербургѣ, которому все прощаю для Господа, разумѣется, относящееся до меня. Благодареніе Господу за судьбы Его, все, совершающееся по Его предначертаніямъ, относится къ нашему душевному спасенію, а душевное спасеніе дороже всего.

Вчера былъ у государя въ Петергофѣ. Онъ принялъ и говорилъ очень ласково, съ любовію, и говорилъ довольное время, 10 минутъ, это здѣсь считается значительнымъ временемъ для людей моего калибра. Будущее въ рукахъ Божіихъ. Оно смущаетъ, и по временамъ очень смущаетъ меня; но надобно обучаться упованію, которое вѣруетъ и въ предметы, превышающіе упованіе. Невозможное отъ человѣковъ возможно у Господа. Ужели Онъ оставитъ меня грѣшнаго, хотя грѣхи мои и заслуживаютъ того? Грѣховъ и прежде у меня было много, но Онъ не оставлялъ меня, не оставитъ и впередъ, накажетъ, но и опять помилуетъ; отдастъ скорбямъ, но за скорбями пошлетъ и радость грѣшной душѣ. Впередъ, впередъ! Къ чему малодушіе! На войнѣ оно вредная вещь.

Поклонитесь отъ меня всѣмъ любящимъ меня, скажите имъ и себѣ, что по милости Господа моего я все тотъ же, по прежнему чту и люблю любящихъ Господа, по прежнему немощенъ и душею, и тѣломъ. Школа жизни прибавила мнѣ нѣсколько новыхъ уроковъ, и я заучиваю ихъ теперь; дай Богъ, чтобы они послужили въ пользу грѣшной душѣ моей.

Не жалѣю, очень не жалѣю, оставляя Петербургъ. Христосъ съ нимъ. Не могу не сказать и того, что не желалъ бы, чтобы кто-нибудь изъ моихъ знакомыхъ пожелалъ жить въ немъ для его веселій. Нѣтъ, сохрани Богъ его отъ подобнаго желанія. Надобно имѣть слишкомъ крѣпкую душу, чтобы въ такомъ волненіи суетъ не сдвинуться душею съ мѣста, или же надобно слишкомъ много испытать скорбей и горечи, чтобы видѣть кипучую жизнь во всей ея пустотѣ. Сохрани меня Богъ осуждать кого-либо. Не сомнѣваюсь, ни мало не сомнѣваюсь, что есть и здѣсь ищущіе Господа, безъ нихъ можетъ ли стоять градъ? Но не сомнѣваюсь и въ томъ, что богоугодная жизнь ихъ — мученичество.

Простите, Надежда Николаевна. Благодарю васъ душевно, что вы продолжаете съ такою любовію поминать о грѣшномъ человѣкѣ.

Вашъ странникъ теперь готовится къ новому странствованію, не забудьте его въ молитвахъ. Е. Филаретъ.

34.

Іюля 2-го дня (1842).

Спасетъ васъ Богъ, добрая Надежда Николаевна, за ваше доброе желаніе утѣшить меня письмами вашими. Мнѣ точно утѣшительно читать строки ваши какъ голосъ о родной сторонѣ, отъ которой такъ далекъ я теперь.

Съ 20 іюня я въ Ригѣ. Продолжаю смотрѣть на здѣшнихъ людей, на здѣшнія дѣла, на здѣшніе обычаи.

Не знаю, что̀ Богъ дастъ далѣе. А вотъ первый мой знакомый, первый встрѣтившій меня въ Ригѣ, уже похороненъ. Странно! Я не пишу вамъ о обстоятельствахъ знакомства, прошу только васъ принять на себя доставить письмо матери скончавшагося. Это былъ подполковникъ корпуса жандармовъ Павелъ Аггеевичь Шѣвцовъ. Вѣроятно, письмо къ матери будете читать, когда доставите его къ ней. Она инспектрисса Екатерининскаго института благородныхъ дѣвицъ, лютеранка по исповѣданію, но какъ говорилъ мнѣ умиравшій сынъ, добрая и чтущая уставы церкви православной. Вы догадаетесь, что скончавшійся только потому и знакомъ былъ мнѣ, что напутствованъ мною въ дальній путь, иначе я его не зналъ до того времени. Благодарю Господа, что Онъ далъ случай сдѣлать по силамъ нужное для души его. Онъ скончался очень хорошо, въ полной памяти и съ чувствомъ христіанина, отходящаго въ вѣчность. Я писалъ довольно подробно матери о обстоятельствахъ кончины и о болѣзни, съ желаніемъ что-нибудь сказать въ утѣшеніе. Если что̀ нужно еще говорить въ утѣшеніе, примите вы на себя трудъ сдѣлать возможное изъ любви къ Господу. Скончавшійся не совсѣмъ счастливъ былъ въ жизни и безъ скорби оставлялъ ее, скорбя единственно о матери [25]).

О себѣ скажу, что пока, слава Богу, здоровъ; изъ Петербурга до Риги путь мой былъ безъ непріятностей. А что̀ здѣсь ожидаетъ—опредѣлить и даже гадать не могу. Нѣмцы народъ умный; съ ними жить въ такой простотѣ и съ такою легкостію, какъ это было

въ обители преподобнаго Сергія, нельзя. Впрочемъ, надобно ожидать всего отъ Господа. Если люди умные и умно обработываютъ дѣла свои, Господь однакожъ иногда даже посмѣевается мудрости мудрыхъ. На него упованіе! Положеніе мое здѣсь таково, что необходимость вынуждаетъ полагать надежду только на единаго Господа, а отъ людей ничего нельзя получить; и однакожъ душа моя такъ худа, что худо надѣется на Господа, слабо и мало уповаетъ на Единаго Спасителя всѣхъ.

Если смотрѣть на внѣшнее теченіе дѣлъ, нѣкоторыхъ оставляя намѣреніе, то Нѣмцы приняли меня даже съ необыкновеннымъ уваженіемъ, съ разными учтивостями; но сущность дѣлъ отъ того ни мало не измѣняется. Но опять надобно сказать: все во власти Божіей.

Вы скорбите, что Настасья Васильевна не видалась со мною; не скорбите: было ли что̀ смотрѣть? Вонючую грязь. Я былъ нездоровъ, и ко мнѣ не допускали людей; вѣроятно, о мнѣ послѣднемъ сказалъ ей Андрей Николаевичъ. Христосъ съ нею. У Господа много средствъ ко спасенію, а у такого грѣшника и бѣднаго, каковъ Филаретъ, чего искать?

Поклонитесь всѣмъ знающимъ меня, скажите имъ, что я помню ихъ по прежнему и по прежнему желаю имъ отъ Господа благодати и милости. Грѣшный Ф. е.

Людей здѣсь очень много, и однакожъ доселѣ не съ кѣмъ сказать искренняго слова; даже есть причины опасаться знакомствъ.

Если Пѣвцовой покажется, что я о многомъ нужномъ для нея не сказалъ, сообщите мнѣ, или пусть сама она напишетъ, я буду отвѣчать. Вы знаете, что я въ подобныхъ случаяхъ невеликій мудрецъ,—говорю и дѣлаю не то, что̀ должно и не говорю того, о чемъ бы слѣдовало говорить. Хорошо еще, что вы въ Москвѣ,—иначе мнѣ не легко было исполнять желаніе и просьбу умиравшаго писать къ матери о смерти сына.

35.

Августа 18-го (1842).

Надежда Николаевна! Простите меня Господа ради, что такъ сильно опечалилъ я васъ долгимъ моимъ молчаніемъ. Послѣднее

письмо ваше такъ скорбно написано, что мнѣ совѣстно стало за мою неосмотрительность, доведшую васъ до печали. Простите же. Не во извиненіе грѣхамъ моимъ, а чтобы сказать о своихъ обстоятельствахъ, скажу о прошедшемъ. Съ 4 августа и до 16 на мнѣ лежала такая бѣда, о которой, еслибы вы были свидѣтелями, безъ сомнѣнія, наплакались бы до сытости. Меня совсѣмъ объявили было начальникомъ бунта: за что и какъ? Очень просто и очень свободно. Я принялъ къ себѣ двухъ латышей и выслушалъ ихъ желаніе присоединиться къ православію, и на утро задали мнѣ такую предику, что не дай Богъ подобной слышать! У дома моего поставлены были солдаты; по городу поднялся шумъ между нѣмцами; ночью и днемъ тревога. Но отъ чего же? спросите опять. Что за связь между желаніемъ святымъ и бунтомъ? Того не знаю я, знаю только то, что связывали эти двѣ вещи и связывали меня между ними. Достались мнѣ двѣ недѣли. Чего не дѣлалъ я, чего не говорилъ для нѣмцевъ! Благодареніе Господу, что послано такое испытаніе. Меня надобно пробудить: я забылся, вознерадѣлъ о душѣ моей; надобно было вынудить меня вспомнить о грѣхахъ, которыхъ такъ много. Дѣло еще не совсѣмъ окончилось, съ моей стороны я сказалъ, что хотѣлъ бы отсѣчь конецъ дѣлу, лишь бы только былъ конецъ ему; не знаю, что будетъ. Да, любезная Надежда Николаевна, посадили меня въ покойное мѣстечко, гдѣ каждый день нужно смотрѣть, не зацѣпили бы крючкомъ за ребро и не потащили бы на воздухъ. Не даромъ такъ скорбѣли вы, провожая меня. Я былъ довольно покоенъ тогда; вѣрно, надобно было еще поберечь душу для будущихъ озлобленій и страданій. Но и опять повторить надобно благодареніе Господу, пекущемуся о спасеніи грѣшной души моей. Если вы слышали, что предшественникъ мой [26]) за то, что принималъ просьбы латышей, сочтенъ былъ виною движеній, происходившихъ между латышами за тѣсною жизнію ихъ отъ помѣщиковъ, то поймете, какъ могли надѣлать столько шума и о мнѣ, хотя нынѣ нѣтъ ни движеній, ни безпокойствъ между латышами. Вы поймете, что если тогда огласили и настаивали, что именно епископъ былъ виноватъ, то, конечно, нужно было, непремѣнно нужно утверждать то же и о новомъ епископѣ, дабы иначе не открылось положеніе и прежняго

дѣла. Но, Господи! прости меня грѣшнаго, что осуждаю дѣло человѣковъ. Тебѣ принадлежитъ судъ; Ты сердцевѣдецъ; прости меня грѣшнаго. Помолитесь о мнѣ грѣшномъ, чтобы, не взирая на грѣхи мои, устроилъ и мою душу для содѣланія спасенія, и дѣла мои устроилъ во славу имени Его святого и во исполненіе воли Его святой о дѣлахъ рукъ Его.

Теперь я безъ тревогъ, забылся какъ бы душею объ окружающемъ меня. Хотя дѣло оканчивается и дурно, очень дурно; но желаю того, чтобы былъ такой конецъ, лишь бы окончить дѣло. Слабъ я душою, немощенъ, малодушенъ, не въ состояніи бороться съ искушеніями. Укрѣпи меня, Господи.

Не говорите многимъ о томъ, что̀ пишу къ вамъ. Зачѣмъ занимать вниманіе людей собою? У каждаго много дѣлъ своихъ, каждому много надобно трудовъ для своей души.

Прошу васъ душею моею не оскорбляйтесь душею вашею, если когда-либо встрѣтится молчаніе съ моей стороны. Повѣрьте, я помню предъ Господомъ любовь вашу, и буду помнить. Но здѣсь я въ такомъ положеніи, что не могу иногда и писемъ писать, или душа такъ бываетъ отягчена, что трудно взяться за перо. Здѣсь смотрятъ за каждымъ моимъ шагомъ, хотятъ знать каждый поступокъ мой.

Простите. Благословенье Господа Іисуса да будетъ надъ вами, надъ добрыми дѣтьми вашими и надъ птенцами, внучками вашими.

Слава Богу, слава Богу, что Вячеславъ Ивановичъ выдержалъ экзаменъ благополучно. Дай Богъ, чтобы и при окончаніи курса университетскаго былъ экзаменъ благополучный. Помолимся о томъ Господу Богу, Отцу сирыхъ. Грѣшный Филаретъ епископъ.

36.

Сентября 9-го (1842).

Любезная и Богу любезная Надежда Николаевна! Письмо ваше очень утѣшило меня; вы такое искреннее и глубоко-душевное участіе принимаете въ моемъ положеніи. Да воздастъ вамъ Господь Богъ въ будущей жизни за любовь вашу любовію своей! Я теперь живу здѣсь одинъ. И потому какое бы то ни было участіе знаю-

щихъ меня доставляетъ мнѣ утѣшеніе: тѣмъ болѣе такое участіе, какое вы принимаете. Искренно благодарю васъ и душевно молю Господа за васъ.

Вы желаете скорѣе узнать о моемъ положеніи. Не умѣю съ точностію сказать вамъ о немъ. Впрочемъ пока, благодареніе Господу, теперь я спокоенъ, и около меня довольно покойно. Дѣло въ томъ, что дѣло еще не окончилось, и какъ окончится, не извѣстно. Какими-то путями о немъ узнали въ Петербургѣ и его требуютъ туда. Господь одинъ знаетъ, что̀ будетъ. Но надобно благодарить Господа за настоящее, а будущее предоставить Господу. Грѣховъ у меня слишкомъ много, а потому не удивительно, если дѣло окончится не совсѣмъ пріятнымъ образомъ. Да будетъ воля Господня! Надобно терпѣть здѣсь, чтобы не пришлось терпѣть тамъ. Горе мое въ томъ, что слишкомъ мало имѣю терпѣнія. Но, Господи! аще хощу, аще не хощу, спаси меня.

О Вячеславѣ я искренно радуюсь, дай, Господи, чтобы онъ съ ревностію шелъ по тому пути, на который вступилъ теперь. Мнѣ грѣшному случалось уже видѣть людей, которые стали несчастны отъ того, что неосторожно провели юность. И потому любя добрую душу Вячеслава, отъ души желаю, чтобы и сохранилъ онъ доброту души, и пріобрѣлъ залогъ счастія земного. И для земной жизни требуется не мало. Нельзя жить здѣсь покойно, не живя съ пользою для другихъ: это было и въ прежніе времена, тѣмъ болѣе въ нынѣшнее!

Когда совсѣмъ окончится дѣло, тогда напишу вамъ объ окончаніи. Теперь надобно молиться: того требуютъ самыя обстоятельства.

Пѣвцова дѣйствительно заслуживаетъ соболѣзнованія. У ней очень много скорбей, скорбей душевныхъ. Дай Богъ, чтобы онѣ обратились въ спасеніе души ея. Не знаю, говорила ли она вамъ объ особенныхъ обстоятельствахъ, недавно отягчавшихъ душу ея по связи ихъ съ покойнымъ сыномъ. Но, что̀ дѣлать? Грѣховъ у насъ у всѣхъ много.

Прошу васъ поклониться дѣтямъ вашимъ, которыхъ помню предъ Господомъ. Дѣлъ у меня довольно, впрочемъ не столько, чтобы мѣшали занятіямъ совѣсти. Сижу въ кельѣ. Иногда бываю

у русскихъ купцовъ, чтобы ознакомиться съ ними и сближать ихъ съ собою и себя съ ними.

Простите. Христосъ съ вами. Грѣшный Филаретъ.

37.

Надежда Николаевна! Вы давно ожидаете отъ меня строкъ моихъ, и я доселѣ оставлялъ васъ только съ ожиданіями. Прошу впрочемъ припомнить мое обѣщаніе. Я теперь пишу, не сдержавъ вполнѣ обѣщанія своего. Мнѣ не хочется, чтобы вы оставались съ непріятными чувствованіями, каково ожиданіе. Вы, конечно, желаете узнать, какъ жилъ и живу я? За худое по временамъ браню себя, за доброе благодарю Господа. Въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго, что на землѣ встрѣчаются подъ ногами пеньки, въ воздухѣ жгучіе комары, въ водѣ гады и въ землѣ черви. Это такъ въ порядкѣ, какой издавна завелся здѣсь. Придетъ и такое время, когда увидимъ небо новое и землю новую. Когда бы вмѣстѣ съ тѣмъ и души наши нашлись не старыми, а обновленными! Все, что вокругъ насъ пройдетъ, измѣнится, преобразуется и безъ насъ. Но душѣ моей худой нельзя перемѣниться безъ моего труда; если живу нерадиво, если душа со дня на день не очищается болѣе и болѣе отъ терній, а заростаетъ ими: это мое дѣло, въ томъ моя вина, и за вину мою ты, Господи, взыщешь съ меня, какъ съ раба нерадиваго, безпечнаго. Надобно, надобно пробуждать свою лѣность, надобно побуждать себя къ обработыванію поля своего — души грѣшной. Худо, опасно явиться на судъ Судіи всемірнаго, грядущаго обновить вселенную, явиться съ душею грязною, нечистою, не обновленною.

Обстоятельства мои остаются въ нерѣшенномъ положеніи. Недавно послано дѣло въ Петербургъ. Что будетъ, не извѣстно. Хорошаго ожидать нельзя: такъ надобно полагать по грѣхамъ моимъ. Знаете ли, что въ тотъ самый вечеръ, какъ получилъ я письмо ваше отъ 10 октября, гдѣ писали вы объ императорѣ, начались опять непріятности и продолжались довольно, довольно. Вотъ почему не писалъ я вамъ. Совѣстно говорить о непріятномъ другому, когда у

каждаго изъ насъ есть свои непріятности, а у иныхъ и очень очень тяжкія. Лучшее дѣло — молчаливое терпѣніе. Бѣда только въ томъ, что не худо говорю иногда о терпѣніи, но весьма дурно терплю.

Спасайтеся вы о Господѣ! Васъ хорошо, очень хорошо поучаютъ о пустынѣ. Превосходно напоминаютъ о бѣдности пустынной, обогатившей и обогащающей сокровищами духовными притекающихъ на мѣсто пустыни,—о молитвѣ, изъ-подъ хижины возносившейся и возносящей доселѣ на небо. Чудная сила бѣдности Христовой! Чудная крѣпость немощи, отрекшейся отъ твердынь для Христа! Благодарю васъ, что и мнѣ дали внимать славу о пустынѣ, тогда какъ скитаюсь въ такой дали отъ пустыни, окруженъ шумомъ продающихъ и купующихъ, заваленъ громадами камней въ ущеліи едва примѣтномъ для глазъ [27]) *Благослови, душе моя, Господа,* благослови и все прошедшее, котораго уже не имѣешь, и за настоящее, которое дано Тѣмъ же Владыкою и Отцемъ Небеснымъ.

Благословеніе Господа Іисуса да будетъ надъ чадами и внучками вашими. Поцѣлуйте за меня Вячеслава, когда увидите его.

Съ любовію къ вамъ о Господѣ. Съ грѣшною молитвою предъ Господомъ. Грѣшный Филаретъ.

Ноября 15-го дня 1842.

P. S. Я былъ нездоровъ недѣлю, теперь, слава Богу, поправился. Погода здѣсь слишкомъ не похожа на московскую и для здоровья моего не совсѣмъ благопріятна, я не много поубавился здоровьемъ съ самаго прибытія въ Ригу.

38.

Декабря 5-го (1842).

Возлюбленная Надежда Николаевна! Господь да спасетъ насъ всѣхъ своею благодатію, въ ней одной спасеніе наше. Будемъ къ ней обращаться нашими сердцами и за подкрѣпленіемъ, и за утѣшеніемъ, и за наставленіемъ. Если посмотришь на свою жизнь, на рядъ обстоятельствъ, не зависящихъ ни отъ предусмотрительности, ни отъ воли моей, и тогда чувствовать долженъ, что безъ Его по-

мощи—слѣпецъ я, нищій, готовый спотыкаться на каждомъ шагу. А если посмотрю еще на душу свою (но, еслибы смотрѣлъ я на нее чаще!), если посмотрю, какъ душа моя только умна для грѣховъ, сильна для дѣлъ пустыхъ и ничего не дѣлаетъ по любви къ Господу Богу: несчастное положеніе мое! Кто избавитъ отъ страшной участи, которую готовлю себѣ, беззаботно живя день за днемъ и день за днемъ ожестѣвая только въ навыкахъ ко грѣху? Удивительное нерадѣніе мое о себѣ самомъ. Безумное невниманіе къ своему бѣдственному положенію!

Благодареніе Господу, что вы сподобились принести исповѣданіе въ грѣхахъ своихъ и пріобщиться св. таинъ.

Вы очень сокрушаетесь о мнѣ грѣшномъ, скорбите, что не получаете извѣстій о мнѣ. Не знаю, получили ли вы теперь письмо мое. 22-е ноября, когда вы писали свое письмо, могло быть, что вы не получили, но теперь уже надобно получить. Почта отсюда къ вамъ и отъ васъ сюда идетъ долго. Вѣрно, не всегда намъ надобно быть близкимъ другъ къ другу по мѣсту. Будемъ сближаться сердцами предъ Господомъ.

Въ прошломъ письмѣ упомянулъ я вамъ, почему не спѣшилъ писать къ вамъ: я былъ нѣсколько времени боленъ, теперь, благодареніе Господу, здоровъ. О обстоятельствахъ не умѣю сказать вамъ что-нибудь. Они все еще въ одинаковомъ положеніи; дѣло не оканчивается, а идетъ далѣе. Единъ Онъ знаетъ, чѣмъ это окончится. Кажется, завязывать ссоры и продолжать ихъ не учился я, и это не по моему характеру, но миръ не утверждается, не смотря на желаніе мира. Да будетъ воля Господа! Было время въ тишинѣ совершать спасеніе, теперь остается уловлять его среди бурь и непогодъ. Да не оставитъ меня грѣшнаго милость Его всещедрая!

Вашимъ дѣтямъ добрымъ засвидѣтельствуйте отъ меня грѣшнаго грѣшную память мою о нихъ предъ Господомъ.

Простите. Съ любовію благословляю васъ благословеніемъ Господа. Грѣшный Филаретъ епископъ.

39.

Генваря 6-го (1843)

Если вы, любезная Надежда Николаевна, непонятливы къ моимъ урокамъ, то мнѣ хочется быть на сей разъ понятливымъ, и вотъ сейчасъ же, какъ читаю письмо ваше, пишу и къ вамъ. Будьте о Господѣ веселы. Благоволивый освятить воды крещеніемъ Своимъ да освятитъ душу и тѣло ваше наитіемъ Св. Духа. Нѣтъ, чтобы вы не думали, будто не ожидаю я отъ васъ строкъ вашихъ, скажу вамъ, нынѣшній разъ я съ нетерпѣніемъ ждалъ отъ васъ письма. И вотъ послѣднія строки ваши писаны отъ 28 декабря. Слава Богу, вы всѣ благополучны, иначе я немного былъ обезпокоенъ, а чѣмъ—не скажу. Христосъ да будетъ со всѣми вами, со всѣми дѣтьми вашими, въ томъ числѣ и Муравьевыми. Уважая Михаила Николаевича, отъ души желаю ему благословенія Господня.

Теперь пока отдыхаю. Жду тревогъ, которыя, какъ кажется, непремѣнно будутъ (такъ какъ *обѣщано новое слѣдствіе*, это уже третіе), но пока остается ожидать воли Господней и молиться о грѣхахъ. По грѣхамъ моимъ святители московскіе не соблаговолили принять меня грѣшнаго въ службу къ нимъ. Такъ надобно! По человѣческимъ соображеніямъ трудно было и случиться тому (при настоящей запутанности здѣшней), чтобы выпустили меня изъ темницы, называемой Ригою. Но главная причина тому—грѣхи мои. Это несомнѣнно.

Да, въ первый день скучно мнѣ было въ храмѣ Божіемъ: до половины литургіи въ немъ было не болѣе 20 человѣкъ, но съ половины литургіи грѣшная душа утѣшилась, храмъ наполнился, какъ только желать было можно. Здѣсь и русскіе привыкли къ нѣмецкой лѣности для молитвы; поздо встаютъ и поздо приходятъ къ службѣ. Вы удивились бы, еслибы увидѣли нѣмецкое равнодушіе къ богослуженію. Храмы ихъ пусты и въ большіе праздники, а о воскресныхъ дняхъ нечего и говорить. Но судъ у Господа! Надобно опасаться, не взять бы на себя неприступнаго для меня дѣла.

Простите. Еще желаю вамъ благословенія и всѣмъ вашимъ дѣтямъ. Грѣшный Филаретъ.

40.

17-го февраля (1843).

Надежда Николаевна! Отъ души желаю провести святый великій постъ во святынѣ духа.

Мнѣ захотѣлось сказать вамъ о себѣ, такъ какъ увѣренъ, что очень желаете знать. Двѣ недѣли какъ я боленъ, лежалъ въ постелѣ и не могъ оставить; хотя утромъ мнѣ бывало легче, но и тогда, лишь принимался я за перо, мнѣ становилось дурно и темнѣло въ глазахъ. Сперва была одна болѣзнь, потомъ другая— лихорадка, посѣтившая меня здѣсь, какъ и въ Петербургѣ, особенно сильно болѣла голова. Теперь, слава Богу, началъ поправляться; нынѣ первое утро, когда могу писать. Увѣренъ, что вы не забываете меня въ молитвахъ.

Я получилъ и послѣднее письмо ваше. Жалѣю, что неосторожно смутилъ я васъ словами о М. Н. Дѣло было въ томъ, что по нѣкоторымъ извѣстіямъ я сталъ было сомнѣваться въ здоровьѣ и даже жизни М. Н. Вы видите, что это былъ пустой страхъ. Обрадовавшись, что это — напрасное опасеніе, я не одумавшись написалъ вамъ о своихъ чувствахъ и не сказалъ ясно, въ чемъ дѣло. Впередъ буду осторожнѣе. Пока довольно, надобно отдохнуть. Простите и молитесь. Грѣшный Филаретъ епископъ.

41.

Надежда Николаевна! Мнѣ хочется, чтобы и отъ меня вы въ радостные дни Пасхи услышали сладкое, радостное слово: Христосъ воскресе! Для меня теперь, когда пишу сіи строки, еще не время тому, но для васъ, когда будете читать строки мои, будетъ уже во время. Итакъ да утѣшитъ Онъ, Утѣшитель грѣшныхъ душъ нашихъ, Своею высокою радостію душу вашу. Да исполнитъ Онъ богатый въ милости ваше сердце своею сладостію! Мое странствованіе здѣсь остается въ прежнемъ видѣ. Впрочемъ теперь я здоровъ.

Слышно, что Настасья Васильевна очень больна была, отъ души желаю ей укрѣпляться въ здравіи. Да будетъ Господь Іисусъ

со всѣми нами. Да приведетъ Онъ насъ всѣхъ въ мирныя обители Свои, гдѣ нѣтъ ни болѣзней, ни бѣдности, ни оскорбленій, ни страданій. Здѣсь пока для всѣхъ необходимы скорби.

Благословенія отъ Господа желаю любезному Алексѣю Васильевичу и съ его искренними сердца.

Катеринѣ Сергѣевнѣ и прочимъ знающимъ меня, между прочимъ доброй Авдотьѣ Ѳедоровнѣ поклонитесь отъ меня и скажите о моей памяти предъ Господомъ.

Простите, добрая Надежда Николаевна. Зрѣйте, зрѣйте предъ Господомъ подъ теплотою скорбей. Грѣшный Ф. е.

Апрѣля 4-го дня 1843 года.

42.

Любезная Надежда Николаевна! Садясь въ карету, чтобы отправляться въ дорогу, получилъ я письмо ваше отъ 16-го апрѣля и дорогою прочелъ его, оно очень утѣшило меня; за любовь вашу ко мнѣ грѣшному благодарилъ я Господа и просилъ, чтобы Онъ воздалъ вамъ за ваши молитвы о мнѣ грѣшномъ.

Сейчасъ возвратился изъ недолгаго путешествія. Былъ въ одномъ изъ городовъ лифляндскихъ, чтобы въ первый разъ посмотрѣть на церковь вещественную и духовную. Увидѣлъ, что первая не велика и худа, такъ что требуетъ починокъ,—мала и послѣдняя, но помогать ей нѣтъ силъ и способовъ у меня. Остается только одно — молить Господа, да будетъ жатва. Не весело смотрѣть на такое положеніе дѣлъ. Но что же, когда лучшаго не стою? Лютеранство многочисленно и къ тому же владѣетъ всѣмъ, такъ что и касаться ни къ чему не велитъ. Поневолѣ молчишь.

Вы скорбите о томъ, что давно не писалъ къ вамъ. Въ извиненіе, если не въ оправданіе могу сказать, что по отправленіи послѣдняго письма я опять былъ боленъ. Къ Постниковой писалъ потому, что едва ли не болѣе трехъ мѣсяцевъ прошло послѣ того, какъ писалъ къ ней одно изъ двухъ послѣднихъ писемъ. Господь да утѣшитъ васъ за скорбь вашу.

Теперь я изобрѣлъ себѣ занятіе,—къ добру ли послужитъ оно, или нѣтъ, не знаю: передѣлываю домовую церковь, которая была

и низка, и тѣсна, прежде она занимала одинъ этажъ, теперь будетъ занимать два, нѣсколько прибавлено и длины. Строятся и три кельи для монаховъ, будутъ ли монахи, это другой вопросъ.

Военный губернаторъ еще въ Петербургѣ *). Что̀ тамъ дѣлаетъ, не знаю; еще менѣе знаю, что̀ впослѣдствіи будетъ. Дѣла, дѣла! Изъ Петербурга не имѣю никакихъ свѣдѣній, да и не отъ кого получать.

Простите. Благословеніе Господа Іисуса да будетъ надъ вами и надъ чадами вашими. Какъ поживаетъ Евгеній въ Лицеѣ?

Желаю отъ души добра вамъ и всѣмъ вашимъ, остаюсь тѣмъ не менѣе грѣшникомъ. Ф.

1843 года, апрѣля 25-го дня.

43.

Августа 5-го (1843).

Боголюбезная Надежда Николаевна! Давно не писалъ я къ вамъ. Былъ въ путешествіяхъ; очень много и долго ѣздилъ, болѣе 2000 верстъ проѣздилъ; былъ не только въ Лифляндіи и Курляндіи, но въ Виленской и Гродненской губерніяхъ. Теперь сижу въ кельѣ, но въ концѣ сего мѣсяца опять надобно ѣхать въ Вильну смотрѣть жидовъ [28]).

Какъ вы поживаете? Давно не слышу объ васъ отъ васъ. Александръ Васильевичъ писалъ, что вы были въ Лаврѣ, писалъ и о томъ, что въ васъ замѣтно было неудовольствіе душевное на мое молчаніе. Господа ради, не браните меня, а помолитесь о мнѣ. Здѣсь живу я воспоминаніями о лаврѣ и Москвѣ; это самые пріятные для меня предметы; на нихъ долѣе, чѣмъ на Ригѣ, останавливаюсь душею, хотя самъ болѣе года живу въ Ригѣ; Рига— чужое для меня. Потому можете судить, что если не пишу къ вамъ часто, это не означаетъ того, что забываю васъ, нѣтъ, тому много есть причинъ другихъ. Господь да спасетъ добрую душу вашу. Помолитесь о мнѣ грѣшномъ: ваша молитва не будетъ напрасною ни для меня, ни для васъ. Таково апостольское ученіе о семъ.

*) Эстляндскимъ губернаторомъ былъ въ то время баронъ Матвѣй Ивановичъ Паленъ.

Будемъ слѣдовать Апостолу. И пріятно, и полезно, когда сколько-нибудь живемъ по наставленію духоносныхъ мужей, а не по желаніямъ своей бѣдной, грѣшной души.

Нынѣ въ первый разъ служилъ въ обновленномъ домовомъ храмѣ. Благодареніе Господу. Теперь храмъ очень приличный. Вы спрашивали меня: гдѣ возьму денегъ на исправленіе? Кое-какъ исправился въ семъ случаѣ столько, что не занималъ денегъ. Правда, довольно не легко обошлось дѣло; не такъ дешево оказалось, какъ предполагалъ. Но, слава Богу, окончилъ, или почти окончилъ. Остается второй ярусъ иконостаса, который устроевается весь новый. Надобно будетъ расплачиваться за позолоту, живопись и столярную работу, нѣсколько уплатилъ и за то; но остается недоимокъ значительный. Помолимся, и авось Господь не оставитъ; доселѣ же жилъ на свѣтѣ, и сытъ, и обогрѣтъ, и вымытъ былъ: вѣроятно, очень вѣроятно, что столько, сколько прожилъ, мнѣ уже не жить на свѣтѣ, остается, если только остается, какой-нибудь десятокъ лѣтъ, или мѣсяцевъ,—съ голода не умру, а если и умру, воля Божія да будетъ. Правда, здоровье не поправляется, а дрях-лѣетъ, какъ будто прожилъ 60 лѣтъ; иногда день и два лежу безъ дѣла, кости просятъ, чтобы полежать. Но что жъ? Въ могилѣ костямъ покойно. А покоющимся въ могилѣ не много дѣла до того, что̀ останется по сю сторону могилы. Все пройдетъ, не пройдутъ желанія добра, или грѣха; они не пройдутъ, но пойдутъ вмѣстѣ съ нами и на судъ, и въ вѣчность.

Дѣтямъ вашимъ добрымъ благословеніе отъ Господа желаю. Нѣтъ, всѣхъ васъ помню предъ Господомъ, хотя не часто на бумагѣ...

Простите. Христосъ да будетъ съ вами. Грѣшный Филаретъ епископъ.

44.

Достолюбезная Надежда Николаевна! Вотъ получилъ я и письмо ваше, котораго давно ожидалъ. Господь да спасетъ васъ за любовь вашу ко мнѣ грѣшному. Я недавно послалъ къ вамъ письмо, котораго, какъ пишете, очень давно вы ждете отъ меня. Содержаніе

письма могло сказать вамъ, что молчаніе мое могли вы и извинить. Но хочется и еще попросить васъ, извините мое грѣшное молчаніе. Кромѣ того, что я точно очень много времени провелъ въ путешествіяхъ, мнѣ кажется, что отъ грѣшнаго Филарета къ чему годны вамъ письма? Онъ — дрянной, ни къ чему негодный человѣкъ; живетъ и гніетъ во грѣхахъ; грѣхами пахнетъ отъ него; грѣхами проникнутъ весь. Ни для кого и ни къ чему не полезенъ. Правда, онъ самъ, по тому самому, что слишкомъ негоденъ, долженъ писать, чтобы просить о молитвѣ за него. Но что̀ дѣлать съ лѣностію его о своемъ спасеніи? Нерадивъ ко всему доброму. Полезно для души имѣть общеніе съ человѣкомъ, посвящающимъ всего себя Господу; отъ его избытковъ можетъ перейти что-нибудь и на мою бѣдность. А у бѣдняка, каковъ Филаретъ, что̀ взять? Онъ самъ голъ, нищъ, слѣпъ, израненъ и избитъ. Боже мой! Боже мой! Помози моему убожеству. Богатый въ милостяхъ, удѣли нѣкую долю, малѣйшую долю щедротъ Твоихъ для меня грѣшнаго. Покрой нагого одеждою милосердія Твоего. Просвѣти слѣпого свѣтомъ познанія Твоего. Уврачуй израненнаго елеемъ благодати Твоея. Аще беззаконія назриши, Господи, Господи, кто постоитъ? Если по правдѣ Твоей будешь судить меня, погибъ я несчастный.

Вы напомнили о 4 числѣ августа прошлаго года. Спасетъ Господь за память любви вашей. По той же любви желали бы знать, кончилось ли дѣло; но къ сожалѣнію, не могу сказать ни того, что кончилось, ни того, что не кончилось. Дѣло остается въ какомъ-то нерѣшительномъ положеніи. Все зависитъ отъ воли Господа. Вы справедливо писали въ прошломъ году, что тотъ Успенскій постъ провелъ я навѣрно близко къ должному. Да когда колотятъ насъ и въ спину, и въ голову, тогда мы приходимъ въ себя, а когда перестаютъ бить, то опять забываемся и живемъ какъ попало. Точно такъ и я живу.

Очень радъ былъ бы я, еслибы по слову вашему Александръ Васильевичъ побывалъ у меня въ вакацію, радости своей и описать бы вамъ не могъ; но навѣрно, грѣхи мои удержали его отъ благого намѣренія. Онъ не былъ въ Ригѣ, а былъ, какъ пишетъ, у родныхъ въ Костромѣ, гдѣ давно не бывалъ. Да будетъ воля Господня во всемъ.

Благословеніе Господа Іисуса Христа да будетъ надъ вами и дѣтьми вашими. Грѣшный Филаретъ епископъ.

Августа 23-го дня (1843).

45.

Надежда Николаевна! Виноватъ, долго, очень долго не писалъ, за то такъ много было со мною разныхъ разностей. Да, Рига не Лавра. Въ Лаврѣ былъ я всегда покоенъ, всегда жилъ такъ, какъ хотѣлъ. Въ Ригѣ совсѣмъ другое. Рига, Рига! тяжела ты. Но такъ надобно по грѣхамъ моимъ.

Вы помните, что когда-то давно писалъ я къ вамъ, что еще наряжено слѣдствіе. Оно только въ прошедшемъ и нынѣшнемъ мѣсяцѣ происходило. Что̀ будетъ за симъ, — будетъ ли легче или тяжелѣе,—Господу извѣстно. Да будетъ святая воля Его!

Вы писали о доброй графинѣ Шереметевой. Жаль, очень жаль потери. Понимаю и чувствую, что это великая, очень великая потеря для нея. Дитя — умное и доброе. Мнѣ случилось видѣть его и въ Петербургѣ послѣ того, какъ видѣлъ въ Лаврѣ [29]). Но распоряжаетъ всѣмъ одинъ Отецъ небесный, который болѣе насъ знаетъ нужное для насъ и болѣе насъ печется о нашихъ нуждахъ. Да будетъ благословенно святое имя Его и въ радостяхъ, и въ скорбяхъ и въ счастіи, и несчастіи! О всемъ благодарите: сія бо есть воля Божія въ васъ о Христѣ Іисусѣ. Такова воля Божія относительно души христіанской, что она за все должна благодарить Господа; если язычникъ не благодаритъ Господа въ скорби: ему извинительно. А христіанинъ болѣе знаетъ Господа своего, ему открыто, ему сказано, что для него одно зло на свѣтѣ—грѣхъ, а прочее все содѣйствуетъ къ его пользѣ, къ его вѣчному спасенію, къ его вѣчнымъ радостямъ. Ему сказано, что если Сына Своего не пощадилъ для насъ Отецъ небесный, можетъ ли Онъ пожалѣть для насъ что-нибудь изъ земного, если это земное нужно для нашего спасенія? Нѣтъ, тому быть нельзя. Все, что̀ посылаетъ Онъ намъ, посылаетъ только необходимое для спасенія. Но вы имѣете право сказать мнѣ: хорошо разсуждать, но зачѣмъ же поступаешь не такъ, какъ разсуждаешь? Грѣшенъ; тяжело терпѣть скорби.

Когда ихъ нѣтъ, онѣ кажутся легкими... Но случилось обрѣзать палецъ, и вотъ морщина на лбу. О! Господи, подкрѣпи малодушіе. Вразуми скорбящаго.

Вамъ и любезнымъ дѣтямъ вашимъ испрашивалъ и испрашиваю милости у Господа. Простите. Съ любовію къ вамъ грѣшный Ф.

1843 года, ноября 24-го дня.

46.

Декабря 1-го (1843).

Надежда Николаевна! Вы точно прежде всѣхъ поздравили меня съ нынѣшнимъ. И я съ своей стороны по силѣ моей хочу отвѣчать вамъ сообразно любви вашей, отвѣчать къ вамъ прежде, чѣмъ къ кому-либо другому. Дай Богъ, чтобы добрыя желанія ваши о мнѣ исполнились. Я давно послалъ къ вамъ письмо съ однимъ рижскимъ обывателемъ. Не знаю, дошло ли оно до васъ.

Вотъ сижу я одинъ въ своей комнатѣ. Послѣ обѣдни были у меня здѣшніе русскіе. Побесѣдовалъ съ ними. И здѣсь не безъ добрыхъ людей. Христосъ да спасетъ насъ всѣхъ.

Лавра, лавра, увижу ли тебя когда-нибудь? Если и увижу, то, конечно, уже не увижу спокойныхъ дней, какими наслаждался, живя въ мирныхъ стѣнахъ твоихъ. Здѣсь живу такъ, что каждый день начинаю и оканчиваю или опасеніями, или скорбями. Преспѣянія въ добрѣ нѣтъ, а тревоги слишкомъ, слишкомъ часты. Можетъ быть, другой на моемъ мѣстѣ былъ бы и спокойнѣе меня. Но нельзя сказать, чтобы можно было не жаться, когда жмутъ, не вздрагивать, когда колятъ и язвятъ. Да будетъ воля Божія во всемъ! И то правда: все пройдетъ! Ляжемъ въ гробъ и тогда будемъ покойны тѣломъ, покойны до всеобщаго возстанія изъ гробовъ.

Господи, Господи, даждь ми память смертную! Всели въ мя корень благихъ, страхъ Твой въ сердце мое! Помилуй мя, Господи, яко немощь есмь! Исцѣли мя, Господи, яко смятошася кости моя! Беззаконія моя умножишася паче власъ главы моея!

Если вы спросите о здоровьѣ, то оно еще, по милости Божіей, въ порядкѣ. Погода здѣсь такая же, какъ и въ прошломъ году,

то-есть, ни осенняя, ни зимняя. Это не безъ вліянія на дряхлый составъ мой.

Простите. Господь спасетъ васъ и дѣтей вашихъ. Съ любовію признательною къ любви вашей грѣшный Филаретъ.

Рига.

47.

Господь да воздастъ вамъ за любовь вашу, принимающую такое участіе во мнѣ грѣшномъ. Не стою я ничего. Такъ худъ сталъ въ душѣ, такъ худъ, что близка сѣкира къ негодному дереву. Душа истаскалась, замаралась, запачкалась вся; худо дѣло. Молитвъ нѣтъ, сокрушенія нѣтъ, воздержанія нѣтъ и смиренія нѣтъ, а грѣховъ? Кто ихъ исчислитъ? Кто ихъ обниметъ словомъ? Исчислишь ли песчинки степи песчаной? Перечтешь ли капли моря? Еслибы и это было возможно, нельзя, нельзя перечесть грѣховъ моихъ. О! Господи милостивый! Господи, пострадавшій за грѣшниковъ! Не смѣю воззрѣть на Тебя обремененный грѣхами моими, осквернённый нечистотами моими, безчувственный грѣшникъ. Не знаю, недоумѣваю, о чемъ молить Тебя. Повергаюсь къ стопамъ Твоимъ безъ всякой надежды на себя; повергаюсь нагой и гладный, нечистый и неблагодарный. Буди, что̀ хощеши!

Боголюбивая Надежда Николаевна! У меня до васъ просьба. Примите трудъ—сдѣлать, что̀ можно съ надеждою на Господа. Крѣпостный добраго графа Шереметева Яковъ Михайловъ двадцать шесть лѣтъ служилъ графу при управленіи лифляндскими имѣніями его. Теперь онъ подалъ просьбу графу объ увольненіи его отъ должности. По увольненіи надобно будетъ имѣть средства къ жизни, а онъ уже становится не совсѣмъ здоровымъ, и особенно глазами, которыя столько лѣтъ считали цыфры и буквы. Другимъ графъ въ подобныхъ случаяхъ давалъ пенсію треть или и болѣе того жалованья, которое до увольненія получалось за должность. Нельзя ли вамъ постараться въ пользу сего человѣка? Я объ немъ хлопочу по особеннымъ причинамъ, важнымъ не для меня, а для церкви. Дѣло вотъ въ чемъ. Онъ весьма хорошо знаетъ латышскій и нѣмецкій языки. Отъ меня же требуютъ, чтобы найдены

были способные къ должности священниковъ между латышами для отправленія служенія на латышскомъ языкѣ. Яковъ Михайловъ изъявилъ усердіе служить церкви Божіей. О томъ, чтобы онъ освобожденъ былъ отъ званія крѣпостнаго человѣка, просилъ я Петербургскихъ хлопотать предъ графомъ и, какъ думаю, дѣло это сдѣлается и безъ меня. И хотя вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ я назначить подобнымъ труженикамъ святой вѣры жалованье не бѣдное, но, съ другой стороны, по дороговизнѣ здѣшней жизни много останется нуждъ и съ жалованьемъ, съ другой же, доброта графа къ другимъ позволяетъ ожидать милости и для сего вѣрно служившаго ему цѣлыя двадцать шесть лѣтъ. Вотъ вашей любви трудъ! [30])

Вы изъявляете желаніе принять на себя дознать, что̀ дѣлается съ моимъ дѣломъ или съ дѣломъ о двухъ латышахъ? Спасетъ васъ Господь! Впрочемъ не легко сказать съ увѣренностію о томъ, гдѣ теперь это дѣло. По порядку прежде всего оно въ послѣднее время поступило, конечно, къ министру внутреннихъ дѣлъ Перовскому, такъ какъ государь ему поручилъ послать надежнаго изслѣдователя. Но у министра едва ли оно залежалось? Куда же отъ него поступило? Гдѣ теперь странствуетъ? Трудно угадать. Надобно еще вамъ сказать, если я прежде не упоминалъ, что послѣднее изслѣдованіе собственно относилось къ одному изъ здѣшнихъ священниковъ, котораго нѣмцы обвиняли было въ возмущеніи крестьянъ, или въ наущеніяхъ вредныхъ для общества; послѣднее сдѣлано было собственно для того, чтобы втоптать въ грязь въ послѣдній уже разъ дѣло не только о приходившихъ ко мнѣ двухъ латышахъ, но и о всѣхъ, желающихъ православія. Вотъ все, что̀ могу я сказать вамъ о семъ дѣлѣ. Творите, что̀ можете сдѣлать по любви.

Благословеніе Господа Іисуса да будетъ съ вами и съ дѣтьми вашими, и со внучками вашими. Грѣшный Филаретъ епископъ.

1844 года, генваря 28-го дня.

48.

1844, мая 6-го.

Господь Іисусъ Христосъ, въ которомъ одномъ спасеніе наше, да спасетъ насъ грѣшныхъ! Сей часъ получилъ я письмо ваше,

боголюбезная Надежда Николаевна, и сей часъ пишу по вашему желанію. Точно, давно не писалъ я къ вамъ, частію это и потому, что ожидалъ отъ васъ рѣшительной вѣсти о Яковѣ Михайловичѣ, котораго дѣло нужно для меня не по любопытству. Благодареніе Господу, вы успокоили меня, Господь тамъ да воздастъ добрымъ графу и графинѣ. Дѣло идетъ не о лицѣ, а о церкви. Отъ Господа зависитъ все, но человѣкамъ велѣно молиться и трудиться.

Живу здѣсь такъ, что не знаю ничего сказать о жизни; пустота гонитъ пустоту; грѣхи идутъ вереницей по пути жизни моей. Господи! когда это перемѣнится? Не уклони сердце мое въ словеса лукавыя, чтобы придумывать вины грѣхамъ моимъ. Отъ привычки къ грѣхамъ считаетъ душа грѣхи за ничто; только и занятій, что грѣхи, а гдѣ раскаяніе, гдѣ скорбь о нихъ? Нѣтъ, лучшее благо для грѣхолюбивой души моей — смерть, но она посѣщаетъ тѣхъ, которые стоютъ того, чтобы избавлять ихъ отъ прелестей злобы.

Недавно и здѣсь слышалъ я объ утѣшеніи вашей Пелагеи Васильевны и Михаила Николаевича и сердечно порадовался. Мнѣ сказывалъ о томъ генералъ Купріяновъ [31]). Поздравьте отъ меня дѣтей вашихъ, которымъ желалъ и желаю всего по доброму сердцу ихъ.

Не совсѣмъ хорошо, что вы опять больны. Поправляйтесь, чтобы трудиться для утѣшенія другихъ. Пусть воздѣлываетъ каждый то, что̀ дано Господомъ. Бѣда въ одномъ. О! когда бы душа наша не лѣнилась избавляться отъ этой ужасной бѣды.

Поклонитесь отъ меня Валерію Валеричу [32]). Я просилъ его объ одномъ добромъ старикѣ. Во всемъ да будетъ воля Господня.

Когда увидите добраго сына вашего, скажите ему, что желалъ бы ему лучшаго здоровья, чѣмъ какимъ онъ пользуется. Но или желанія наши плохи, или то, что̀ просимъ, не совсѣмъ хорошо для насъ.

Съ любовію о Господѣ грѣшный Филаретъ епископъ.

49.

Благодарю душевно за память о мнѣ грѣшномъ, добрая Надежда Николаевна! Второе письмо ваше получилъ (отъ 6 августа), не давъ отвѣта на прежнее. Вы желаете знать о моемъ положеніи? Благодарю за любовь. Если о здоровьѣ тѣлесномъ говорить, то оно, благодареніе Господу, въ порядкѣ. Обстоятельства службы въ прежнемъ видѣ. Попрежнему остается только молить Господа, да будетъ воля Его Святая! Не хорошо, что худо молюсь, отъ того плохо поправляются и обстоятельства. Ну, терпѣнія потреба! Не далѣе, какъ на прошлой недѣлѣ получилъ я отъ графа увольненіе для Якова Михайлова. Слава Богу! По нетерпѣнію я уже и самъ писалъ графу прошеніе усердное. Теперь пока начало дѣла кончено. Да, только начало. Впереди—трудъ и болѣзнь.

Жалѣю душевно, что ваше здоровье не въ томъ уже видѣ, въ какомъ видалъ я его. Господь да подкрѣпляетъ слабѣющія силы ваши. Радуюсь за Вячеслава и Евгенія, искренно радуюсь. Господь да благословитъ счастіемъ жизнь ихъ.

Простите. Тоже, какъ и у людей, дѣла тревожатъ. Съ любовію о Господѣ Ф. е.

1844 года, августа 16-го дня.

50.

Радуюсь желанію вашему побывать въ св. лаврѣ. Въ дому духовнаго богатства пріятно побывать, хотя бы и не дали намъ въ немъ ничего. А подавать и раздавать тамъ всегда готовы, лишь бы сколько-нибудь открылось сердце наше желаніемъ. Мало отверзается? Попросимъ, чтобы открылось, и это подаютъ тамъ. Мы нищи, тамъ много богатства. Мы слабы, тамъ много силы. Мы сухи въ любви, тамъ много силы и огня любви. Господи Іисусе! Молитвы рабовъ Твоихъ благоугодны Тебѣ. Ихъ молитвами прости грѣхи наши и исцѣли раны страстей нашихъ, воспламени слабую, едва дышащую любовь нашу къ Тебѣ.

Что вамъ сказать о себѣ? То же, что прежде. И слѣпъ, и нищъ, и нагъ я. Болѣзни души выходятъ наружу и дѣлаютъ боль-

нымъ тѣло. Грѣхи умножились болѣе, чѣмъ волосъ на головѣ, какъ тяжесть свинца лежатъ на душѣ и не даютъ возноситься мыслямъ и чувствамъ ко Господу Богу. О! когда бы немощами тѣла прибавлялось сколько-нибудь силы въ душѣ грѣшной и разслабленной.

Вмѣстѣ съ вами, Надежда Николаевна, возношу грѣшное благодареніе Господу за любовь, пожертвовавшую здѣшнему дому мызу. Тамъ дома два съ принадлежностями и нѣсколько земли для воздѣланія ея. Не знаю, что̀ угодно сотворить Господу, а въ грѣшной душѣ есть мысль поставить тамъ храмъ имени Господа. У меня средствъ нѣтъ, какъ и не было. Поданы ли будутъ—отъ Господа сіе, да и всѣ мы принадлежимъ Ему.

Дѣтямъ вашимъ добрымъ и съ ихъ дѣтками прошу у Господа Бога благословенія и покрова.

Простите, добрая Надежда Николаевна. Идите, идите, хотя понемногу, желаніями къ престолу благодати и щедротъ. Грѣшный Филаретъ епископъ.

1844 года, декабря 8-го дня.

P. S. Если увидите христолюбивыхъ Мальцевыхъ, засвидѣтельствуйте имъ мою грѣшную память души предъ Господомъ. То же скажите Катеринѣ Ѳедоровнѣ Муравьевой, Христовой страдалицѣ.

51.

Февраля 18-го дня (1845).

Благодать Господа Іисуса да будетъ съ вами, добрая Надежда Николаевна! Вы ожидаете отъ меня письма и съ тѣмъ чего-либо для души. Но, такой бѣднякъ, каковъ негодный Филаретъ, что̀ можетъ доставить вамъ? Онъ такъ нищъ, такъ бѣденъ, какъ никто. Онъ такъ разстроенъ лѣностію и страстями, что о немъ и со стороны надобно плакать. Куда ни обратись онъ, все у него худо. Нѣтъ ни сокрушенія, даже и того, какое прежде бывало, нѣтъ ни любви къ Господу Іисусу, пострадавшему за насъ. Помолитесь о немъ, воздохните предъ Господомъ о его бѣдности и разстройствѣ. Вѣра въ Господа сильна, за себя ли она вѣритъ Господу или на другого хочетъ простирать свое дѣйствіе. Вѣра въ Господа вос-

крешала мертвецовъ; не мертвецы тогда вѣрили; но на мертвецовъ проливалась благодатная, всемощная сила, извлекавшаяся вѣрою другихъ. Точно такъ и нынѣ быть можетъ. Точно такъ и нынѣ душевныя ли болѣзни, или страданія тѣлесныя, могутъ быть потушаемы вѣрою не самихъ страждущихъ, а только тѣхъ, которые по любви состраждутъ имъ. Вотъ почему столько проливается свѣта и силы отъ небожителей на бѣдныхъ путниковъ земли! Единъ— Источникъ силы и свѣта Господь Іисусъ Христосъ. Имъ все держится и на небѣ, и на землѣ. Въ Его власти состоитъ все. Отъ Него получается дыханіе для всего, что̀ дышетъ, движеніе для всего, что̀ движется. Но вѣра святыхъ Божіихъ, ихъ любовь вся, живущая въ Господѣ, принимаетъ въ себя силу Божію и переливаетъ на тѣхъ, которые обращаются къ нимъ за помощію, или къ которымъ обращается любовь ихъ, состраждущая немощамъ немощныхъ. По тому же самому и ваша вѣра, и ваша любовь много можетъ передавать другимъ свѣта и силы, въ томъ числѣ и убогому, омраченному Филарету. Желая себѣ отъ васъ помощи, желаю вмѣстѣ съ тѣмъ помощи для васъ. Въ жизни духовной то и другое въ неразрывной связи. Кто ищетъ добра у Господа для другихъ, тотъ ищетъ его для себя. Мірскіе богачи, отдавая другому свое, теряютъ тѣмъ свое. Не такъ бываетъ съ духовнымъ владѣльцемъ: чѣмъ болѣе истощаетъ онъ своего для другихъ, тѣмъ болѣе пріобрѣтаетъ себѣ. Капля студеной воды, уступленная другому, и та не потеряна. И вздохъ сердечный о спасеніи другого отзовется такимъ утѣшеніемъ сладостнымъ, растворяя здѣсь сердце для жизни о Господѣ.

Вы какъ-то мнѣ писали о радости, посѣтившей добрыхъ графа и графиню Шереметевыхъ. О! Благодареніе Господу любви и милости. Ваша вѣсть весьма обрадовала меня, такъ какъ боялся я грѣшный, не оскудѣлъ бы преподобный отъ тяжкой скорби [33]).

Добрымъ дѣтямъ вашимъ искренно желаю благодати Господа Іисуса, безъ которой всякое другое стяжаніе ничтожно и съ которою всякая бѣдность сладка.

Съ любовію о Господѣ къ вамъ грѣшный Ф. е.

P. S. Вы, я думаю, слышали, что въ праздничные дни былъ я у гроба и совсѣмъ неожиданно, также, какъ неожиданно и ожилъ.

52.

Апрѣля 16-го дня (1845).

Христосъ воскресе, Надежда Николаевна! Отъ души желаю, да воскресшій Спаситель утѣшилъ духъ вашъ своею радостію.

Послѣднее письмо ваше доставило грѣшной душѣ моей много пріятнаго. Извѣстія о добрѣйшей Авдотьѣ Ивановнѣ такъ пріятны, такъ близки къ душѣ, что радъ бы былъ поцѣловать добрую душу вашу за нихъ. Людей добрыхъ Господь беретъ къ себѣ. Да и что дѣлать здѣсь добрымъ съ нами грѣшными! Мы и небожителей не слушаемся. А люди добрые, живя на землѣ, сколько не увѣщеваютъ насъ примѣромъ жизни и словами, мы остаемся и глухи, и слѣпы. Намъ пріятно, намъ весело жить и имѣть общеніе только съ подобными намъ грѣшниками.

По чувству состраданія жаль добрую Катерину Ѳеодоровну. Но, съ другой стороны, позна Господь сущая своя. Онъ съ своими постоянно; ведетъ ихъ тѣснымъ путемъ, по которому Самъ шелъ, когда ходилъ по землѣ.

Завтра, если Господь благословитъ, будетъ посвященъ въ діакона Яковъ Михайловичъ, а послѣ завтра въ священника. Долго ждали мы съ нимъ рѣшенія участи, но таковы были судьбы Божіи. Онъ на первое время посвящается къ Рижской Покровской церкви, чтобы совершать служеніе латышское для начинающихъ обращаться латышей. Дѣло латышей много принесло и приноситъ скорбей. Господь знаетъ, что будетъ впередъ. Вы, я думаю, слышали, что и Головинъ [34]) назначенъ по сему же дѣлу. Доселѣ употребляли всѣ средства, чтобы не допустить православія между латышами. Чего бѣдные латыши ни вытерпѣли: ихъ терзали, били, замучивали до смерти какъ бунтовщиковъ, вмѣсто того, чтобы дать имъ хлѣба, котораго они просили. Положеніе ужасное! Человѣкъ умираетъ съ голоду и кричитъ, терзаемый голодомъ, а его отдаютъ новымъ мукамъ за то только, что онъ кричитъ о терзающемъ его голодѣ. Но Господь—судія людямъ.

Душевно жалѣю о болѣзни Настасіи Васильевны. Да укрѣпитъ ее Господь Богъ на пути спасенія, на пути краткомъ.

Добраго и любезнаго моего Евгенія цѣлую, я ихъ помню

предъ Господомъ, помню, помню постоянною любовію. Если грѣшная моя молитва значитъ что-нибудь у Господа, то молюсь за нихъ обоихъ, да совершится ихъ подвигъ на утѣшеніе и имъ, и скорбной матери, и родныхъ добрыхъ.

Нынѣшній великій постъ, благодареніе Господу, довольно пилъ я горечей. Буде имя Господне благословенно.

Не забывайте меня въ молитвахъ. Вы какъ-то писали, помню ли я Ивана Дмитріевича, изъявили сомнѣніе, чтобы помнилъ я. Нѣтъ, какъ ни худъ я, но помню, очень помню Ивана Дмитріевича, помню всѣхъ вашихъ и молю Господа, да приведетъ Онъ насъ всѣхъ въ царство своей вѣчной любви. Грѣшный Филаретъ.

1845 года, апрѣля 20-го дня.

53.

Давно за хлопотами моими не писалъ я къ вамъ, Надежда Николаевна. Чувствовалъ и былъ увѣренъ, что вы ждете отъ меня извѣстій о рижскомъ постояльцѣ [35]), но на постояломъ дворѣ, согласитесь, не всегда просторно жить, не всегда удобно распоряжаться собой и временемъ, какъ бы хотѣлось. Шумъ и толкотня подъ часъ наведутъ и скуку, такъ что не знаешь, куда бы можно было убѣжать. Теперь, нынѣшнее лѣто, убѣгаю по временамъ въ свой лѣсъ тихій, на мызу уединенную. Тамъ хорошо, прекрасно потому, что мирно и спокойно. Но дѣла часто заставляютъ разставаться съ мирнымъ уединеніемъ. Добрый генералъ Куприяновъ назвалъ эту мызу пріютомъ. И точно это для меня пріютъ въ Ригѣ: здѣсь между нѣмцами можно назвать меня и сиротой, и бездомнымъ странникомъ, а лѣсное уединеніе — истинный пріютъ мнѣ. Но, повторяю, часто, очень часто вынуждаюсь разставаться съ мѣстомъ душевнаго отдыха и бросаться на море тревогъ; иногда встрѣча съ волнами бываетъ тѣмъ тревожнѣе, что душа на часъ предалась было покою. Но за все благодареніе Господу!

Душевно благодарю и Алексѣя Васильевича, и добраго друга вашего за память обо мнѣ. Господь да хранитъ васъ и ихъ своею благодатію.

Добрыхъ дѣтей Вячеслава и Евгенія обнимаю душевною любовію. Увижу ли я ихъ когда-нибудь?

Здѣсь нынѣшній годъ—большой недостатокъ въ хлѣбѣ. Бѣдные много страдали и страдаютъ. Помоги имъ, Господи, терпѣть нужды и скорби.

Радуюсь, что Господь сподобилъ васъ пріобщиться Св. Таинъ. Иду и я служить недостойно.

Елисавета Ивановна Головина [37]) кланяется вамъ.

Простите. Е. Ф.

1845 года, августа 19 дня.

54.

Божіе благословеніе да будетъ съ вами, Надежда Николаевна. Давно не писалъ я къ вамъ. Что̀ дѣлать? Лѣность прежде всего виновата въ томъ. Лѣность на доброе такъ сроднилась съ душею моею, что путаетъ руки и ноги. Господи! Не вниди въ судъ съ рабомъ твоимъ. Не взойдите и вы, добрая Надежда Николаевна, въ судъ надо мною. Лѣнивый готовъ извинять свою лѣность. Вотъ и я тоже. Не знаю, извѣстно ли вамъ мое положеніе. Правду сказать — оно тяжело. Нѣмцы стрѣляютъ въ меня и пулями, и картечью. Градомъ сыплется брань не на словахъ только, а и на бумагѣ. Переходъ крестьянъ въ православіе — для нѣмцевъ невыносимъ. Они изъ себя выходятъ, домогаясь остановить его. А чтобы остановить его, — первое средство къ тому доказывать или по крайней мѣрѣ кричать и въ Ригѣ, и въ Петербургѣ, что епископъ дѣйствуетъ грязно. Вотъ и идетъ пальба страшная противъ грѣшнаго Филарета. Чего, чего не говорятъ? Чего не доносятъ? На что не отваживаются. Помолитесь о грѣшномъ Филаретѣ. Онъ по временамъ весьма скорбитъ и унываетъ. Вы скажете: не надобно унывать? Согласенъ. Но дайте ему терпѣніе. Дайте силы смысла и воли. У него такъ мало ихъ. Да помолитесь поусерднѣе, если любите недостойнаго любви.

Нельзя не думать и о томъ, что здѣсь—голодъ. Все чрезвычайно дорого. Бѣдные крестьяне теперь уже нуждаются въ хлѣбѣ. А что̀ будетъ дальше?

Поклонитесь Катеринѣ Васильевнѣ и Алексѣю Васильевичу. Желаю имъ мира и благодати. Простите. Съ любовію къ вамъ грѣшный Ф.

1845 года, ноября 5 дня.

55.

1846 года, марта 10.

Вы много жили на свѣтѣ, Надежда Николаевна, потому не удивитесь, если скажу: мужайтесь о Господѣ. Тяжело переносить неожиданныя скорби тѣмъ, кто еще не успѣлъ натерпѣться, а не находить силъ для нихъ тому, кто много видѣлъ ихъ, не совсѣмъ прилично и даже совѣстно.

Надежда Николаевна! Подвизайтесь о Господѣ въ молитвѣ. Молитесь за себя, молитесь за усопшую Анастасію. Да, правда по лѣтамъ это неожиданная смерть, но посмотрите на пути Господа: эта смерть послана тогда, когда для сыновей почти уже не нужна стала мать. Вы меня будете бранить, что такъ покойно говорю съ вами. Браните больше того, кто первый изъ грѣшниковъ, но не могу не воздать хвалы путямъ Господа, а въ душѣ и предъ вами. Настасія наша часто шутила съ людьми на словахъ; но не всегда шутила въ душѣ. Какъ хотите, не могу не похвалить ума ея и въ выборѣ времени смерти. Подумайте и вы согласитесь со мною. *Скончася вмалѣ: угодна бо Господеви душа,— скончася, да не злоба измѣнитъ разума.* Благодареніе Тебѣ Господу Всеблагому и Премудрому. Пока довольно. Спасайтесь о Господѣ. Спасайтесь и молитесь о грѣшномъ Ф.

P. S. Вчера въ субботу служилъ литургію о упокоеніи Анастасіи.

11 марта (1846).

Вчера приготовилъ я короткое письмо къ вамъ и вслѣдъ за тѣмъ получилъ ваше. Вы, какъ показываютъ строки ваши, очень встревожены, особенно тѣмъ, что усопшая скончалась безъ исповѣди и причастія Св. Таинъ. Не могу не сказать, что это—требуетъ сожалѣнія отъ оставшихся. Но вы знаете, что великій Аѳанасій Аѳонскій съ нѣсколькими братьями нечаянно задавленъ былъ обрушившеюся кельею. Судьбы Божіи намъ неизвѣстны. Наше дѣло дѣлать то, что̀ должно и можно. Прочее предоставлять остается Господу. Наше дѣло молить о христіанской кончинѣ, а послана

ли она будетъ и если не будетъ послана, то почему не пошлется, намъ не извѣстно.

Господь Богъ своею благодатію да утѣшитъ страждущую душу вашу. Призываю милость Божію на васъ и дѣтей вашихъ и внучекъ вашихъ. Грѣшный Ф.

56.

Христосъ воскресе! Надежда Николаевна. Радость о Воскресшемъ и нашемъ съ Нимъ воскресеніи да утѣшитъ духъ вашъ, возмущенный смертію! Къ Нему молитва наша о усопшей, къ Нему благоговѣніе предъ рѣшеніями о насъ и нашихъ. Куда намъ болѣе итти, какъ не къ Нему? Тогда только душа и находитъ въ себѣ нѣсколько жизни и свѣта, когда сколько-нибудь усердно помолится предъ Нимъ и откроетъ предъ Нимъ грѣхи свои и свою пустоту. Сосудъ закрытый, закупоренный, если брошенъ будетъ въ самое море, не наполнится водою. Точно также душа наша, плавая по морю благости Господней, остается пустою, пока не открывается для Господа въ молитвѣ сокровенной.

Вы удивляете меня послѣднимъ письмомъ вашимъ. Вы пишите, что ждете отъ меня письма. При самомъ первомъ извѣстіи о кончинѣ почившей Анастасіи, еще до полученія перваго вашего письма, я писалъ къ вамъ. Письмо было не долгое: но оно должно бы быть получено вами давно. Я послалъ его въ Покровское. Почти въ то же время писалъ я къ К. И. Мухановой, на имя Евгенія Ивановича, такъ какъ не имѣлъ адреса К. И. Не имѣю извѣстія, дошло ли письмо К. И.?

Что сказать вамъ о смерти Анастасіи? Остаюсь съ прежнею увѣренностію: она скончалась во время, когда прилично было ей оставить землю. Подумайте: что ей было дѣлать здѣсь? Дѣти? Они, благодареніе Господу, уже имѣютъ смыслъ и возрастъ. Другое дѣло, еслибы смерть пришла къ ней за восемь или за шесть лѣтъ, тогда эта смерть была бы точно горька, весьма горька. Что жизнь наша на землѣ? Рядъ грѣховъ. Итакъ, лучше ли скитаться по землѣ грѣховъ, чѣмъ быть тамъ, гдѣ не творятъ грѣховъ? Господь даетъ время, чтобы исправились мы. Но Онъ же знаетъ, до какого

предѣла довесть жизнь, далѣе котораго она не бываетъ жизнію для раскаянія. Облобызаемъ же благую и мудрую десницу Его.

Съ любовію къ вамъ о Господѣ. Е. Ф.

1846 года, августа 7 дня.

57.

Добрая моя, любвеобильная Надежда Николаевна, благодать Господа Іисуса милостиваго къ грѣшникамъ да наградитъ любовь вашу ко мнѣ грѣшному.

Не знаю, что̀ это значитъ. Я очень помню, что по полученіи послѣдняго письма вашего, я въ тотъ же день написалъ къ вамъ письмо, приготовилъ адресъ и велѣлъ отдать запечатанное письмо на почту. Куда дѣвалось письмо мое? Изъ письма вашего вижу, что вы не получили его. Странно! Какъ бы то ни было, на сей разъ не виноватъ я, истинно, не виноватъ. Повѣрьте, я дорожу любовію вашею.

Да, давно уже прошло, какъ разстался я съ Св. Лаврою. Блаженный покой обители! Здѣсь нѣтъ его. Здѣсь — нѣмцы, а съ ними нельзя быть въ покоѣ. Если не сами, то чрезъ другихъ, не перестаютъ будить мою лѣность. Да и то правда, если бы не эти будильники, пожалуй, вовсе заснулъ бы въ грѣхахъ. Дай Богъ имъ здоровье — не даютъ дремать.

Опять повторю, благодарю всею душею за память любви вашей о мнѣ грѣшномъ. Вы — неизмѣнны въ любви своей. Не смотря на то, что молчаніемъ или недоставкою вѣсти такъ много печалю я васъ, вы не бросаете меня въ любви своей. Богъ, обильный въ милости и щедротахъ, да заплатитъ вамъ сторично въ томъ вѣкѣ за христіанскую любовь вашу.

Впрочемъ и я, при всей худобѣ моей, каждый разъ помню васъ и вашихъ предъ престоломъ Господа Іисуса. Много заботъ, много скорбей, много людей, но вы не выходите изъ грѣшнаго сердца моего.

Письмо ваше долго шло до Риги: оно пошло 27 ноября, а получено 6 декабря. Муравьева [38]) я еще не видалъ; но когда услышалъ, что онъ опредѣляется сюда, то весьма обрадовался.

Новый знакомый — памятникъ стараго неизмѣннаго знакомства: это дорого для души, особенно моей, для которой здѣсь немного своего, или лучше—ничего.

Простите. Обнимаю васъ искреннею любовію и добрыхъ дѣтей Вячеслава и Евгенія. Е. Филаретъ.

1846 года, декабря 6.

Скрыпицынъ былъ у меня въ проѣздъ черезъ Ригу. Онъ умный человѣкъ и, не знаю, за что̀, не оставляетъ помогать дѣламъ моимъ, столько тягостнымъ. Господь да спасетъ и помилуетъ его!

58.

Боголюбезная Надежда Николаевна! На этотъ разъ не остаюсь въ долгу у васъ, на письмо отвѣчаю по крайней мѣрѣ нѣсколькими строками!

Здѣсь былъ Николай Николаевичъ, и я радъ былъ познакомиться съ нимъ. Вы знаете грѣхъ мой—страсть къ умнымъ людямъ, а Николай Николаевичъ такъ уменъ, какъ очень немногіе, о чемъ уже давно слыхалъ я. Онъ былъ въ Митавѣ съ супругою и отправился въ Петербургъ. Здѣсь онъ пробылъ только нѣсколько часовъ.

Приложенное письмо прошу отправить къ К. И. Она такъ давно не получала отъ меня ни строки. Видно, такова уже Рига, что надѣляетъ то обманомъ, то гнетомъ. До ней, какъ и до васъ, не дошло письмо и даже не одно.

Муравьевъ молодой—добрый и умный, я люблю его, онъ бываетъ у меня. Господь да возраститъ въ душѣ его благочестіе, котораго дороже ничего нѣтъ для насъ. Прочее остается на землѣ. Туда надобно идти съ дѣлами духа. Иначе не спросятъ ни объ учености, ни о чинахъ, ни о благородствѣ.

Господь мира да будетъ съ нами. Съ любовію къ вамъ о Господѣ Е. Ф.

1847 года, января 12 дня.

59.

Боголюбивая Надежда Николаевна! Виноватъ я предъ вами: на столько писемъ не писалъ къ вамъ отвѣта. Что̀ жъ дѣлать?

Въ меня здѣсь неугомонно стрѣляютъ. Только и дѣлаю, что повертываюсь то въ ту, то въ другую сторону.

Истинно и всею душею обрадовался я, узнавъ о хорошемъ окончаніи ученія добрыхъ и милыхъ мнѣ дѣтей Евгенія и Вячеслава. Вы не браните меня, что хотя я и доселѣ прежде называлъ Евгенія, потомъ Вячеслава. Такъ привыкла душа. Теперь впрочемъ и вы, какъ думаю, скажете, что, хотя я дурной предсказатель, говорилъ правду, что Евгеній мой—умница, будетъ хорошо учиться. Потому-то любилъ и люблю я его. Впрочемъ это не значитъ, что будто не любилъ и не люблю я Вячеслава. Нѣтъ, я люблю Вячеслава за его добрую душу, простую, чуждую всякой хитрости. Молю Господа, чтобы это прекрасное качество сохранилъ онъ до гроба. Правда, это качество можетъ наносить ему въ жизни непріятности, но за то никому другому не будетъ отъ того тяжелѣе. Чтобы убавить число непріятностей, ему стоитъ только немножко быть осмотрительнымъ, тогда онъ будетъ и милъ, и покоенъ. Желалъ бы и я, чтобы Евгеній отправился за границу: тамъ можно сдѣлать нѣсколько пріобрѣтеній. Впрочемъ пусть добрый мой Евгеній Ивановичъ не безпокоится, если не исполнится желаніе его. Нынѣ есть, чему и у кого поучиться и въ Россіи. Иначе случается, что повторяютъ, по возвратѣ изъ-за границы, пословицу: красны бубны за горами. Мнѣ кажется, можно бы было Евгенію Ивановичу попроситься у министра на службу въ Ригѣ. Здѣсь русскіе умные очень нужны, и министръ будетъ радъ такому желанію. Впрочемъ да будетъ во всемъ воля Господа Іисуса! Напрасно вы думаете, что будто я имѣю что-то противъ васъ. Нѣтъ, право, ничего нѣтъ на душѣ. Не писалъ собственно потому, что истинно много дѣлъ. Простите. Дѣтямъ вашимъ желаю благословенія и милости отъ Господа Іисуса.

Грѣшный Филаретъ Е.

1847 года, августа 7 дня.

60.

Сентября 24 (1847).

Божіе благословеніе да будетъ съ вами, Надежда Николаевна! Я пишу къ вамъ не изъ Риги, а изъ Вольмара, не изъ кельи

своей, а изъ дома боголюбивыхъ душъ. Завтра, въ день пр. Сергія, если Богъ благословитъ, освятимъ новый храмъ во имя пр. Сергія. Это второй храмъ изъ новостроющихся освящаемый. Въ слѣдующее воскресенье, если Богъ благословитъ, освященъ будетъ храмъ въ г. Валкахъ [39]).

Не сѣтуя, благодарю Господа за путь, которымъ ведетъ Онъ грѣшную жизнь мою. Труденъ этотъ путь, скорби часто встрѣчаются на немъ, часто раздражаютъ душу горечи разныя, но сѣтую только на то, что не пользуюсь скорбями такъ, какъ желаетъ отъ меня Господь мой. Онъ, милостивый и любвеобильный, одного и желаетъ для меня — спасенія грѣшной души моей. Для того Онъ меня и поставилъ на этомъ тернистомъ пути, чтобы уязвляемый терніями пробуждался я къ воспоминаніямъ о вѣчной жизни, о будущемъ судѣ. Благословенъ Ты, Господь мой, научающій меня святой волѣ Твоей и спасенію моему вѣчному, какъ мнѣ благодарить Тебя нечистыми устами моими! Какъ возносить къ Тебѣ сердце мое полное грѣховъ. Очисти, Господи, сердце и уста мои. Очисти руки мои, покрытыя грязію грѣховъ. Ты Единъ Всесвятый, освяти помышленія и сердце мое, да буду служить Тебѣ Богу Спасителю моему.

Напрасно милый мой Евгеній Ивановичъ не хочетъ прибыть въ Ригу къ намъ, чтобы служить царю и Господу, онъ былъ бы здѣсь полезенъ себѣ и людямъ своею доброю душею. Но да будетъ воля Господня! Любовь его къ пріобрѣтенію большихъ познаній прекрасна, но я сильно сомнѣваюсь, чтобы за границею пріобрѣлъ онъ лучшія познанія. Вопервыхъ, нынѣ и въ русскомъ университетѣ не то, что̀ было прежде,—едва ли не столько же, если не болѣе, можно пріобрѣсть основательныхъ познаній; а вовторыхъ, и что̀ важнѣе, даже въ Берлинѣ, прежде покойномъ Берлинѣ, много тревогъ политическихъ и еще больше вздорныхъ головъ и системъ. Не говорю о другихъ мѣстахъ. Надо имѣть много осторожности, чтобы вмѣсто пользы не занять тамъ разстройства душевнаго. Но повторяю—да будетъ воля Божія! Не въ томъ дѣло, чтобы имѣть много, а въ томъ, чтобы хорошо располагать тѣмъ, что̀ имѣемъ. Не въ томъ заслуга наша, чтобы получить то или другое мѣсто, а въ томъ, чтобы выполнять хорошо то, чего требуетъ мѣсто.

Вотъ почему и иные нищіе далеко богаче меня предъ Господомъ; вотъ почему и иные стоящіе на низкихъ мѣстахъ далеко выше меня предъ Господомъ. Безъ благочестія, безъ молитвъ слезныхъ и таланты, и почести, и богатства, и чины, и отличія—менѣе чѣмъ пустота, — вѣчная мука.

Простите. Всѣхъ знаемыхъ обнимаю любовію о Господѣ.

Грѣшный Филаретъ Еп.

61.

Еще не прочитавъ письма вашего, добрая Надежда Николаевна, опять за перо, чтобы просить прощенія за вину мою. Я точно виноватъ, такъ плохо уплачивая за любовь вашу. Давно, очень давно не писалъ. Простите же для Господа любви, прощающаго всѣхъ грѣшниковъ, сознающихъ грѣхи свои.

Затѣмъ читаю письмо ваше. Вотъ и разрѣшеніе загадки одной. Я получилъ отъ А. И. Постниковой письмо, гдѣ пишетъ она, что мнѣ пріятно будетъ видѣть подателя письма, а между тѣмъ письмо получилъ я съ почты изъ Петербурга, и не зналъ деселѣ, что это значитъ? Итакъ Евгеній Ивановичь, котораго такъ любилъ я, не захотѣлъ побывать у меня. Что жъ дѣлать? Да будетъ во всемъ воля Божія. А прискорбно. Это значитъ, добрая моя Надежда Николаевна, что и мнѣ уже себя надобно включить въ число дряхлыхъ стариковъ, съ которыми молодости не весело имѣть дѣло. Пусть такъ!

Да сохранитъ Господь Богъ покой души Катерины Ѳедоровны; она такъ много страдала въ своей жизни; столько горя перенесла, не видавъ утѣшенія; поелику же она терпѣла, не оставляя упованія на Господа, нѣтъ сомнѣнія, что ожидаетъ ее вѣнецъ, готовый для невинно страждущихъ въ земной жизни [40]).

Общіе знакомые наши Головины уѣзжаютъ изъ Риги. Думаю, что вы уже знаете назначеніе Евгенія Александровича въ члены совѣта и о назначеніи сюда князя Суворова. Немного прошло времени, какъ Евгеній Александровичъ сблизился было со мною, но вотъ и оставляетъ Ригу, и надобно имѣть дѣла съ новымъ [41]). Такъ въ этой жизни все не надежно, все измѣняется, событія за собы-

тіями бѣгутъ какъ волны и несутъ жизнь нашу къ гробу, за которымъ судъ. Боже милостивый! Соблюди немощную грѣшную душу мою отъ волненій грѣха среди волнъ земного плаванія.

Въ утѣшеніе ваше долженъ я сказать особенность. Когда Василій Михайловичъ М. выбывалъ изъ здѣшней службы: Евгеній Александровичъ, говоря со мною о перемѣнѣ служенія его, отозвался такъ о немъ: „Мнѣ жаль его, я сталъ привыкать къ нему, онъ — весьма добрый и способный молодой человѣкъ; что поручалъ ему дѣлать, онъ дѣлалъ не только внимательно, но очень дѣльно, основательно“. Я порадовался такому отзыву и пожелалъ въ душѣ, чтобы В. М. получилъ такіе же отзывы вездѣ.

Простите, добрая Надежда Николаевна. Господь да благословитъ душу вашу благодатію и миромъ. Съ любовію къ вамъ о Господѣ грѣшный Ф. Е.

1848 года, января 19 дня.

62.

Господь спасетъ насъ всѣхъ, добрая Надежда Николаевна! Благодарю васъ за не измѣняющуюся любовь вашу. Вы такъ кстати написали и тѣмъ утѣшили. Душа въ сильной скорби и озлобленіи отъ нынѣшнихъ обстоятельствъ. Враги тѣснятъ. Я уже писалъ вамъ, что отъ новаго начальника губерніи жду многихъ непріятностей. Это ожиданіе выполнилось слишкомъ полно. На то воля Господа. Помолитесь о мнѣ. Имѣю нужду, большую нужду въ молитвенной помощи.

Больше писать не могу. На душѣ тяжело. Объ одномъ прибавлю: никогда не думайте, чтобы письма ваши не были пріятны мнѣ. Отвѣчать недостаетъ времени, но отъ меня ли это?

Простите. Съ любовію къ вамъ грѣшный Ф. Е.

Апрѣля 9 дня, 1848 года.

63.

(1848).

Боголюбивая Надежда Николаевна, предъ самымъ отправленіемъ моимъ изъ Риги получилъ я письмо ваше. И отвѣчаю уже въ Полоцкѣ, на пути въ Харьковъ: 9 октября 1841 назначенъ я

въ Ригу, а 6 ноября 1848 года переведенъ въ Харьковъ. Итакъ ровно 7 лѣтъ считался я Рижскимъ, и прожилъ въ Ригѣ шесть лѣтъ съ половиною. Благодареніе Господу за все.

Изъ Риги пришлось выѣхать почти въ тѣ самые дни, какъ провожали вы меня изъ Москвы.

Рижане русскіе проводили меня съ любовію, потому что плакали. Священники провожали за сто верстъ. Не правда ли, что это далеко больше того, чего стоитъ негодный Филаретъ? Да, горько плакали священники, разставаясь со мною. Не дозволяю себѣ называть ихъ дѣтьми моими,—я называлъ ихъ друзьями моими; хранилъ, защищалъ, согрѣвалъ любовію какъ друзей сердца моего, и они глубоко чувствовали это, даже гораздо глубже, чѣмъ заслуживаю. Сердца ихъ открылись особенно при прощаніи. Даже нѣмцы, которые дѣлали столько непріятностей, изъявляли сожалѣніе, что назначили другого [42]), а не оставили меня у нихъ. Все это пишу вамъ для того, чтобы вы порадовались благодатной силѣ молитвъ пр. Сергія, которыя доселѣ берегли меня грѣшнаго и управляли дѣлами моими.

Когда получилъ я въ первый разъ извѣстіе о переводѣ меня въ Харьковъ, то первая моя мысль была побывать въ Москвѣ у пр. Сергія. Но потомъ дальность пути, особенно же давнее желаніе поклониться святынямъ кіевскимъ, рѣшили меня ѣхать въ Харьковъ чрезъ Кіевъ. Богъ знаетъ, буду ли еще имѣть подобное удобство побывать въ Кіевѣ? Надобно пользоваться настоящимъ. Будущее въ рукахъ Божіихъ.

Изъ Риги выѣхалъ на канунѣ именинъ своихъ. Упрашивали любящіе остаться съ ними. Но какъ ѣхавъ въ Ригу провелъ этотъ день въ дорогѣ, такъ пришлось провести день и на пути изъ Риги. И безъ того много было слезъ, которыхъ не стою.

Простите, благодать Господа Іисуса да хранитъ васъ. Филаретъ, епископъ Харьковскій [43]).

P. S. Вѣроятно, въ Харьковъ пріѣду къ празднику Рождества Христова. Дорога очень худа, такая же, какъ изъ Симбирска въ Петербургъ.

64.

Боголюбивая Надежда Николаевна! Благодать Господа Іисуса Христа да будетъ съ вами.

Вы пишите, что будто послѣ письма, посланнаго къ вамъ изъ Полоцка, ни строки не писалъ я къ вамъ. Это, позвольте сказать, несправедливо. Вѣрю тому, что вы не получили письма, но и удивляюсь, отчего не получили? Очень твердо помню, что письмо надписано на ваше имя въ с. Покровское. Гдѣ оно пропало, не понимаю. Очень помню и то, что въ концѣ письма замѣтилъ я „не о всемъ можно писать и не всегда можно писать, есть препятствія“. Теперь пока покоенъ я со стороны обстоятельствъ житейскихъ. Иначе Рига стрѣляла въ меня и въ Харьковѣ.

Благодареніе Господу, что Вячеславъ Ивановичъ и Евгеній Ивановичъ на хорошемъ пути, въ службѣ. Да будетъ благодать Божія съ ними. Благодарю и васъ, что вы сказали мнѣ о нихъ кое-что. Я люблю ихъ.

Въ новомъ мѣстѣ новыя дѣла и заботы. Почти два мѣсяца употреблены мною на обзоръ епархіи. Здѣшняя епархія покойная; это не то, что Лифляндія. Люди добрые и набожные. Разумѣется, нигдѣ безъ исключеній, но, благодареніе Господу, здѣсь пока вижу любовь. Страна хлѣбородная и теплая. Можно умереть безъ тревогъ.

Простите: надо готовиться къ служенію. Господня благодать да будетъ съ вами и дѣтьми вашими. Е. Ф.

1849, ноября 18 дня.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Въ январѣ 1835 года Филаретъ возведенъ былъ въ санъ архимандрита (высокопреподобный), а въ декабрѣ того же года опредѣленъ ректоромъ Московской духовной академіи (*Смирновъ*. Исторія Московской духовной академіи. М. 1879, стр. 422).

2) Алексѣй Васильевичъ Шереметевъ, сынъ Надежды Николаевны и Василья Петровича Шереметевыхъ, родился 8-го февраля 1800 года. Воспитывался въ знаменитой школѣ колонновожатыхъ, вмѣстѣ съ сыновьями ея основателя, Н. Н. Муравьева. Поступилъ на службу, въ 1816 году, колонновожатымъ въ свиту его императорскаго величества по квартирмейстерской части (что̀ нынѣ генеральный штабъ). Въ 1819 году переведенъ былъ въ лейбъ-гвардіи конную артиллерію. Съ 1822 года состоялъ адъютантомъ командира 5-го пѣхотнаго корпуса генерала отъ инфантеріи графа Петра Александровича Толстого. Вышелъ въ отставку, по болѣзни, для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ: 2-го декабря 1827 года служилъ по избранію дворянства Рузскаго уѣзда, Московской губерніи, посредникомъ полюбовнаго межеванія (съ декабря 1839 по сентябрь 1843). Скончался 21-го октября 1857 года въ своемъ любимомъ имѣніи, селѣ Покровскомъ, Рузскаго уѣзда, гдѣ жилъ безвыѣздно съ 1850 года, послѣ кончины матери. Алексѣй Васильевичъ былъ женатъ на троюродной сестрѣ, Екатеринѣ Сергѣевнѣ Шереметевой, родилась 17-го декабря 1813, скончалась 7-го мая 1890 года. У нихъ было десять человѣкъ дѣтей, но въ пору написанія настоящаго письма (1835—36), ихъ было еще только трое: а) Варвара Алексѣевна (впослѣдствіи графиня Мусина-Пушкина), родилась 15-го ноября 1832 г., скончалась 21-го февраля 1885 г.; б) Василій Алексѣевичъ (впослѣдствіи женатъ на Натальѣ Аѳанасьевнѣ Столыпиной), родился 9-го февраля 1834 года, скончался 5-го ноября 1884 года, и в) Сергѣй Алексѣевичъ (впослѣдствіи женатъ на свѣтлѣйшей княжнѣ Евдокіи

Борисовнѣ Голицыной), родился 24-го марта 1836 г., скончался 15-го декабря 1896 г. (примѣчаніе Александра Барсукова).

3) По предположенію Э. Л. Радлова, здѣсь разумѣется сочиненіе Ботэна, изданное въ 1833 году, въ Парижѣ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Philosophie du Christianisme". Объ этомъ сочиненіи была статья А. А. Краевскаго въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1833 года, часть первая; на статью эту можно смотрѣть какъ на отголосокъ того сочувствія, которое выражалъ этому сочиненію тогдашній министръ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровъ.

4) См. примѣчаніе 2-е.

5) Съ 1836—1839 г. Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, женатый на Пелагеѣ Васильевнѣ Шереметевой, былъ Курскимъ губернаторомъ.

6) Ректоръ Филаретъ получилъ въ управленіе Московскій Богоявленскій монастырь; 6-го мая 1837 года митрополитъ Филаретъ писалъ ему: „Что замедлили принять монастырь, сіе менѣе важно; а что въ высокоторжественный день не говорили назначенной проповѣди, сего похвалить не могу" („Письма Филарета, митрополита Московскаго, къ Филарету, впослѣдствіи архіепископу Черниговскому". М. 1884, стр. 12).

7) См. примѣчаніе 6-е.

8) См. примѣчаніе 5-е.

9) Мощи святыя великомученицы Варвары обрѣтаются въ Кіевѣ въ Златоверхомъ Михайловскомъ монастырѣ (Полный христіанскій мѣсяцесловъ. Кіевъ. 1875, стр. 327).

10) Не Семенъ ли это Поспѣловъ, окончившій въ 1840 году курсъ въ Московской духовной академіи, написавшій сочиненіе „О мvропомазаніи", о которомъ упоминаетъ ректоръ Филаретъ въ письмѣ своемъ, 15-го іюля 1840 года, къ А. В. Горскому („Письма Филарета, архіепископа Черниговскаго, къ А. В. Горскому". М. 1885, стр. 2—3).

11) Указомъ св. синода, 18-го іюня 1841 года, ректору Филарету предписано было произвести обозрѣніе семинарій Пензенской и Тамбовской („Письма Филарета, архіепископа Черниговскаго, къ А. В. Горскому", стр. 7).

12) Указомъ св. синода, 3-го сентября 1841 года, ректору Филарету предписывалось отправиться въ Симбирскъ для производства изслѣдованія по дѣлу о безпорядкахъ въ Симбирской семинаріи (ibid., стр. 9).

13) Еще будучи въ Симбирскѣ, въ октябрѣ 1841 года, ректоръ Филаретъ получилъ отъ митрополита Московскаго Филарета извѣщеніе о назначеніи его епископомъ Рижскимъ, викаріемъ Псковскимъ. Въ концѣ ноября того же года Филаретъ отправился въ Петербургъ для нареченія и посвященія во епископа (ibid., стр. 20).

14) Митрополитъ Московскій Филаретъ, пребывавшій въ то время

въ С.-Петербургѣ для присутствованія въ св. синодѣ, имѣлъ свою резиденцію въ Троицкомъ подворьѣ на Фонтанкѣ.

15) Екатерина Васильевна Шереметева, двоюродная сестра мужа Надежды Николаевны, Василья Петровича Шереметева, родилась 25-го февраля 1782 года, скончалась 26-го марта 1865 года, дѣвицею. Она была очень дружна съ Надеждой Николаевной. По свидѣтельству Вигеля, Екатерина Васильевна отличалась „необыкновенно пріятнымъ, *неувядаемымъ* умомъ“ (примѣчаніе Александра Барсукова).

16) Въ С.-Петербургѣ, на Моховой, нѣкогда процвѣталъ благочестивый домъ Мальцовыхъ. Въ немъ жилъ секундъ-маіоръ Иванъ Акимовичъ Мальцовъ, родился въ 1774 году, съ своей супругой Капитолиною Михайловною (рожденной Вышеславцовой). При нихъ жилъ и сынъ его, въ то время ротмистръ Кавалергардскаго полка, Сергѣй Ивановичъ (р. 1810), впослѣдствіи отставной генералъ-маіоръ, женатый на княжнѣ Анастасіи Николаевнѣ Урусовой. Дочь И. А. Мальцова — Марія Ивановна (р. 1808) была за генералъ-адъютантомъ графомъ Павломъ Николаевичемъ Игнатьевымъ.

Иванъ Акимовичъ Мальцовъ происходилъ изъ дворянскаго рода, предокъ котораго Богданъ Аѳанасьевичъ служилъ въ 1634 году въ числѣ городовыхъ дворянъ по Чернигову, и внукъ котораго Василій Юрьевичъ Мальцовъ занялся торговлею и записался въ купечество. Сынъ Василія Юрьевича — Акимъ, содержавшій съ двоюроднымъ братомъ своимъ Ѳомою Васильевичемъ Мальцовымъ хрустальную фабрику, возстановленъ императрицею Екатериною II, 14-го августа 1775 года (по всеподданнѣйшему докладу сената) въ потомственное дворянское достоинство. Сынъ его И. А. Мальцовъ записанъ въ службу вахмистромъ Конной гвардіи 1-го января 1786 года, выпущенъ изъ гвардіи въ армію капитаномъ 1-го января 1754 года, а 1-го февраля 1794 года уволенъ, по болѣзни, отъ службы съ чиномъ секундъ-маіора; въ 1813 году назначенъ почетнымъ смотрителемъ Брянскаго уѣзднаго училища и состоялъ въ этой должности въ 1828 году. Иванъ Акимовичъ скончался въ маѣ 1853 года отъ холеры, „оставивъ по себѣ“, свидѣтельствуетъ А. Н. Муравьевъ,—„блаженную память“. 24-го мая 1853 года митрополитъ Московскій Филаретъ писалъ А. Н. Муравьеву: „О Иванѣ Акимовичѣ у меня въ церкви молятся; но мнѣ не довелось помолиться при гробѣ его. Спросили меня, какъ его принять: я приказалъ священнику ждать у желѣзной дороги, встрѣтивъ съ литіею, и въ облаченіи проводить въ церковь... 20-го мая служилъ въ Чудовѣ. В. И. Назимовъ былъ у литургіи и зашелъ ко мнѣ, и сказалъ, что въ тотъ день поутру тѣло отправлено съ провожающимъ его иностранцемъ“ („Письма митрополита Московскаго Филарета къ А. Н. Муравьеву“. Кіевъ. 1869, стр. 422—423). На приглашеніе Погодина принять участіе въ обѣдѣ, даваемомъ въ его

саду, въ честь отъѣзжающаго въ чужіе края М. С. Щепкина, Степанъ Дмитріевичъ Нечаевъ, 9-го мая 1853 года, отвѣчалъ: „Умеръ рѣдкій человѣкъ и родственный другъ моего семейства Иванъ Акимовичъ Мальцовъ. Смерть его сильно отуманила мое сердце. Я былъ бы скучнымъ гостемъ на вашемъ веселомъ обѣдѣ“ („Жизнь и труды М. П. Погодина“. С.-Пб. 1898. XII, стр. 467).

17) Родная тетка Филарета, сестра его отца, была за мужемъ за крѣпостнымъ крестьяниномъ Нарышкина, Дмитріевымъ; онъ и его родственники служили при экономической конторѣ. Главноуправляющимъ былъ нѣмецъ. Замѣтивъ, что Дмитріевы осуждаютъ его дѣйствіе относительно крестьянъ, онъ искалъ случая отомстить Дмитріевымъ. „По пріѣздѣ помѣщика въ имѣніе, нѣмецъ управляющій увѣрилъ его, что Дмитріевы пріобрѣли богатство незаконнымъ образомъ. Тутъ же была рѣшена ихъ участь: имущество отобрано, нѣкоторые приставлены къ горной работѣ, молодые, въ томъ числѣ два двоюродные брата Филарета, должны были поступить въ солдаты“ (*Русскій Архивъ* 1887, № 8, стр. 466).

18) Кіевскій митрополитъ Филаретъ во время пребыванія своего въ Петербургѣ жительствовалъ на Васильевскомъ островѣ въ Псковскомъ подворьѣ, что̀ нынѣ подворье Кіево-Печерской лавры.

19) Тогдашній оберъ-прокуроръ св. синода графъ Николай Александровичъ Протасовъ. 5-го декабря 1841 года Филаретъ писалъ А. В. Горскому: „Самое замѣчательное для меня, что̀ надолго останется въ памяти, было посѣщеніе графа Протасова. Болѣе часа продержалъ онъ меня у себя, и все время прошло въ разговорахъ, но это было испытаніе, или лучше, пытка. Вопросы предлагаемы были самые тяжкіе для души: напримѣръ, каковъ такой-то архіерей, такой-то секретарь консисторіи? Поймете сами, что о ректорахъ и семинаріяхъ еще болѣе было допросовъ. Признаюсь, я вышелъ отъ него въ большомъ смущеніи и большою тяжестью на душѣ. Онъ самъ послѣ сказалъ другимъ, что пыталъ меня. Да, легко пытать, но каково быть на пыткѣ?“ („Письма Филарета, архіепископа Черниговскаго, къ А. В. Горскому“, стр. 27).

20) При нареченіи во епископа Рижскаго Филаретъ предъ членами св. синода произнесъ слѣдующую рѣчь: „Богоизбранные предстоятели православныя церкви! Вѣрно, несомнѣнно вѣрно, что изволеніе о мнѣ правителей церкви Россійской, утвержденное волею помазанника Божія — царя Боговѣнчаннаго, есть воля самого живущаго на небесахъ — единаго Владыки церкви и царствъ. Сей вѣры довлѣло бы для того, чтобы положить молчаніе на мои мысли и чувства; при ней довольно было бы сказать: буди Его воля!

„Но простите избытку сердца; оно невольно обращается и къ прошедшему, и къ предстоящему, невольно и въ слѣдъ за сею вѣрою

стремится вознесть хвалу Господу за прошедшее. Благодарю Тебя, Господи Боже мой, что удостоилъ мое недостоинство такъ долго пребывать въ дому возлюбленнаго Тобою богоноснаго отца Сергія. Какъ забуду тебя, хранимое Матерію Превѣчнаго Слова, училище живаго слова?—Въ тишинѣ, не возмущаемой мятежами міра, давалась полная свобода пользоваться обильными пособіями мудрости; а мудрости, озаряемой свѣтомъ благодати, не въ обители ли, еще на землѣ окружавшейся свѣтомъ благодати, приличное мѣсто? *Ученіе многое — трудъ плоти*, говоритъ премудрый (Еккл. 12, 12) естественно. Но столько же естественно, чтобы въ обители молитвы и ученія многое не было трудомъ плоти. Тамъ, гдѣ отъ глубокаго утра до глубокой нощи открыты входы въ молитвенные храмы благодати, молитва совершенная если не въ тотъ, то въ другой часъ, молитва совершаемая любовію братій, могла оживлять и укрѣплять духъ, — а оживляя духъ сильна была оживлять и ослабѣвшую плоть. Много бы сердце хотѣло говорить о разныхъ щедротахъ Божіихъ, которыми щедро окружаемо было окружаемое различными духовными общеніями. Но, да не отягчатъ святый соборъ святителей глаголы благодарнаго сердца своимъ множествомъ. Господь милости и щедротъ да воздастъ щедротами своими собору правителей церкви Россійской за ту блаженную часть, которою такъ долго дозволено мнѣ было пользоваться.

„Что же скажу о предназначенномъ мнѣ жребіи? Скажу ли о немощи моей, такъ мало способной къ понесенію тяготы великаго сана? Опасаюсь говорить о ней, страшусь и молчать. Опасаюсь говорить, ибо о немощахъ своихъ свободно, не питая тайнаго самолюбія, говорили только великіе Павлы. Молчать о немощи страшусь, страшась той гордости, которая еще чаще доступна. Но нельзя же не обратиться мыслію къ трудности предназначаемаго служенія и особенно мѣста служенія. Господи! Что хощеши мя творити? Куда пойду? Кому возвѣщать буду слово? Тѣмъ ли, которые неохотно отверзаютъ ухо для гласа проповѣдующаго? Не испытую судебъ Твоихъ, Господи! Для славы истины Христовой мало ли и то, что, по волѣ благочестивѣйшаго монарха, свѣтъ чистой истины Христовой долженъ сіять и среди заблужденія непокориваго и среди мудрованія самочиннаго? Апостолъ проповѣдуетъ: *Проповѣдуй слово, настой благовременнѣ и безвременнѣ, обличи, запрети, умоли со всякимъ долготерпѣніемъ* (2 Тим. 4, 2) и Апостолъ же учитъ: *Рабу Господню не подобаетъ сваритися, но тиху быти ко всѣмъ, учителъну, не злобиву* (2 Тим. 2, 24). Какъ совмѣстить сіи требованія въ исполненіи? Средство одно указано: всякое долготерпѣніе, такъ какъ плодъ его—искусство; тѣмъ не менѣе и терпѣніе имѣть въ семъ случаѣ—не малое дѣло. Но—нѣтъ, не пререкаю святой волѣ Твоей, Господи! Вѣрю и исповѣдую, что дѣйственна воля Твоя, дѣйственна истина

Твоя. Немощно орудіе: но Ты хочешь, но Ты знаешь, какъ творить и немощное сильнымъ, и неискусное искуснымъ. Богоносне Сергіе! Къ тебѣ обращается обыкшая душа моя; ты отдѣлилъ многихъ изъ чадъ твоихъ въ вѣрныхъ блюстителей церкви; сохрани и меня твоими молитвами. Соборъ святителей Божіихъ! Благодарю святѣйшество ваше за призрѣніе на мое недостоинство, благодарю и прошу молитвъ вашихъ ко Господу Богу, да буду Ему въ сосудъ честенъ; празднымъ быть не желаю, по Его милости: но что творить и какъ творить, Онъ да покажетъ, Онъ да подастъ силы".

Эта рѣчь въ современномъ спискѣ приложена къ собранію писемъ архіепископа Филарета къ Н. Н. Шереметевой.

21) Екатерина Ѳедоровна, рожденная баронесса Колокольцова, супруга товарища министра народнаго просвѣщенія, попечителя Московскаго университета Михаила Никитича Муравьева и мать декабристовъ Никиты и Александра Михаиловичей. Родилась въ 1771 году, скончалась 21-го апрѣля 1848 года (Князь *Лобановъ-Ростовскій*. Русская Родословная Книга. С.-Пб. 1895. I, 409).

22) 22-го декабря 1841 года преосвященный Филаретъ писалъ А. В. Горскому: „Благодареніе Господу! Вчера совершено посвященіе. Совершалъ посвященіе Кіевскій митрополитъ (Филаретъ), участвовали въ посвященіи два митрополита (нашъ и Іона), архіепископы Гавріилъ (Рязанскій), Іосифъ (Литовскій) и Венедиктъ (викарій С.-Петербургскій) Благодареніе Господу, что посвященіе пришлось въ день Московскаго святителя Петра: это для меня знакъ, что Московскіе святители еще помнятъ о мнѣ грѣшномъ и не отвергаютъ меня въ молитвахъ своихъ. Нарушилъ столѣтній уставъ: не давалъ обѣда по посвященіи. Это, какъ поймете, произвело шумный говоръ... Гдѣ же мнѣ взять денегъ на такія траты? Надобно было бросать тысячу рублей..." („Письма Филарета, архіепископа Черниговскаго, къ А. В. Горскому", стр. 29).

23) Портретъ сей въ настоящее время хранится въ селѣ Покровскомъ.

24) Жена вѣрнаго служителя Н. Н. Шереметевой Якова Игнатьева Соловьева.

25) Софья Карловна Пѣвцова, рожденная Модерахъ, родилась въ 1783 году. Въ раннемъ дѣтствѣ она была увезена своимъ отцомъ, назначеннымъ генералъ-губернаторомъ Пермскимъ и Вятскимъ, въ Пермь; тамъ шестнадцати лѣтъ она вышла замужъ за генерала Аггея Степановича Пѣвцова. Въ 1812 году, будучи уже вдовой, Пѣвцова возвратилась въ Петербургъ, гдѣ и жила, получая небольшую пенсію, до 1826 года, когда императрица Марія Ѳеодоровна назначила ее начальницей института ордена св. Екатерины въ Москвѣ. Говорятъ, что по-

водомъ къ знакомству съ нею послужили стихи ея въ честь императора Александра I. До конца дней своихъ Пѣвцова оставалась начальницей института, пользуясь, по смерти Маріи Ѳеодоровны, неизмѣнною милостью какъ императрицы Александры Ѳеодоровны, такъ и императора Николая I, пожаловавшаго ей, въ день двадцатипятилѣтія ея службы, орденъ св. Екатерины. Она скончалась 27-го февраля 1852 года, оплакиваемая многочисленными своими ученицами и оставивъ по себѣ память какъ о женщинѣ весьма образованной, достойно исполнившей свое назначеніе и преданной отечеству и престолу (см. *J. Dumouchel.* Recueil de lettres de Sa Majesté l'Impératrice Marie Feodorowna aux tuteurs honoraires et aux superieures des Instituts de Moscou (1-ère livraison. Lettres de Sa Majesté à M-me de Pewtzoff. Moscou. 1833).

О С. К. Пѣвцовой сохранился восторженный отзывъ одного изъ современниковъ ея, Ф. Ф. Вигеля, который познакомился съ нею въ 1805 году, когда ѣхалъ въ Китай въ составѣ отправленнаго туда посольства, вотъ что̀ пишетъ онъ о ней въ своихъ „Запискахъ“: „Какъ алмазъ, вправленный въ олово, такъ сіяла посреди сего семейства вторая дочь Модераха, Софья Карловна, выданная за гатчинскаго генералъ-лейтенанта Аггея Степановича Пѣвцова, инспектора пѣхотной дивизіи и шефа Екатеринбургскаго полка... Она была двадцатитрехъ лѣтъ. Столь милаго личика и столь пристойнаго, умнаго кокетства трудно было найти. Отъ ея взоровъ и рѣчей все наше отдѣленіе вдругъ воспламенилось; самъ ледяной Сухтеленъ началъ таять, а бѣдный нашъ Нелидовъ! Онъ не на шутку влюбился, за то болѣе всѣхъ и полюбился; впрочемъ, и каждый изъ насъ могъ считать себя предпочтеннымъ. Чудесная сія женщина была вмѣстѣ съ тѣмъ и просвѣщеннѣйшая изъ всѣхъ тѣхъ, коихъ дотолѣ я видѣлъ; свободно выражаясь на иностранныхъ языкахъ, наслаждалась всѣми цвѣтами литературы и въ преддверіи Азіи; читая журналы, знала все, что̀ происходитъ въ Европѣ. Разумѣется, что нашъ отъѣздъ былъ еще отложенъ...“ („Записки Ф. Ф. Вигеля“. М. 1891. Ч. 1, стр. 146—147).

26) Иринархъ, впослѣдствіи архіепископъ Рязанскій. Скончался на покоѣ въ Рязанскомъ Спасскомъ монастырѣ 25-го сентября 1877 года (*Толстой.* Списки Архіереевъ. С.-Пб. 1872, стр. 37).

27) Здѣсь разумѣется слово, произнесенное митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ 27-го сентября 1842 года по освященіи храма Явленія Божіей Матери преподобному Сергію, устроеннаго надъ мощами преподобнаго Михея въ Свято-Троицкой Сергіевой лаврѣ. „Кто покажетъ мнѣ малый деревянный храмъ“, говорилъ между прочимъ владыка,—„на которомъ въ первый разъ наречено здѣ имя Пресвятыя Троицы? Вошелъ бы я въ него на всенощное бдѣніе, когда въ немъ съ трескомъ и дымомъ горящая лучина свѣтитъ чтенію и пѣнію, но

сердца молящихся горятъ тише и яснѣе свѣщи, и пламень ихъ достигаетъ до неба.. Отворите мнѣ дверь тѣсной келліи, чтобы я могъ вздохнуть ея воздухомъ, который трепеталъ отъ гласа молитвъ и воздыханій преподобнаго Сергія, который орошенъ дождемъ слезъ его, въ которомъ впечатлѣно столько глаголовъ духовныхъ, пророчественныхъ, чудодѣйственныхъ. Дайте мнѣ облобызать прахъ ея сѣней, который истертъ ногами святыхъ, и чрезъ который однажды переступали стопы Царицы Небесныя. Укажите мнѣ еще другія сѣни другой келліи, которыя въ одинъ день своими руками построилъ преподобный Сергій—и въ награду за трудъ дня и за гладъ нѣсколькихъ дней получилъ укругъ согнивающаго хлѣба. Посмотрѣлъ бы я, какъ, позже другихъ насажденный въ сей пустынѣ, преподобный Никонъ спѣшно растетъ и созрѣваетъ до готовности быть преемникомъ преподобнаго Сергія. Послушалъ бы молчанія Исаакіева, которое, безъ сомнѣнія, поучительнѣе моего слова. Взглянулъ бы на благоразумнаго архимандрита Симона, который довольно рано понялъ, что полезнѣе быть послушникомъ у преподобнаго Сергія, нежели начальникомъ въ другомъ мѣстѣ. Вѣдь это все здѣсь: только закрыто временемъ, или заключено въ сихъ величественныхъ зданіяхъ, какъ высокой цѣны сокровище въ великолѣпномъ ковчегѣ. Откройте мнѣ ковчегъ, покажите сокровище: оно не похитимо и не истощимо; изъ него, безъ ущерба его, можно заимствовать благопотребное, напримѣръ, безмолвіе молитвы, простоту жизни, смиреніе мудрованія". (Сочиненія Филарета, митрополита Московскаго. М. 1882, IV, стр. 193—194).

28) 1-го ноября 1843 года преосвященный Филаретъ писалъ къ А. В. Горскому: „Въ Вильнѣ пробылъ двѣ недѣли; раздѣлялъ торжество православія надъ властью папизма. Да, надобно дивиться какъ тому, что̀ было прежде въ Вильнѣ, такъ и тому, что̀ происходитъ теперь. Знаете ли, въ какомъ положеніи было православіе въ Вильнѣ въ XVII вѣкѣ и въ какомъ — въ началѣ XIX-го? Сохранилась старая карта Вильны XVII или начала XVIII вѣка: по ней видно, что въ Вильнѣ было 15 православныхъ церквей. А что̀ засталъ XIX-й вѣкъ? Въ его началѣ оставался одинъ Духовъ монастырь, и въ немъ настоятель безъ братіи... Въ настоящее время дѣла приняли обратный путь. Православіе распространяется, а папство стѣсняется въ предѣлахъ. Дай Богъ, чтобы начатое не оставлено было" („Письма Филарета, архіепископа Черниговскаго, къ А. В. Горскому", стр. 133).

29) Графъ Николай Дмитріевичъ Шереметевъ родился 15-го апрѣля 1838 года. Императоръ Николай былъ его воспріемникомъ и самъ пріѣхалъ на крестины, которыя совершены были въ домовой церкви на Фонтанкѣ. Воспріемницей была Варвара Петровна Шереметева. Скончался въ Москвѣ, на Воздвиженкѣ, 20-го октября 1843 года. Отпѣваніе

совершалъ самъ Московскій митрополитъ Филаретъ. Погребенъ въ Новоспасскомъ монастырѣ. На памятникѣ вырѣзаны слова Іова: *Господь даде, Господь отъятъ: яко Господеви изволися, тако бысть: буди имя Господне благословенно во вѣки.* Безутѣшныхъ родителей утѣшилъ благодатнымъ письмомъ своимъ митрополитъ Кіевскій и Галицкій Филаретъ:

„Благодать и миръ и утѣшеніе Духа Святаго вѣрной рабѣ Божіей Аннѣ Сергѣевнѣ. Единъ Духъ Святый, утѣшитель истинный, можетъ утѣшить сердце твое, исполненное скорбію о неожиданной кончинѣ возлюбленнаго младенца нашего Николая. Видно, зѣло много возлюбилъ его Отецъ Небесный, что невиннаго, чистаго взялъ въ ликъ ангеловъ своихъ. Не внялъ ни твоей материнской скорби, ни нашимъ молитвамъ о оставленіи его на землѣ. Ты любишь единороднаго Николая своего, но что наша любовь въ сравненіи съ любовью Отца Небеснаго, который отъ младенческихъ его радостей въ объятіяхъ твоихъ переселилъ его прямо въ радости райскія, не попустивъ вкусить ему горестей и искушеній гибнувшаго міра сего! Приложи къ себѣ, вѣрная раба Божія, слова Господа, реченныя Отцу вѣрующихъ: *Поими сына твоего возлюбленнаго, его же возлюбилъ еси, Николая, и возврати его мнѣ.* Да отвѣтствуетъ сердце твое слѣдующее на гласъ Господень: *Господь даде, Господь и взялъ: якоже Господеви изволися, тако бысть. Буди имя Господне благословенно во вѣки.* Заступница усердная, всѣхъ скорбящихъ радость, Пресвятая Матерь Божія, принявшая младенца Николая на вѣки въ материнскій покровъ свой, да утѣшитъ скорбное сердце твое и да укрѣпитъ вѣру твою и надежду, въ неизреченной радости твоей узрѣть нѣкогда любимаго твоего сына въ вѣчныхъ обителяхъ Отца Небеснаго. Гдѣ есть истинное сокровище наше, тамъ да будетъ и сердце наше! Призывая на тебя, на супруга твоего и на всѣхъ родныхъ твоихъ благословеніе Божіе и поручая всѣхъ васъ молитвамъ угодниковъ Божіихъ, есмь и пребуду вашего сіятельства усерднѣйшій богомолецъ Филаретъ, митрополитъ Кіевскій. 8 ноября 1843.

„Доброй благочестивой сестрицѣ вашей Елисаветѣ благословеніе Божіе, — весьма благодаренъ за письмо ея, а умедлилъ отвѣтомъ за отлучкою моею въ епархію на нѣсколько дней“ (Графъ *С. Д. Шереметевъ*. Старшій братъ мой. С.-Пб. 1893).

30) Отъ племянника Якова Михайлова, В. А. Михайлова, мы получили слѣдующія свѣдѣнія: „Мой прадѣдъ, Марко Гансъ, былъ свободный гражданинъ и уроженецъ города Дерпта; будучи уже семейнымъ человѣкомъ, переѣхалъ онъ изъ Дерпта въ одну изъ мызъ Венденскаго уѣзда, — Пебальгъ Оризгофъ, послѣ уже смерти Петра Великаго, подарившаго эту мызу, въ числѣ другихъ, фельдмаршалу Шереметеву, — гдѣ содержалъ на арендѣ мельницу. Здѣсь, послѣ смерти Марка Ганса, остался круглымъ сиротою родной сынъ его, а мой дѣдъ,

Юрій (или Георгъ), который, будучи несовершеннолѣтнимъ, взятъ былъ графомъ Шереметевымъ подъ свое покровительство, а впослѣдствіи обращенъ въ православіе изъ лютеранства, съ наименованіемъ Михаиломъ и по крестному отцу, которымъ былъ графъ Николай Петровичъ Шереметевъ, Николаевичемъ. Вмѣстѣ съ новымъ исповѣданіемъ явилась у дѣда моего и новая фамилія: Графъ Н. П. Шереметевъ назвалъ его Михайловымъ, приписавъ затѣмъ къ одной изъ своихъ мызъ—Бронницы, Петергофскаго уѣзда, откуда, за продажею этой мызы, семья Михайловыхъ, по ревизскимъ сказкамъ, была переведена въ слободу Алексѣевку, Воронежской губерніи, Бирючинскаго уѣзда. Такъ какъ дѣдъ мой продолжалъ держать, послѣ смерти своихъ родителей, мельницу, то назывался также Мельниковымъ, что̀, вѣроятно, больше потому, что отецъ его былъ, по профессіи, механикъ-мельникъ. По смерти Георга Ганса, въ православіи Михаила Николаевича Михайлова, оставалось восемь сыновей, въ числѣ коихъ мой отецъ Алексѣй и самый младшій изъ братьевъ—дядя Яковъ, который, вскорѣ послѣ извѣстнаго движенія латышей, въ концѣ 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ, въ пользу православія, за сдѣланный имъ переводъ богослужебныхъ книгъ съ церковно-славянскаго языка на нѣмецкій и латышскій, по высочайшему соизволенію императора Николая Павловича, возведенъ былъ въ санъ православнаго священника и по смерть свою (въ 1854 г.) служилъ при Покровской церкви въ Ригѣ".

Кромѣ этихъ свѣдѣній В. А. Михайловъ сообщилъ намъ слѣдующую выписку изъ *Православнаго Обозрѣнія* (май — іюнь 1886 года, стр. 183): „Съ соблюденіемъ предписанныхъ инструкціей Филарету (епископу Рижскому) условій, торжественно 21-го апрѣля 1845 года совершено было въ Рижскомъ соборѣ чрезъ таинство мvропомазанія присоединеніе десяти латышей изъ Рижскаго Гернгутерскаго общества. Затѣмъ, тотчасъ открыто было богослуженіе на латышскомъ языкѣ въ рижской Покровской церкви, на Петербургскомъ форштатѣ образованъ для этой цѣли особый причтъ изъ людей, знающихъ латышскій языкъ. Во священника для латышей рукоположенъ былъ, согласно представленія Филарета, бывшій бухгалтеръ въ имѣніи графа Шереметева, вольноотпущенный имъ Яковъ Михайловъ, извѣстный отличнымъ поведеніемъ, хорошо знающій, кромѣ русскаго и французскаго языковъ, латышскій и нѣмецкій, принимавшій участіе въ переводѣ на латышскій языкъ нашихъ богослужебныхъ книгъ, человѣкъ, снискавшій въ Лифляндіи общее уваженіе и латышей, и дворянъ".

31) Павелъ Яковлевичъ Купріяновъ. Родился 4-го августа 1789 года въ Костромской губерніи, Солигалицкаго уѣзда, въ селѣ Патинѣ. По стародавнему обычаю дворянскихъ семей онъ былъ записанъ во 2-й кадетскій корпусъ, гдѣ съ успѣхомъ и окончилъ курсъ въ 1806 году. Въ

тотъ же годъ ему пришлось идти въ походъ въ рядахъ только что сформированнаго изъ государственныхъ и дворцовыхъ крестьянъ Петербургской губерніи баталіона императорской милиціи. Въ дѣлахъ подъ Гутштадтомъ, Гейльсбергомъ и Фридландомъ новобранцы показали себя такъ хорошо, что баталіонъ былъ переименованъ въ баталіонъ Финляндской гвардіи и сравненъ въ правахъ съ старою гвардіей, а молодой офицеръ его получилъ за сраженіе подъ Фридландомъ первую боевую награду. Въ 1811 году изъ этого баталіона былъ сформированъ лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ, который принималъ славное участіе въ Отечественной войнѣ и въ послѣдовавшихъ походахъ за границу. Эту славу родного полка дѣлилъ и храбрый поручикъ Куприяновъ, возвышаясь на служебномъ поприщѣ съ каждымъ новымъ его подвигомъ. Такимъ образомъ, Куприянову привелось участвовать въ бояхъ подъ Бородинымъ, Краснымъ, Люценомъ и Бауценомъ, Дрезденомъ и Кульмомъ, подъ Лейпцигомъ и наконецъ во взятіи Парижа. Изъ этихъ походовъ Куприяновъ вернулся въ чинѣ штабсъ-капитана и съ нѣсколькими отличіями за храбрость. Боевые уроки дали Куприянову трезвый и правильный взглядъ на военное дѣло, сдружили его съ солдатомъ, научили понимать его нужды, условія его существованія и такимъ образомъ подготовили его къ самостоятельному командованію. Куприянова высоко цѣнило и начальство, давая ему самостоятельныя порученія; такъ въ 1824 году, во время постигшаго Петербургъ бѣдствія, ему было поручено наблюденіе за распредѣленіемъ пособій жителямъ Васильевскаго острова и Галерной гавани и за поправкой поврежденныхъ строеній. За свои труды Куприяновъ удостоился Высочайшаго благоволенія. Въ 1826 году, 37 лѣтъ, онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Спустя два года началась турецкая кампанія, которая въ жизни молодого генерала составляетъ одну изъ блестящихъ страницъ. Отправленный съ 4,500 человѣкъ для обложенія Варны, въ которой было гарнизона около 10,000 человѣкъ, генералъ Куприяновъ въ теченіе шести дней, сражаясь по 12 часовъ въ сутки, отбилъ всѣ вылазки турокъ и не уступилъ ни одной пяди земли. Послѣ Варны дѣйствія Куприянова сосредоточились въ преддверіяхъ Балканъ, въ Праводахъ. Это былъ городокъ, находившійся между Шумлою и Варною, и совсѣмъ не укрѣпленный, но считавшійся самими турками ключомъ къ Балканамъ. Турки нѣсколько разъ пытались овладѣть этою позиціею, но тщетно: генералъ Куприяновъ съ успѣхомъ отразилъ нападенія. Отъ удержанія Праводъ за русскою арміей въ теченіе наступившей зимы зависѣлъ дальнѣйшій успѣхъ военныхъ дѣйствій. На бывшемъ по этому случаю совѣтѣ генералъ Куприяновъ заявилъ, что если ему прибавятъ одну бригаду, то онъ приведетъ Праводы въ оборонительное состояніе и отстоитъ ихъ до возобновленія дѣйствій. И дѣйствительно,

онъ геройски сдержалъ свое слово: не смотря на то, что городъ совсѣмъ не былъ укрѣпленъ, что теплой одежды у солдатъ почти не было, топлива тоже, провіанта мало, и шанцеваго инструмента очень не много, Куприяновъ сумѣлъ поддержать бодрость въ отрядѣ, снабдилъ городъ цѣлымъ рядомъ укрѣпленій, орудіями и зарядами, сдѣлалъ запасы провіанта и фуража, однимъ словомъ, привелъ свой отрядъ и самый городъ въ такое положеніе, что, когда весною визирь обрушился на Праводы своею массой войскъ, городъ могъ выдержать осаду съ 17-го по 29-е мая. Эта задержка арміи визиря дала возможность Дибичу двинуться изъ-подъ Силистріи къ Шумлѣ и затѣмъ разбить турецкую армію при Кулевчинѣ; вскорѣ послѣ того русскія войска перешли Балканы, — и война была окончена. Въ 1831 году Куприяновъ принялъ участіе въ польской войнѣ, а въ 1848 году — въ венгерской кампаніи. Здѣсь въ началѣ сраженія при Дебречинѣ Куприяновъ былъ тяжело раненъ гранатой въ правую ногу и долженъ былъ навсегда покинуть боевую дѣятельность. 29-го іюля 1849 года онъ былъ назначенъ членомъ военнаго совѣта; эту должность Куприяновъ занималъ до своей смерти, принимая самое дѣятельное участіе въ законодательныхъ работахъ учрежденія. Павелъ Яковлевичъ былъ женатъ дважды: въ первый разъ (въ 1821 г.) на Марьѣ Петровнѣ Мальшиной, отъ которой имѣлъ дочь Варвару, вышедшую замужъ за рижскаго купца 1-й гильдіи Вермана; ея старшій сынъ за заслуги дѣда получилъ право присоединить его фамилію и называться Куприяновъ-Верманъ; во второй бракъ Куприяновъ вступилъ съ дочерью севастопольскаго героя Еленой Степановной Хрулевой. Умеръ Куприяновъ въ 1874 году, въ вербную субботу (см. *Русскій Инвалидъ* 1874 г., №№ 70 и 71).

32) По свидѣтельству графа Д. Н. Толстого, Валерій Валеріевичъ Скрыпицынъ „нѣкогда служилъ въ гвардіи. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отставки М. Н. Муравьевъ пригласилъ его на гражданскую службу, и когда былъ Курскимъ губернаторомъ, опредѣлилъ его совѣтникомъ мѣстнаго губернскаго правленія. Блестящія способности Скрыпицына послужили поводомъ къ сближенію съ нимъ Муравьева, а когда послѣдній перешелъ въ Петербургъ, онъ содѣйствовалъ къ опредѣленію Скрыпицына въ вѣдомство оберъ-прокурора св. синода, откуда онъ поступилъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ при графѣ Перовскомъ и получилъ назначеніе директора департамента иностранныхъ исповѣданій“ (*Русскій Архивъ* 1881, III, 421).

33) Графъ С. Д. Шереметевъ родился 14-го ноября 1844 года, въ Петербургѣ, въ отцовскомъ домѣ на Фонтанкѣ. Его крестили въ Зимнемъ дворцѣ, воспріемникомъ отъ купели былъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, воспріемницей — императрица Александра Ѳеодоровна.

34) На мѣсто барона Палена Рижскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Евгеній Александровичъ Головинъ. 7-го августа 1845 года Филаретъ, митрополитъ Московскій, писалъ къ Филарету, епископу Рижскому: „Новаго начальника вашего края старался я познакомить съ вами, и онъ показалъ себя еще тогда предупредительнымъ въ вашу пользу“ („Письма Филарета, митрополита Московскаго, къ Филарету, впослѣдствіи архіепископу Черниговскому“. М. 1884, стр. 38). Самъ же Филаретъ, епископъ Рижскій, 17-го мая 1845 года, писалъ къ А. В. Горскому: „Сюда прибылъ новый хозяинъ губерніи—Головинъ. Благодареніе Господу и за то, что посланъ русскій хозяинъ. Иначе здѣсь все русское въ тяжкомъ египетскомъ рабствѣ, а болѣе всего православіе. Нѣмцы умны для того, чтобы видѣть, къ чему поведетъ и въ гражданскомъ быту распространеніе православія. Но воля Господня да будетъ“ („Письма Филарета, архіепископа Черниговскаго, къ А. В. Горскому“, стр. 180). 12-го мая 1845 года Головинъ прибылъ въ Ригу и былъ „встрѣченъ всѣми средневѣковыми шествіями и обрядами“. По свидѣтельству Ю. В. Толстого, Головинъ „съ переселеніемъ въ Ригу не сдѣлался лифляндцемъ и дѣйствовалъ въ видахъ правительства всероссійскаго, неуклонно слѣдовалъ по указаніямъ избраннаго симъ правительствомъ девиза: *православія, самодержавія, русской народности;* считалъ законопреступленіемъ препятствовать угнетеннымъ эстамъ и латышамъ оставлять лютеранство и переходить тысячами въ православіе; не признавалъ сбыточнымъ насильственное пригвожденіе эстовъ и латышей къ мнимо-нѣмецкой національности вопреки стремленію ихъ слиться съ народностью русскою! Можно ли винить Головина въ этихъ стремленіяхъ? Едва ли истинный русскій обвинитъ его въ томъ, что съ его пріѣздомъ въ Ригу залы генералъ-губернаторскаго замка огласились русскою рѣчью, что латыши и эсты впервые услышали отъ него, что они *сыны* Россіи, а не пасынки Германіи; что онъ не затворилъ предъ ними царскихъ вратъ святого православнаго храма и не воспрепятствовалъ служителямъ православія принимать отверженцевъ Лютеровой ереси въ любвеобильное общеніе вселенской церкви! Головинъ могъ поступить неосторожно, несогласно съ правилами хитроумія политическаго, когда откровенно, безъ утайки, обнаружилъ свое чистосердечное убѣжденіе, что Рига, Митава и Ревель суть города русскіе, что эст- лиф- и курляндцы такіе же подданные Россійской имперіи, какъ эсты и латыши“ („Девятнадцатый Вѣкъ“. М. 1872. I, 60).

35) 12-го августа 1845 года преосвященный Филаретъ писалъ къ А. В. Горскому: „У меня былъ А. Н. Муравьевъ, и я весьма радъ былъ ему: такъ милъ здѣсь русскій. А Андрей Николаевичъ еще болѣе, какъ добрый христіанинъ. Онъ много разсказывалъ мнѣ любопытнаго о Римѣ и римлянахъ! Съ какимъ восторгомъ летѣлъ онъ къ матушкѣ

Россіи! То и твердилъ: на смерть наскучила Европа" („Письма Филарета, архіепископа Черниговскаго, къ А. В. Горскому", стр. 183).

36) Евгенія Ивановна Головина, рожденная Фонъ-Визинъ, супруга Е. А. Головина. Князь П. В. Долгоруковъ именуетъ ее *Елисаветой Павловной* (Русская Родословная Книга. С.-Пб. 1855, стр. 116).

37) Сынъ М. Н. Муравьева—Василій Михайловичъ. Онъ скончался 13-го апрѣля 1848 года, въ чинѣ штабсъ-капитана (Князь *Лобановъ-Ростовскій*. Русская Родословная Книга. С.-Пб. 1895. I, 414).

38) Николай Николаевичъ Муравьевъ (Карскій). Родился 14-го іюня 1793 года, скончался 18-го октября 1867 года. Въ первомъ бракѣ на Софьѣ Ѳедоровнѣ Ахвердовой; во второмъ—на сестрѣ декабриста, графинѣ Наталіи Григорьевнѣ Чернышовой (Князь *Лобановъ-Ростовскій*. Русская Родословная Книга. С.-Пб. 1893. I, 410—411). Въ концѣ 1847 и въ началѣ 1848 года Н. Н. Муравьевъ посѣтилъ Прибалтійскій край, и въ „Запискахъ" его мы, между прочимъ, читаемъ: „По словамъ остзейскихъ бароновъ озлобленіе лютеранъ было такъ сильно, что архіерей не могъ бы на улицу показаться. Гражданская власть съ угрозами и позорно бранилась съ духовною въ перепискахъ, такъ что правительство принуждено было удалить Иринарха, а на мѣсто его поставили архіерея Филарета, молодого человѣка, образованнаго, который занялъ свое мѣсто подъ страхомъ примѣра, случившагося съ его предмѣстникомъ. Вскорѣ и баронъ Паленъ былъ перемѣщенъ въ государственный совѣтъ, и мѣсто его дали Головину, человѣку умному, но хитрому, слабому и проповѣдующему необыкновенную преданность къ православію, впрочемъ, ни къ чему болѣе не способному какъ по слабости здоровья, такъ и по нерѣшительности своей и безпамятству... Головинъ принялъ меня очень привѣтливо. Отъ него поѣхалъ я къ епархіальному архіерею Филарету. Молодой человѣкъ, очень образованный, но также затрудненный въ исполненіи своей обязанности. Онъ говорилъ со мною о дѣлахъ православія и, по видимому, не довѣрялъ постоянству предпринимаемыхъ правительствомъ мѣръ, жаловался на упорство бароновъ. Филаретъ, какъ видно, былъ недоволенъ своимъ мѣстомъ. Онъ въ разговорѣ объяснилъ мнѣ много случаевъ, въ коихъ бароны дѣлали всякія препятствія къ водворенію православія, но укрывалъ отъ меня, что первые порывы народа, возбужденные обѣщаніями правительства, уже остывали" (*Русскій Архивъ* 1895, № 4, стр. 424, 429).

39) 24-го сентября 1847 года преосвященный Филаретъ писалъ А. В. Горскому: „Пишу къ тебѣ не изъ Риги, а изъ Вольмара, куда прибылъ, чтобы освятить храмъ" („Письма Филарета, архіепископа Черниговскаго, къ А. В. Горскому", стр. 210).

40) „Вдова Михаила Никитича Муравьева!" восклицаетъ Погодинъ.—„Сколько воспоминаній пробудило это незабвенное въ лѣтописяхъ

отечества имя! Воспитатель императора Александра, сочинитель всѣхъ учебныхъ уставовъ въ началѣ его царствованія, первый попечитель Московскаго университета, пламенный ревнитель просвѣщенія, другъ русской словесности, доставившій Карамзину средства посвятить себя исторіи, талантливый писатель, благороднѣйшій человѣкъ — вотъ кого судьба даровала ей въ спутники жизни! Какимъ блескомъ и славою озарено было ея вступленіе въ свѣтъ... Домъ Муравьевыхъ былъ тогда средоточіемъ всего возвышеннаго, отличнаго, лучшаго въ обществѣ и литературѣ... Батюшковъ здѣсь воспитывался; Державинъ, Дмитріевъ, Карамзинъ, Жуковскій, одинъ за другимъ принадлежали къ этому семейству. Нечего говорить о членахъ Московскаго университета, которые являлись здѣсь, какъ въ отеческомъ домѣ..." Муравьевъ „былъ ихъ общій отецъ, другъ, слуга, наставникъ, совѣтникъ, защитникъ, покровитель". Но „другія мысли, другія чувства наполнили душу" Погодина, когда онъ вошелъ въ Новоспасскій монастырь и увидѣлъ гробъ, вмѣщавшій въ себѣ остатки покойницы. Ему „представилась послѣдняя половина ея долговременной, почти семидесятилѣтней жизни! Боже мой! Какія горести, какія страданія, какіе удары! Какою страшной чередой, одни другихъ сильнѣе, убійственнѣе, разражались они надъ этою бѣдною женщиной! Она похоронила мужа, дѣтей, внучатъ, — всѣ свои чувства, желанія, радости, надежды—развѣ кромѣ небесной, и помертвѣла на землѣ, прежде чѣмъ умерла... Миръ душѣ твоей, страдалица", заключаетъ Погодинъ,—„преплывъ житейское море, которое для тебя въ особенности *воздвизалось напастей бурею,* да найдешь ты наконецъ упокоеніе въ томъ тихомъ пристанищѣ, гдѣ всѣ и все упокоевается..." („Жизнь и труды М. П. Погодина". С.-Пб. 1895. IX, стр. 338—340).

41) Въ началѣ 1848 года Рижскаго военнаго генералъ-губернатора Е. А. Головина смѣнилъ князь Александръ Аркадіевичъ Суворовъ. 14-го января 1848 года митрополитъ Московскій Филаретъ писалъ Рижскому епископу Филарету: „Съ удовольствіемъ услышалъ я о улучшившихся отношеніяхъ вашихъ съ начальникомъ края. Но вотъ его уже нѣтъ. Надѣюсь, что вамъ хорошо будетъ съ новымъ" („Письма Филарета, митрополита Московскаго, къ Филарету, впослѣдствіи архіепископу Черниговскому", стр. 44). Самъ же преосвященный Филаретъ писалъ къ А. В. Горскому: „Князь Суворовъ, не смотря на то, что внукъ знаменитаго любовію ко всему русскому дѣлу, до крайности страненъ въ своемъ усердіи къ нѣмцамъ. Назвать ли его лютеранскимъ генералъ суперъ-интендентомъ, или только человѣкомъ, для котораго важны однѣ звѣзды, — не знаю. Безпрестанно твердитъ, что онъ русскій съ ногъ до головы, а насмѣхается надъ всѣмъ русскимъ и унижаетъ русскихъ открыто. Твердитъ, что имѣетъ глубокое чувство правды, а покровительствуетъ лютеранизмъ и преслѣдуетъ православіе при всѣхъ удобныхъ и неудобныхъ

случаяхъ" („Письма Филарета, архіепископа Черниговскаго, къ А. В. Горскому", стр. 221—222). Въ апрѣлѣ 1848 года Ю. Ѳ. Самаринъ писалъ Погодину: „Я намѣренъ обратиться къ вамъ съ просьбою, которая, вѣроятно, васъ удивитъ. Можетъ быть, до васъ уже дошелъ слухъ о пріѣздѣ въ Ригу новаго генералъ-губернатора, князя Суворова, и о первыхъ его дѣйствіяхъ. Эти дѣйствія его были такого рода, что они отодвинули разомъ на нѣсколько лѣтъ начатое преобразованіе края; нѣмцы подняли голову, русское купечество повѣсило носъ; бѣдный архіерей плачетъ какъ ребенокъ. Вся бѣда произошла отъ того, что князь Суворовъ поддался на приманку, конечно, самую соблазнительную. Нѣмцы встрѣтили его какъ избавителя и дали ему почувствовать, что онъ долженъ поддерживать ихъ, если только онъ не хочетъ прослыть, какъ его предшественникъ, человѣкомъ безхарактернымъ, орудіемъ другихъ людей и т. д. Однимъ словомъ, они овладѣли имъ совершенно. Мы долго думали, какъ бы тому помочь и придумали слѣдующее: Суворовъ къ счастью дорожитъ общественнымъ мнѣніемъ или, лучше, онъ боится потерять популярность, неразлучную съ его именемъ. Еслибы могъ дойти до него изъ Россіи неодобрительный голосъ, онъ бы, безъ сомнѣнія, одумался. Въ Ригѣ, естественно, онъ его не слышитъ... Надобно устроить такъ, чтобы на его проказы отозвалась Москва. Есть въ Москвѣ такой человѣкъ, у котораго онъ служилъ подъ начальствомъ, котораго онъ любитъ, уважаетъ и боится. Это А. П. Ермоловъ. Одно его слово достаточно будетъ, чтобы привести его къ сознанію. Вы съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ и потому можете принять на себя роль посредника. Вы получите отъ меня вскорѣ послѣ этого письма подробную реляцію о первыхъ дѣйствіяхъ Суворова; покажите ее Ермолову, не называя меня. А. П. Ермоловъ, вѣроятно, не захочетъ, полагаясь на одинъ этотъ документъ, написать князю Суворову своего мнѣнія; но мы этого не просимъ. Достаточно будетъ и того, если онъ препроводитъ къ нему копію съ этой реляціи съ простымъ вопросомъ: *вотъ что про тебя пишутъ—правда ли это?* Если вамъ удастся склонить его къ этому, то вы окажете величайшую услугу всѣмъ русскимъ, которыхъ судьба теперь въ рукахъ Суворова". Желаніе Самарина Погодинъ исполнилъ, о чемъ свидѣтельствуютъ нижеслѣдующія строки его къ А. П. Ермолову: „Представляю вашему высокопревосходительству записку о рижскихъ чудесахъ, которая здѣсь ходитъ по рукамъ" („Жизнь и труды М. П. Погодина". С.-Пб. 1896. X, стр. 30—39). „Отозваніе Головина отъ начальства Балтійскимъ краемъ", какъ онъ самъ пишетъ,—„было для лифляндскаго дворянства и для рижскаго магистратскаго сословія полнымъ торжествомъ, которому тѣ и другіе предавались открыто" („Девятнадцатый Вѣкъ". М. 1872. I, стр. 59).

42) Послѣ Филарета на престолъ Рижской церкви былъ возведенъ

епископъ Ковенскій Платонъ, скончавшійся въ санѣ митрополита Кіевскаго и Галицкаго. 29-го ноября 1848 года Филаретъ писалъ къ А. В. Горскому: „На мое мѣсто поступаетъ Ковенскій Платонъ, тотъ самый, что̀ былъ недолго ректоромъ Костромскимъ, и котораго мнѣ грѣшному пришлось въ 1843 г. посвящать съ высокопреосвященнымъ Іосифомъ въ епископа Ковенскаго. Больно ему переѣзжать изъ Ковно въ Ригу, а еще тяжелѣе будетъ управляться съ здѣшними дѣлами. Имѣть дѣло съ нѣмцами то же, что̀ носить камни на груди". („Письма Филарета, архіепископа Черниговскаго, къ А. В. Горскому". М. 1885, стр. 229—230). Филаретъ, митрополитъ Московскій, писалъ о немъ къ епископу Филарету слѣдующее: „Нѣкто, бывшій въ вашемъ краю, сказалъ мнѣ, что преосвященный Платонъ въ Вильнѣ обходительностью своею со всѣми болѣе успѣваетъ, нежели вы у себя. Конечно, это успѣхъ поверхностный: но не всегда надобно пренебрегать онымъ. Служить Богу можемъ, убѣгая людей; служить управленію людьми нельзя иначе, какъ общеніемъ, Только надобно, чтобы оно не противорѣчило характеру служенія". („Письма Филарета, митрополита Московскаго, къ Филарету, впослѣдствіи архіепископу Черниговскому". М. 1884, стр. 38—39).

43) „20-го декабря 1848 года", повѣствуетъ біографъ Филарета,— „подождавъ до вечера въ Харьковскомъ архіерейскомъ домѣ, порѣшили, что если новый владыка и подъѣзжаетъ къ Харькову, то остановится на ночлегѣ на послѣдней станціи, но ночью не пріѣдетъ. А съ какого тракта его ожидать, того никто не зналъ. Между тѣмъ по дорогѣ изъ Кіева приближался къ Харькову неуклюжій зимній возокъ, и въ немъ сидѣлъ, задумавшись, новый Харьковскій епископъ. Ему всего было въ ту пору 43 года; но семилѣтнія страданія въ Ригѣ положили сильный отпечатокъ на его лицѣ. Тѣ, которые видѣли его ректоромъ, съ удивленіемъ замѣчали въ немъ перемѣну, несвойственную годамъ... Вотъ возокъ остановился передъ крыльцомъ архіерейскаго дома. Келейникъ отворилъ дверцу, владыка вышелъ изъ возка и осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ. И не мало пришлось простоять ему на морозѣ передъ дверьми своего новаго жилища, пока отыскали служителя съ ключемъ". Эконому Филаретъ объявилъ, что завтра, то-есть, 21-го декабря, будетъ служить въ Крестовой церкви. Въ тотъ день, день памяти св. митрополита Петра, истекало семилѣтіе со дня его посвященія въ епископы, „семь лѣтъ скорбей и страданій, которыя переносилъ онъ, по своему величайшему смиренію, съ полною покорностію" (*Русскій Архивъ* 1887, № 10, стр. 238—239).

